

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

Редакционная коллегия:

П.А.Грязневич, Г.А.Зограф, Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян
(председатель), Э.Н.Темкин

Ответственный редактор:

П.А. Грязневич

© Ленинградское отделение Института востоковедения
АН СССР, 1977 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От редактора	5
Грязневич П.А. О состоянии и перспективах развития арабистики в ЛО ИВ АН	6
Лебедев В.В. Неизвестная генеалогия древнеарабских племен	18
Лундин А.Г. Основные этапы древнейшей истории Аравии	25
Пиотровский М.Б. Химйаритский кайль Сумайфа ⁴ Зу-л-Кала ⁴ и халиф Абу Бакр	32
Шифман И.Ш. О некоторых установлениях раннего ислама (запрет пить вино)	39
Грязневич П.А. Аравия и арабы (к истории термина ал-'араб)	42
Айтберов Т.М. К вопросу о рабстве в Дагестане в XVI-XVII вв.	52
Витол А.В. К характеристике внешней торговли Османской империи (первая половина XVIII в.)	58
Голдобин А.М. Тайная организация вафдистов	61
Бациева С.М. Географический фактор в историко-социологической концепции Ибн Халдуна	68
Прозоров С.М. Классификация мусульманских сект по "Ат-табсир фи-д-ин" Абу-л-Музаффар а-л-Исфараини	74
Матвеев В.В. Лев Африканский. Некоторые черты биографии и творчества	81
Бойко К.А. К истории формирования арабской исторической традиции в Египте (Абдаллах б. Амр б. ал-Ас)	89
Халидов А.Б. Документы о "передаче" книг и книжного знания	96
Полосин Вл.В. О подготовке словаря древнеарабской поэзии	105
Лившиц В.А. Правители Пенджикента UP - начала УШ в. Фролова О.Б. Загадочные "алиф-лам алиф" в разделе об Аму-Дарье "Космографии" Закарийи ал-Казвини	109
Михайлова И.Б. "Русум дар ал-хилафа" Хилала ас-Саби как историко-культурный памятник	121
Полосин Вл.В., Полосин В.В. Об арабской средневековой сатирической эпиграмме	124

Долинина А.А. Литературный перевод 12-й макамы ал-Харири	136
Чеботарева Г.Н. Архив академика И.Ю.Крачковского .	141
Долинина А.А. Неопубликованные переводы из арабской литературы в архиве И.Ю.Крачковского	149
Бертельс Д.Е. Несколько страниц из жизни и творчества академика Х.М.Френа	154
Михайлова А.И. Неизданные работы ленинградских арабистов в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР	160

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник содержит доклады и сообщения, которые были прочтены на заседаниях сессии ленинградских арабистов, проходившей 30 марта - 1 апреля 1976 г. в рамках XII годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР.

Круг рассмотренных на сессии проблем отразил главные направления арабистических исследований, проводимых в Ленинграде. Большая часть их посвящена темам, традиционным для школы советской арабистики, созданной акад. И.Ю.Крачковским. В их числе - история и история культуры народов арабского Востока, изучение арабских источников по истории народов СССР, введение в науку ценнейших рукописных памятников, находящихся в фондах ленинградских рукописных хранилищ, изучение средневековой арабской исторической и географической литературы и история отечественной арабистики.

В связи с исполнившимся в 1976 г. двадцатипятилетием со времени кончины акад. И.Ю.Крачковского были прочитаны доклады, посвященные его архивному наследию.

Положительным моментом в работе сессии явилась постановка новых и актуальных проблем, таких, как структура и содержание общественного сознания доисламской Аравии по материалам древней бедуинской поэзии, изменение социальной структуры общества и его самосознания в период перехода от древней родо-племенной и раннеклассовой цивилизации к средневековой феодальной (на материале Аравии) и изучение сектантского движения в исламе как формы развития мусульманской религиозно-политической идеологии.

Сессия дала возможность провести обмен мнений по многим принципиальным вопросам, связанным с разработкой исторических и историко-культурных проблем, представляющих научный и практический интерес. Она оказалась эффективной формой взаимной информации о результатах выполняемой научной работы. Регулярные годичные сессии, несомненно, будут способствовать улучшению координации научной деятельности ленинградских арабистов и дальнейшему развитию арабистики в Ленинграде.

П.Грязневич

П.А.Грязневич

О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ
АРАБИСТИКИ В ЛО ИВ АН СССР

В 1935 г. на первой сессии арабистов в докладе "История арабской литературы и ее задачи в СССР" И.Ю.Крачковский, анализируя развитие арабистики за три десятилетия XX в., писал, что "с каждым годом все отчетливее чувствуется приближение другого периода, еще не оформившегося, но близкого к назреванию". Признаки перемен обозначились уже в первые годы после Октябрьской революции, давшей могучий толчок развитию национально-освободительного движения в странах арабского Востока. Менялись масштабы и характер исследований, возникали новые отрасли и направления арабистики. Европейское востоковедение в целом постепенно обращалось к изучению современного Востока. Началось, в частности, интенсивное изучение новоарабской литературы, стали появляться работы по новой и новейшей истории арабских стран, хотя до 50-х гг. авторами их были преимущественно не-востоковеды, историки Европы, специалисты по истории международных отношений, колониальной политики и дипломатии, публицисты и журналисты.

И.Ю.Крачковский с большой проникательностью указывал и еще на одно явление в арабистике тех лет, которое теперь составляет ее наиболее характерную черту. "Оживление истории арабской литературы, - писал он, - обязано не только интенсивному участию отдельных европейских стран, но в еще большей мере постепенному вхождению в эту работу арабских ученых. За последние десятилетия оно приняло систематический характер и теперь распространяется на все области, более или менее стремясь применить методы европейской науки". Он отметил деятельность арабских ученых в таких отраслях арабистики как каталогизация рукописей, подготовка справочных пособий и словарей, издание и изучение

памятников арабской письменности. И хотя И.Ю.Крачковский писал тогда: "Грани стерты, Запад и Восток слились в науке, нет арабов и европейцев", однако в то время речь могла идти, по существу, лишь о деятельности отдельных групп и отдельных ученых-арабов, сумевших получить европейское образование и ставших полноправными членами международной арабистики. Сами арабистические исследования носили по-прежнему преимущественно академический характер.

Прошедшие с тех пор годы довели развитие наметившихся тогда процессов до их логического исхода. Современную арабистику, как особую область гуманитарных исследований, отличают от традиционной, "классической", перемены, равнозначные наступлению нового этапа в ее истории.

Я упомяну лишь те особенности современной арабистики, которые имеют прямое отношение к характеристике состояния и определению перспектив арабистических исследований в ДО ИВ АН СССР.

Прежде всего, арабистика окончательно перестала быть прежней наукой европейцев об арабах, не имевших еще собственной современной науки о своем прошлом. Решающую роль в этом сыграли исторические победы арабского национально-освободительного движения, с особой силой развернувшегося после II-й мировой войны. Меньше чем за четверть века - 50-е - начало 70-х гг. - народы арабского Востока превратились в активную международную силу, возникли независимые арабские государства. Это коренным образом изменило значение арабистики и требования, предъявляемые к знаниям о народах арабского Востока. В самих арабских странах развитие арабистики стало органической частью деятельности правительства и местной интеллигенции по созданию современной национальной науки и культуры.

Из замкнутой в себе и существующей для себя области востоковедения арабистика превратилась, с одной стороны, в область национальной науки каждой из арабских стран, а с другой, - в одну из отраслей гуманитарной науки, изучающей историю и культуру арабских народов как части общего процесса развития человечества.

Эти перемены стимулировали "модернизацию" арабистики не только в отношении ее значения в ряду других гуманитарных дисциплин, но так же и в отношении проблематики и направлений, приемов и методики исследования. Общей тенденцией современного этапа развития арабистики является переход от собирания и учета

материалов и источников, от описания событий истории, явлений, культуры, произведений словесности, искусства и т.д. к фундаментальной разработке процессов в истории и культуре арабов на основе методов и концепций, выработанных современной гуманитарной наукой. Типология и структурное исследование процессов вытесняют традиционные эмпирические и сравнительные характеристики.

Арабистика перестала быть по преимуществу книжно-кабинетной ("рукописной") дисциплиной. Развитие археологии мусульманского средневековья, полевой этнографии, фольклористики и т.д., к сожалению, еще недостаточное, существенно меняет характер и содержание историко-культурных исследований.

Арабистика стала массовой и международной. Универсальность исследовательских программ каждого ее центра все чаще оказывается нецелесообразной, а практически и недостижимой. Специализация арабистических центров является теперь первоначально важной проблемой рационального использования труда ученых и материальных средств.

Характеризуя нынешнее состояние арабистики в ЛО ИВ АН СССР, следует сказать о том, что в минувшем пятилетии мы закончили несколько работ, которые стали своего рода вехой в научной жизни Кабинета.

Прежде всего была завершена многолетняя - а если считать со времени ее фактического начала в прошлом, то и полуторавековая - работа по описанию фонда арабских рукописей. Одновременно была закончена связанная с описанием рукописей "Библиография каталогов арабских рукописей" - путеводитель по мировым рукописным собраниям, составленный И.Б.Михайловой и А.Б.Халидовым.

Завершение "Краткого каталога арабских рукописей ИВ АН СССР" оказалось своеобразным символом окончания длительного периода, для которого было характерно преобладание работ по описанию и учету научного материала. Основная часть сотрудников получила возможность перейти к собственно исследовательской работе. Наряду с описанием рукописей, в Кабинете шла работа по подготовке био-библиографического свода по истории арабской исторической литературы. Уже пройден трудный этап начального собирания материала и выработки методики. Закончено два тома очерков, в 1977 г. будет сдан третий том и останется еще один, последний.

В прошлом году мы представили книгу очерков по истории

арабской культуры. Сейчас можно сказать, что подготовка этих очерков, потребовавшая от нас большого напряжения сил, стала вехой совсем другого рода. Если "Каталог" как бы завершал наше прошлое, то "Очерками" открылось наше будущее: работа над ними помогла нам точнее определить основные направления дальнейших исследований в Кабинете в целом и их общую методологическую установку.

С точки зрения этих двух событий мы и оцениваем нынешнее состояние арабистики в Кабинете и рассматриваем перспективы ее развития.

Арабский кабинет фактически уже вступил в новый период своей научной жизни, для которого характерно преобладание исследовательской работы над описательской и собирательской.

Планируя свою работу на 1976-1980 гг. и на последующие годы, мы ориентировались на нынешний состав Кабинета и приняли в качестве общей методологической установки - исследовать взаимосвязанные процессы по возможности в пределах одного хронологического периода. Мы поставили задачей сконцентрировать наши усилия на разработке вопросов, которые вместе составляли бы решение большой общей историко-культурной проблемы.

Такой проблемой стало для нас возникновение и развитие арабской мусульманской этно-социальной общности, ее государства и ее культуры в УП-ХШ вв. Главные направления работы - развитие литературного языка, социально-политическая история халифата, история арабской культуры. Формы работы - коллективные и индивидуальные монографии и очерки.

I.

Роль арабского языка, как одного из основных факторов формирования и сохранения сознания мусульманской общности, определила то внимание, которое Кабинет уделил в своем плане лингвистическим исследованиям. В работах, которые проводились в последние годы, рассмотрены структура предложения арабского классического языка и функции падежей. Дан критический разбор арабских средневековых учений, касающихся падежной системы.

Основное внимание было уделено перестройке грамматического строя арабского языка в связи с редукцией именной и глагольной флексии (УП-IX вв.).

Кроме того, в выполненных работах исследуются специфические особенности язы-

ка протоарабских надписей, а также характеризуется общий ход истории арабского языкознания в Европе в плане истории идей о грамматическом строе арабского языка и его классификационном положении среди семитских языков.

На будущее предполагается работа над основными вопросами арабского синтаксиса в сравнительном плане с использованием некоторых современных методов общего языкознания.

II.

Собственно историческими в нашем плане являются исследования по истории арабов в раннее средневековье (VI-X вв.).

Интересно задуман цикл исследований М.Б.Плотровского под общим, пока условным, названием "Аравия и арабы в I тысячелетии н.э.". Он предусматривает изучение типологии и закономерностей процесса перехода от древнего классового общества к раннесредневековому (на материале Южной Аравии) и от родо-племенного общества к раннесредневековому (на примере доисламской бедуинской Аравии) и, наконец процесса формирования государства и культуры собственно раннесредневекового мусульманского общества в УП-УШ вв.

Следует подчеркнуть, что объектом изучения здесь взяты не просто социально-политические события и факты за период с V по X в., а совокупность событий и процессов, образующих самостоятельный этап всемирной истории, а именно - этап возникновения и формирования общества раннего средневековья, называемого также обществом раннефеодального периода.

Интересным моментом является и то, что на примере истории возникновения арабского халифата исследуется переход к раннесредневековому обществу по двум путям - от древнего классового общества, каким было Химьяритское государство в Южной Аравии, и непосредственно от родового общества бедуинов Аравии.

В рамках этого исследования будут выявлены конкретные факторы, обусловившие процесс перестройки социальной структуры общества, а также всей системы мировоззрения и культуры, в частности, переход от язычества к монотеизму в классовом и доклассовом родовом обществе на территории одного региона - Аравии, где эти общества сосуществовали в одно время, а в середине УП в. образовали одну общность - мусульманскую общину в рамках единого государства - халифата.

Наконец, методически важно, что это исследование включает рассмотрение этнических процессов, а именно — изменения в этнической структуре и этнической географии общества, изменение в этно-историческом самосознании в связи с формированием на территории халифата арабской народности.

К этой социологической по подходу и историко-культурной по содержанию работе М.Б.Плотовского естественно примыкают очерки по исторической географии Южной Аравии в УП-Х вв., подготавливаемые мною совместно с Л.И.Николаевой. В очерках мы хотели бы проследить процесс складывания этно-исторической территории средневекового Йемена, его границ, административного деления и главных политических и культурных центров. В сочетании с работой М.Б.Плотовского это позволит представить полную картину формирования общества и государства мусульманского Йемена.

В плане Кабинета на 1977-1980 гг. стоит участие в коллективной трехтомной монографии "История Йемена с древности до наших дней", которую намечено написать совместно с сотрудниками Кабинета Бл.Востока Ю ИВ АН СССР и Сектора арабских стран ИВ АН СССР (г.Москва). На долю Арабского кабинета приходится подготовка части монографии, посвященной Южной Аравии в средние века (УП-ХУ вв.). Написание этих глав будет итогом многолетней работы Кабинета по изучению истории и культуры средневекового Йемена.

Одной из наиболее значительных тем Кабинета была в прошлые годы история города на средневековом Ближнем Востоке, которой занимался О.Г.Большаков. Она включала исследование широкого комплекса проблем, связанных с социально-экономической характеристикой мусульманского города (ремесло и торговля; финансовое дело, кредитная система; внешне-торговые связи; положение различных слоев городского населения; сословная организация и классовая борьба; политический статут города — государственная администрация, органы самоуправления, место города в общественной структуре Ближнего Востока). Одним из важных аспектов этой работы явилось выяснение специфики мусульманского города в сравнении с раннесредневековым городом Европы.

В 1977-1980 гг. О.Г.Большаков будет готовить монографию по истории арабского халифата середины УП — середины УИ вв., уделяя главное внимание социальным и культурным процессам. Его монография хронологически и по проблематике примыкает к исследованиям М.Б.Плотовского и к проводимым мною работам по изу-

чению развития мусульманской историографии.

Социально-политической истории халифата посвящена плановая работа И.Б. Михайловой "Народные движения в Багдаде в X-XII вв.". В ней на материале, относящемся к столице Аббасидов, рассматриваются проблемы социальной стратификации феодального общества халифата, формы главных социальных конфликтов и проблемы социальной психологии.

В нашем перспективном плане на 1980-1985 гг. мы имеем в виду подготовку монографии по истории Аббасидского халифата (второй половины VII - середины XII в.). С выходом ее в свет мы можем считать, что выполнили программу-максимум для нас, арабистов-медиевистов, в области исторических исследований.

Начиная с 1977 г. в Кабинете будут проводиться исследования в области новейшей истории стран арабского Востока. Центральной темой выдвигается изучение национально-освободительного движения как самостоятельного процесса, развивающегося по своим законам и охватившего все стороны политической, социально-экономической и идеологической жизни народов Бл. Востока. В специфических условиях колониального и полуколониального Востока оно стало важнейшим общественно-политическим явлением для подавляющего большинства народов афроазиатских, в том числе и арабских, стран и на протяжении почти целого столетия играет роль одного из главных факторов исторического развития вообще.

В плане Кабинета по этой теме стоит подготовка в 1977-1979 гг. монографии "Национально-освободительная борьба народа Египта в 1918-1936 гг." Подготовку монографии ведет А.М. Голдобин.

Ш.

Изучение процессов в области культуры и идеологии планируется с учетом указанных выше исторических исследований и предусматривает разработку нескольких узловых проблем:

1) В дополнение к изучению закономерностей перехода от языческой цивилизации родового общества Аравии к средневековой мы поставили изучение культуры бедуинской Аравии накануне ислама по материалам древней племенной поэзии. Здесь намечена подготовка серии словарей культурно-исторических понятий, которыми оперировали бедуинские поэты каждой из главных племенных группировок.

Такие словари послужат, во-первых, основой для развертыва-

ния исследований широкого круга вопросов социальной жизни, языка и культуры доисламской Аравии. Во-вторых, они позволят на новом уровне подойти к составлению понятийного словаря Корана, а в дальнейшем — и к подготовке его нового перевода.

Нет необходимости пояснять значение этого для разработки комплекса проблем истории возникновения ислама и мусульманской цивилизации вообще.

2) Я уже упоминал о подготовке истории исторической литературы на арабском языке VII—XI вв. Она осуществляется как свод сохранившейся в источниках информации об историках и их продукции, о главных центрах накопления и обработки исторических знаний в странах арабского Востока, а также о путях распространения этих знаний и главных факторах, оказавших воздействие на развитие литературной формы исторических сочинений и на принципиальные моменты исторических построений. Работа содержит обширный библиографический аппарат, фиксирующий как источники сведений об историках и их трудах, о сохранившихся рукописях и т.н., так и соответствующую научную литературу предмета, появившуюся в VIII—XX вв. в Европе, Америке и странах Востока.

Частью этой темы является моя работа по изучению исторического сознания и этно-исторического самосознания арабской народности в VII—VIII вв., и круга проблем, относящихся к возникновению и развитию мусульманской историографии. Эти исследования представляют собой уже второй, теоретический, этап изучения исторической литературы на арабском языке, которым до сих пор занимались в Кабинете.

Его главной задачей будет анализ развития исторических идей и концепций в рамках мусульманской историографии.

3) Естественным продолжением многолетнего изучения рукописного фонда ИВ АН СССР стали проводимые сейчас исследования А.Б.Халидова по истории рукописной книги и книжного дела на средневековом арабском Востоке. Он составил обобщающий обзор на эту тему, входящий в коллективные "Очерки по истории арабской культуры", послуживший ему основанием для разработки программы многолетних исследований в области истории арабской культуры. Он предлагает новый аспект исследования арабской культуры — через комплексное изучение книжного дела перейти к изучению структуры книжного знания вообще и дальше — к изучению формирования и развития структуры самой культуры.

В.В.Полосин исследует центральный для истории арабской культуры классического периода источник - библиографию арабской письменности УШ - X вв. Ибн ан-Надима.

Отмечу в этой связи, что разработка этого круга вопросов явится также важным подспорьем при комплексном изучении истории и культуры Арабского халифата, к которому приступает О.Г.Большаков.

Совершенно особую область истории мусульманской культуры в самом широком смысле слова затрагивает завершенная в 1976 г. работа И.Б.Михайловой. Она содержит комментированный перевод сочинения первой половины XI в. "Обычаи и установления двора халифов" Хилала ас-Саби, посвященного описанию церемониала аббасидских халифов и буидских правителей в УШ-XI вв., форм и правил придворного этикета, различных установлений, касающихся официальной жизни двора мусульманского правителя.

Ожидает публикации и научной оценки подготовленное Т.А.Шумовским издание текста и комментированного перевода трудов по теории и практике мореплавания арабского лопмана и теоретика морского дела в XV- нач. XVI в. Ахмада б. Маджида и арабского мореплавателя Сулаймана ал-Махри (XVI в.). С выходом в свет этих трудов в научный оборот нашей науки войдут многообразные сведения по истории навигации и торговли в южных морях в эпоху великих географических открытий.

4) Проблемам истории общественных идей (социология, философия) за истекший период были посвящены статьи и исследования С.М.Бациевой (социально-экономические и социологические взгляды Ибн Халдуна) и С.М.Прозорова (история идеологии шиитских сект УШ-X вв.; шиитская историко-религиозная литература).

С.М.Бациева ведет сейчас работу по переводу на русский язык крупнейшего памятника общественной мысли мусульманского средневековья "ал-Мукаддими" ("Введения") Ибн Халдуна (ум. в 1406 г.).

Изучение религиозной идеологии ислама было у нас начато более 10 лет назад С.М.Прозоровым комментированным переводом сочинения X в. по истории шиитских сект. Работа над переводом

дала возможность проследить возникновение и главные этапы самого шиитского движения как одного из двух основных религиозно-политических направлений в исламе.

Недавно С.М.Прозоров сдал в печать большую работу, содержащую био-библиографический обзор шиитской историко-религиозной литературы УШ-Х вв.

В настоящее время он работает над переводом самого крупного памятника мусульманской ересиографии "Книги о религиях и сектах" аш-Шахрастани (ум. в 1153 г.), рассматривая эту работу как своего рода подготовку к изучению истории мусульманских сект уже на более широкой чем прежде основе.

Суть его подхода к теме составляет мысль о том, что мусульманская религиозная идеология развивалась в форме борьбы и взаимовлияний многочисленных идеологических разновидностей ислама, называемых сектами. Он рассматривает сектанство как характерную черту средневековой религиозной идеологии вообще и считает, что описание внешней истории сект и их идеологии позволит наиболее полно воссоздать действительную историю религиозной жизни в мусульманском мире.

Подготовив к печати "Краткий каталог арабских рукописей ИВ АН СССР", мы, однако, не считаем завершенным изучение наших рукописных фондов. По существу, мы только подготовили необходимые условия для собственно исследовательской работы в этой области. Первоочередным представляется здесь следующее:

1) Продолжение серии каталогов с полным описанием рукописей по тем отраслям арабской письменности, которые представлены в фонде ИВ АН СССР ценными и редкими списками. Это - отделы "Поэзия", "Естественные науки и прикладные знания" (медицина, алхимия, ветеринария, военное дело), "Христианско-арабская литература".

2) Изучение рукописей нашего фонда как памятников средневековой арабской палеографии, оформительского книжного ремесла ('илм ал-китаба) и т.п.

Сейчас можно определенно говорить о том, что текстологическая работа, подготовка и публикация новых текстов, перешла в руки самих арабов. Они располагают необходимой полиграфической базой, у них есть квалифицированные текстологи. Они вполне компетентно и с достаточным размахом выполняют работу по изданию новых памятников, а также по переизданию устаревших публикаций. По существу, арабы выпустили новые издания большинства

классических памятников. Вряд ли кто сможет теперь конкурировать с ними в этой области. Разумеется, это не исключает возможности публикации отдельных памятников в других странах, в т. числе и у нас.

Нам необходимо завершить работу по публикации уникальных или редких рукописей факсимиле в рамках серии "Памятники письменности Востока". Осталось не так уж и много - не более десятка - таких рукописей, и нужно ускорить их издание.

По-видимому, работу с текстами целесообразнее теперь построить таким образом, чтобы обеспечить регулярную публикацию квалифицированных переводов наиболее значительных памятников арабской научной и художественной литературы.

Прежде непременным долгом каждого арабиста считалось издание текста какого-либо памятника. Это был и научный долг, и научная школа, и экзамен на место в иерархии арабистов. В современных условиях характеристика арабиста должна включать ответ на вопрос - а что он перевел? Подготовка точного перевода интересного памятника с хорошим предисловием и комментариями будет и исполнением научного и общественного долга, и школой работы с текстом, и свидетельством уровня профессиональной подготовки. Это будет и вкладом в нашу культуру, и в пропаганду знаний о прошлом человечества.

Перечень памятников арабской письменности, рекомендуемых к переводу, был в свое время составлен А.Б.Халидовым и мною на основе аналогичного перечня И.П.Крачковского. Целый ряд памятников уже переведен и издан, несколько переводов выполнено и готовится к печати. В частности, подготовлены к печати переводы таких значительных памятников как "Обычаи и установления двора халифов" Хиляля ас-Саби и "Книга об идолах" Хишама б. Мухаммада ал-Калби (конец VII - нач. IX вв.), в которой собраны сведения о религиозной жизни в Аравии в период возникновения ислама. Ведется работа по переводу знаменитого историко-социологического трактата Ибн Халдуна "ал-Мукаддима", свода рассказов о памятных событиях арабов в древности и в раннемусульманское время ("Аййам ал-'араб"), описание известных в XII в. религий и сект ан-Шахрастани, выдающегося памятника географической литературы - описания путешествий Ибн Батуты, "Лата'иф ал-ма'ариф" ас-Са'алиби и "Хронологии царей земли и пророков" Хамэн ал-Исфахани. Будет завершена начатая еще в предвоенные годы сотрудниками Арабского кабинета работа по переводу "Книги

пространных рассказов" Абу Ханифы ад-Динавари. Запланировано также издание перевода "Книги о поземельном налоге" Абу Йусуфа, выполненного А.Э.Шмидтом.

Наконец, не только целесообразной, но и совершенно необходимой представляется подготовка издания арабских документов на папирусе VII-VIII вв., самых ранних документов на арабском языке, представляющих исключительную научную ценность в качестве источника для социально-экономической истории раннего халифата. Изучение их было начато В.И.Беляевым, и мы должны довести это до конца.

Наше Отделение накопило большой опыт в организации хранения, описания рукописных фондов. Мы располагаем в этой области специалистами высокой квалификации. Их знаниями и опытом с готовностью пользуются наши коллеги в республиканских рукописных хранилищах.

Во всяком случае, Арабский кабинет будет поощрять любую инициативу своих сотрудников в этом направлении как одну из форм нашего участия в научной и культурной жизни страны.

В планах Арабского кабинета остается разработка истории арабистики как научной дисциплины в рамках АН СССР. Основное внимание здесь будет обращено на возможно полный учет соответствующих архивных материалов. Главной задачей ответственного за эту тему Д.Е.Бертельса является создание надежной основы для подготовки полной и всесторонней истории академической арабистики.

Наряду с испытанной уже формой популяризации результатов научных исследований в виде научно-популярных очерков и книг, мы планируем составление популярного справочного издания типа энциклопедического словаря по истории и культуре арабского Востока в древности и в средние века. Это издание будет содержать необходимый минимум сведений по вопросам истории, экономики, литературы, науки, географии, искусства и т.д. народов арабских стран.

Мы считаем, что в подготовке этого издания примут участие сотрудники Арабского кабинета ДО ИВ АН СССР, а также арабисты из других учреждений Ленинграда, Москвы и других городов СССР. Это было бы хорошей формой коллективной работы. Кроме того, это позволило бы нам подвести некоторые итоги всей работы отечественных арабистов, определить наши точки зрения и взгляды по широкому кругу историко-культурных проблем. А читающая публика

получила бы полезный настольный свод наиболее актуальной информации об арабах и арабских странах.

Мы надеемся сохранить традицию созыва ежегодных научных сессий арабистов, рассматривая их как оперативную форму обмена информацией о полученных результатах научных исследований, о проводимых работах в области арабистики, а также как способ повышения профессиональной подготовки.

Для более углубленного рассмотрения отдельных больших проблем мы намечаем проведение теоретических конференций с участием арабистов других городов.

Таковы главные моменты, относящиеся к нынешнему состоянию и перспективам развития арабистики в ДО ИВ АН СССР.

В.В.Лебедев

НЕИЗВЕСТНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ ДРЕВНЕАРАБСКИХ ПЛЕМЕН

В 1864 г. Публичная библиотека в Петербурге (ныне - Гос. Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина) приобрела за 5000 франков часть собрания куфических рукописей,¹⁾ составленного в Египте в конце XVIII - начале XIX в. французским востоковедом Жаном-Лозефом Марселем (1776-1854). Впервые в научной литературе это собрание было упомянуто самим владельцем еще в 1828 г., в предисловии к составленному им руководству по арабской палеографии. К.-И. Марсель указал, что его собрание насчитывает более двухсот рукописей, среди которых он особо отметил генеалогию древнеарабских племен.²⁾ Марсель предполагал подготовить факсимильное издание этой рукописи, однако его намерение не было осуществлено, а рукопись надолго выпала из поля зрения исследователей. В Публичную библиотеку поступило лишь 130 рукописей из собрания Марселя,³⁾ и вся эта часть собрания как в научной литературе,⁴⁾ так и в рукописной описи, составленной В.Ланглуа (1829-1869) и также хранящейся в Публичной библиотеке, - всюду именуется "коллекцией куфических коранов".

В 1975 г. в ходе научной обработки собрания Марселя нами была обнаружена рукопись генеалогического содержания⁵⁾ - несомненно та самая, издание которой было задумано Марселем. Она написана на пергаменте куфическим почерком среднего размера. Объем ее составляет 18 листов размера 22 x 30 см, по 15 строк на странице и в среднем по 25 букв на строке. Чернила темноко-

ричевые. Из особенностей почерка можно отметить: закругление нижней части начального "алифа" вправо, сходное начертание "дала" и "кафа", кричкообразное написание конечного "йа". Вместо диакритических точек употребляются горизонтальные или наклонные черточки соответственно над или под буквами. Этот тип куфического почерка характерен для конца УШ - начала IX в. ⁶⁾ В четырех местах (лл. I1a, I2a, I2b и I4b) на полях сохранились читательские пометы, сделанные куфическим почерком более позднего образца светлокоричневыми чернилами и представляющие собой повторение (для ясности?) отдельных имен, встречающихся в тексте.

В описи Ланглюа отмечено, что "куфические кораны" Марселя происходят из старейшей каирской мечети Амра б. ал-Аса; ⁷⁾ это подтверждается и пометами на некоторых списках Корана. ⁸⁾ Очевидно, и исследуемая рукопись хранилась в той же мечети.

Рукопись представляет собой художественную ценность: в конце многих фраз нарисованы розетки с геометризованными растительным или цветочным орнаментом, некоторые строки имеют орнаментальные концовки.

Рукопись состоит из нескольких фрагментов сочинения: на лл. I-2 содержится начало раздела о генеалогии иждоарабских племен (начиная от Кахтана), остальные фрагменты относятся к североарабским племенам.

Отождествление текста связано с определенными трудностями. В двух других хранилищах (Парижской Национальной библиотеке и Государственной библиотеке в Западном Берлине) имеются фрагменты, относящиеся к той же рукописи; однако атрибуция этих фрагментов спорна. Так, де Слэн, ⁹⁾ Х.Вайда ¹⁰⁾ и Ф.Сезгил ¹¹⁾ считают парижский фрагмент частью древнейшего сохранившегося арабского генеалогического сочинения - "Сборника родословных" ("Джамхарат ан-насаб") Хишам б. Мухаммада ал-Калби (ок. 738 - ок. 819) ¹²⁾ и датирует этот фрагмент концом II в. (ок. 815 г.), т.е. допускают возможность, что он был переписан при жизни автора. В то же время В.Каскель и Дж.Леви делла Вьда, основываясь на текстологическом и палеографическом анализе фрагмента, считают, что в нем представлено какое-то иное сочинение (но не высказывают конкретных соображений на этот счет) и датирует фрагмент III-IV веками хиджры. ¹³⁾ Публикация берлинского фрагмента, подготовленная Э.Редигером (1801-1874), вышла в 1876 г., ¹⁴⁾ т.е. уже после его смерти, и работа по идентификации и комментированию текста не была завершена. Спустя несколько лет тот же фрагмент

был описан В.Альвардтом в каталоге арабских рукописей тогдашней Берлинской королевской библиотеки.¹⁵⁾ Альвардт предполагает, что этот фрагмент относится к родословной корейнитов "Джамхарат насаб курайи ва ахбариха" ("Собрание родословных корейнитов и рассказов о них") аз-Зубайра ибн Баққара (798-870).¹⁶⁾ Однако сочинение аз-Зубайра и по содержанию, и по структуре отличается от генеалогии, представленной в исследуемой рукописи и берлинском фрагменте. Все генеалогические данные аз-Зубайр сопровождает иснадом, в то время как в берлинском фрагменте и ленинградской рукописи иснад отсутствует. Текст аз-Зубайра содержит большее количество рассказов и (что особенно необычно для сочинений этого жанра) много стихотворений. Наконец, в берлинском фрагменте упоминаются племена, ничего общего с корейнитами не имеющие.

Уже с первых строк текста рукописи собрания Марселя прослеживается несовпадение исследуемой генеалогии с данными Хинана ал-Калби.¹⁷⁾ Так например, в данной генеалогии Химйар появляется лишь в семнадцатом колене от Кахтана, в то время как у ал-Калби¹⁸⁾ и в большинстве других генеалогических и исторических сочинений¹⁹⁾ Химйар является праправнуком Кахтана (Химйар б. Саба б. Йаждуб б. Йа'руб б. Кахтан). Расхождения с данными ал-Калби наблюдаются и в других местах текста; особо следует отметить наличие в исследуемом сочинении некоторых имен, отсутствующих в генеалогии ал-Калби (напр., Марья, дочь ад-Хариса, л.36).

Бросается в глаза принципиальное расхождение исследуемой генеалогии с обычной традицией, укоренившейся в мусульманской исторической литературе. Автор данной генеалогии называет легендарного родоначальника Йеменских племен Кахтана сыном Аймана и внуком ан-Набита, в то время как обычная традиция считает Кахтана сыном Абира, правнука Сама (библейского Сима).²⁰⁾

Об авторе исследуемого сочинения пока можно высказать лишь предварительные соображения. К сожалению, данные о многих знаменитых племенных преданиях крайне скупы,²¹⁾ не всегда известны даже названия их сочинений. Не исключена возможность, что исследуемая генеалогия - один из древнейших сборников арабских родословных. О древности данной генеалогии свидетельствует полное отсутствие иснада.

В этой связи заслуживает внимания свидетельство о некоей генеалогии, переписанной египетским судьей Абдаллахом ибн

Лахи 'а (715-790)²²⁾ и использованной в X в. египетским же историком Ибн Йунусом.²³⁾ Было бы заманчиво видеть в ленинградской рукописи, парижских и берлинских фрагментах остатки этой генеалогии, а в пометах на полях парижской и ленинградской рукописей — следы чтения Ибн Йунуса; однако для категорического утверждения на этот счет у нас мало данных.

Во всяком случае, данная генеалогия была составлена либо в омейядский период, либо при ранних Аббасидах. Связь этой генеалогии с ижнoаравской традицией дает основания предполагать, что она создана либо в Йемене, либо в Египте, где эта традиция получила распространение уже с конца VII — начала IX вв.²⁴⁾ и откуда происходит исследуемая рукопись.

Для успешного отождествления текста необходим тщательный текстологический анализ, заключающийся в сравнении данного сочинения с известными историческими и генеалогическими сочинениями первых веков хиджры. Определению текста может способствовать также уточнение датировки рукописи в пределах нескольких десятилетий.

Однако, к каким бы результатам ни привело отождествление данной генеалогии, научная ценность ее несомненна. Прежде всего, это один из древнейших сборников арабских родословных. Оригинальность генеалогии, сближение северных и южных арабских племен, имена, отсутствующие в других источниках, — все это должно представить интерес для историков древней Аравии и специалистов, исследующих процесс зарождения арабской историографии.

Данное сочинение является ценным источником по истории арабского фольклора. Все ранние исторические сочинения основаны на генеалогических преданиях (ансаб) и исторических легендах (ахбар), т.е. содержат материал для изучения древнейших презанчeских жанров арабского фольклора. Однако сохранившиеся исторические хроники носят компилятивный характер, и их авторы заимствовали фольклорный материал не из уст рассказчиков, а из более ранних литературных источников, в частности — древнейших генеалогий, непосредственно связанных с живой устной традицией. К числу подобных генеалогий относится и исследуемое сочинение. Можно утверждать, что оно даже стоит ближе к фольклору, чем другие сочинения этого рода. В пользу данного утверждения свидетельствует та же генеалогия Кахтана, о которой говорилось выше. В арабскую литературу прочно вошел следующий вариант генеалогии этого легендарного родоначальника ижнoаравских племен: Кахтан

б. 'Абир б. Шалих б. Арфахнад б. Сам б. Нух,²⁵⁾ что полностью совпадает с генеалогией Йоктана - библейского персонажа, соответствующего Кахтану арабской традиции.²⁶⁾ Этот вариант мог опираться на письменную традицию иудеев и христиан, живших в Аравии.²⁷⁾ Что же касается редкого варианта генеалогии Кахтана, отраженного в исследуемом сочинении, то последний вариант очевидно восходит к устной традиции.

Отголоском исторических преданий, бытовавших в древнеарабском фольклоре, является рассказ о Марии дочери ал-Хариса. Выявление подобных рассказов позволит по крупицам воссоздать древнеарабский фольклор.

Следует также сказать несколько слов об историко-культурном значении рукописи, содержащей данное сочинение. Это древнейшая арабская рукопись светского содержания в фонде Публичной библиотеки. До нашего времени дошло вообще очень мало рукописей светского содержания на арабском языке, переписанных до X в.,²⁸⁾ в основном рукописи этого периода представляют собой списки и фрагменты Корана, хадисов и христианско-арабских сочинений. Оформление данной рукописи безусловно привлечет внимание искусствоведов.

Весьма желательно было бы проследить историю данной рукописи и двух связанных с ней комплексов рукописных материалов: собрания Марселя и библиотеки мечети 'Амра б. ал-'Аса - одной из старейших арабских библиотек. Воссоздание состава библиотеки мечети 'Амра ибн ал-'Аса могло бы стать предметом специального исследования. Здесь лишь отметим, что в мечетях уже в первые века хиджры могли храниться списки не только Корана, но и светских сочинений. Наличие генеалогии в библиотеке мечети объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что среди читателей этой библиотеки были кассы - религиозные проповедники, широко использовавшие в своих проповедях генеалогические предания и древнеарабские легенды.²⁹⁾

---

1) Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1864 г., СПб., 1865, с.22-24.

2) J.-J.Marcel, Palaeographie arabe, Paris, 1828, p.V.

3) Более тридцати рукописей собрания Марселя, относящихся к XIV-XVI вв., находятся в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене (см. J.Aumer, Die arabischen Handschriften der

koniglichen Hof- und Staatsbibliothek, Munchen, 1866, No No 104, 135, 144, 149, 214, 353, 355, 356, 370, 378, 380, 399, 401, 405, 406, 407, 412, 413, 415, 452, 461, 528, 542, 544, 556, 616, 618, 730, 768, 803, 832, 870, 882); местонахождение остальных пока нами не выяснено.

4) См. И.Ю.Крачковский, Над арабскими рукописями - Избр. соч., т. I, М.-Л., 1955, с. II5; Очерки по истории русской арабистики. - Избр. соч., т. V, М.-Л., 1958, с. I36.

5) Шифр: Марс. I. В описи В. Ланглюа эта рукопись отмечена под номером В II без указания содержания (отмечено только количество и размер листов).

6) Ср. В. Moritz, Arabic Palaeography, Cairo-Leipzig, 1905, pl. 25, 29, 31.

7) Об этой мечети, именуемой также "Старой мечетью" (ал-Джами' ал-'атик), см. ал-Макризи, Китаб ал-мава'из ва-л-и'тибар бизикр ал-хитат ва-л-асар, Каир, 1853, т. 2, стр. 246-254; В. Л. Воронина, Каир, Л., 1974, с. 7-9; С. Becker. Caire.-Encyclopedie de l'Islam, t. I, Leyde, 1913, p. 836.

8) См. напр. кувшитские Кораны ГИБ Марс. I7 и Марс. 20.

9) M. Guçkin de Slane, Catalogue des manuscrits arabes de la Bibliothèque Nationale, Paris, 1883-1895, p. 365, No 2047.

10) G. Vajda, Album de paléographie arabe, Paris, 1958, tabl. 1.

11) F. Sezgin, Geschichte des arabischen Schrifttums, Bd. I, Leiden, 1967, S. 269, No 8, 1 (Далее: Sezgin).

12) Об этом сочинении см. C. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, Bd. I, Weimar, 1898, S. 139, No 1 (Далее: GAL); Supplementband I, Leiden, 1937, S. 211-212 (Далее: SB); Sezgin, Bd. I, S. 268-271.

13) W. Caskel, Gamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hisam ibn Muhammad al-Kalbi, Bd. I, Leiden, 1966, S. 110 (Далее: Caskel).

14) E. Rodiger, Ueber zwei Pergamentblätter mit altarabischer Schrift.-Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1876, S. 135-143.

15) W. Ahlwardt, Verzeichniss der arabischen Handschriften der koniglichen Bibliothek zu Berlin, Bd. I, Berlin, 1887, S. 137-138, No 367.

16) Об этом сочинении см. Sezgin, Bd. I, S. 317, No 19, 1. В 1962 г. в Каире вышло издание сохранившейся части данного сочинения (далее: Зубайр).

17) Для сравнения нами использованы генеалогические таблицы в труде В.Каскеля о генеалогии Ушима ал-Калби и именной указатель, помещенный там же. Критического издания этого сочинения пока нет (см. Caskeel, S.116).

18) Caskeel, tabl.176.

19) См. напр. Ibn Coteiba's Handbuch der Geschichte, hrsg. von F.Wüstenfeld, Göttingen, 1850, s.50 (Далее: Ибн Кутайба); ат-Табари, I, с.225; Al-Hamdani, Kitab al-Iklil, Erstes Buch, hrsg. von O.Lofgren, Heft I, Uppsala, 1954, S.50-54 (Далее: ал-Хамдани).

20) См. напр. Ибн Кутайба, с.14; ат-Табари, I, 219; ал-Хамдани, с.50; Maçoudi, Les prairies d'or. Texte et traduction par C.Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t.III, Paris, 1864, p.144.

21) Краткий перечень таких знатоков приводит ал-Джахиз (ал-Джахиз, Китаб ал-хайаван, т.3, Каир, 1906, с.65); несколько имен называет ал-Хамдани в предисловии к своему труду "Китаб ал-Икдил" (ал-Хамдани, с.4-6). Наиболее подробные сведения об арабских генеалогических сочинениях до X в. содержатся в "Фихристе" ал-Надима (Kitab al-Fihrist, hrsg. von G.Flügel, Bd.I, Leipzig, 1871, S.92-114). Сводку сочинений этого жанра (до первой трети XI в.) см. Sezgin, Bd.I, S.257-273.

22) О нем см. Brockelmann, SB, I, 256, No 1 (b); Sezgin, I, 94, No 11.

23) Sezgin, Bd.I, S.248.

24) См. С.Б.Певзнер, Рассказ Ибн 'Абд ал-Хишма о древней истории Египта. (К вопросу о некоторых особенностях арабской исторической литературы в Египте). - "Письменные памятники Востока". Ежегодник 1971, М., 1974, с.62, 72; В.В.Лебедев, Следы ивнееарабской фольклорной традиции в сказках "1001 ночи". - "Народы Азии и Африки", 1973, № I, с.II2.

25) Так - во многих источниках (см. выше, примечание 20).

26) Ср. генеалогию Йоктана в Книге Бытия (X, 22-25).

27) Ср. замечание ат-Табари о генеалогии 'Адиана: "Это - старинное знание, взятое у людей первой книги" ("ахл ал-китаб ал-аввал", т.е. иудеев, - В.Л.), см. ат-Табари, I, III4.

28) См. N.Abbott, A ninth-century fragment of the Thousand Nights - Journal of the Near Eastern Studies, vol.VIII, 1949, No 3, p.148-149.

29) Ср.Caskeel, S.39-41.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ АРАВИИ

Древнейшая история Аравийского полуострова представляет первостепенный интерес для изучения начальных периодов человеческой истории, таких важнейших ее проблем, как процесс становления и развития земледелия и скотоводства, возникновение классового общества, роль географической среды на разных стадиях человеческой истории.

Аравия — район, с которым тесно связаны древнейшие цивилизации мира. Она занимает центральное положение между Египтом, Месопотамией и Индией. По географическому положению и природно-климатическим условиям Аравийский полуостров очень близок к Северной Африке, издавна считающейся важнейшим центром древнейшего расселения человека и колыбелью цивилизации. Возникновение классового общества в долине Нила во многом связано с изменением климата Сахары. Направивается предположение, что Аравийский полуостров играл ту же роль по отношению к Месопотамии, что Сахара — по отношению к Египту.

Однако в учебных пособиях, да и в научных исследованиях история Аравийского полуострова до сих пор обычно начинается с образования Арабского халифата в начале VII в. н.э.; лишь в качестве предисловия к ней присоединяют краткое описание жизни бедуинских племен центральной и северной Аравии в предыдущие два века, хорошо освещенные богатой доисламской арабской поэзией. Особняком стоит история Южной Аравии — своеобразной древнейшей земледельческой цивилизации, впрочем, очень мало известной.

Такое положение объясняется прежде всего почти полным отсутствием источников, освещающих историю Аравии в период до V в. н.э. Иноземные источники, правда, время от времени упоминают Аравию или ее население с III тыс. до н.э., но эти источники очень скудны, отрывочны и относятся лишь к периферийным областям: побережью Персидского залива, Сирийской пустыне, в лучшем случае — к оазису Тейма. Собственные же источники до самого последнего времени были совершенно неизвестны.

Аравийский полуостров до сих пор совершенно не исследован археологами. До настоящего времени можно назвать лишь два значительных мероприятия в этой области, состоявшиеся еще в 50-ых

годах: раскопки Американской археологической экспедиции в Южной Аравии (в Тимна^С, столице древнего Катабана, в НДРЙ, в Маршбе, ЙАР и Хор Рори в Омане),¹⁾ и раскопки Датской экспедиции под руководством Т.Бибби в Бахрейне,²⁾ но и эти работы затронули лишь периферию Аравийского полуострова.

Положение изменилось лишь в семидесятых годах нашего века, когда Аравия стала привлекать все большее внимание археологов. В настоящее время все шире разворачиваются археологические исследования, охватившие уже всю территорию полуострова: и районы древнейшей цивилизации, и область Персидского залива, тесно связанную с Месопотамией в древности, и северные и центральные области. В большинстве эти работы еще не вышли за рамки обследований и разведочных раскопок, но в 1974 г. начала большие раскопки в Шабве, столице древнего Хадрамаута, Французская экспедиция под руководством Ж.Пирени.³⁾

Результаты всех этих работ пока еще известны только по предварительным сообщениям, центром которых являются ежегодные международные симпозиумы "Семинара по изучению Аравии" при Археологическом институте Лондонского университета. "Труды" этого Семинара содержат богатую информацию о всех текущих исследованиях истории Аравийского полуострова с древнейших времен до позднего средневековья.⁴⁾ Впрочем, даже эта информация пока еще отрывочна и весьма неполна.

В те время, когда широко разворачиваются исследования древней истории и "доистории" Аравийского полуострова, особенно ясно ощущается необходимость представить хотя бы самые общие черты и этапы истории Аравии, общую картину, которая позволила бы интерпретировать новые исторические данные, поступающие во все большем количестве, хотя в отрывочном и разрозненном виде.

В этих условиях первостепенное значение приобретают наскальные рисунки центральной Аравии, обнаруженные и сфотографированные экспедицией Г.Рикманса-Г.Филби в 1951-1952 годах на обширном пространстве от Мекки до Наджрана и Рийада.⁵⁾ Экспедиция открыла более двухсот скал, на которых имелись тысячи изображений: надписей и символических знаков, фигур людей и животных, охотничьих и ритуальных сцен и т.д., часто расположенных в несколько слоев и многократно перекрывающих друг друга.

Разработке этого весьма своеобразного и чрезвычайно сложного материала посвятил себя Эммануэль Анати, видный специалист в области первобытного искусства, известный работами о петро-

глифах Ближнего Востока.⁶⁾ Исследование дополнительно осложнялось тем, что исходным материалом служили лишь фотографии, не всегда дающие достаточное представление о размерах изображений, характере их выполнения, цвете и т.п.

Я.Анати создал специфические приемы и методы исследования, включающие новейшие технические средства, широкое применение статистических методов и последовательную формализацию критериев оценки материала. Со всех изображений были сделаны дуплицираты, что позволило получить значительное увеличение. Градуированное изменение силы света и использование светофильтров позволили различать изображения с разной степенью патинации ("пустынного загара"). Патинация послужила важным средством датировки, хотя основным датирующим признаком осталась последовательность перекрывающих друг друга слоев изображений.

Многолетняя работа Э.Анати сделала петроглифы центральной Аравии тем материалом, который позволяет наметить основные этапы истории Аравийского полуострова на протяжении шести тысячелетий. В настоящее время опубликовано около половины собранного материала,⁷⁾ но уже сейчас можно сделать некоторые общие выводы.⁸⁾

Наиболее древние наскальные изображения восходят к VII тыс. до н.э., если не раньше. Они показывают, что в это время климат Аравии был гораздо более влажным и более пригодным для жизни человека. Аравия обладала богатым животным миром, включавшим такие виды животных, как слоны и носороги, кабаны, разные виды быков и антилоп и т.д. Существовавшие там группы населения вели чисто присваивающее хозяйство, занимались охотой и сбором плодов и злаков, ведя бродячий образ жизни.

Видимо, к VI тыс. относятся первые изменения климата полуострова: исчезают изображения слонов и гипопотамов, лесных животных, кабанов и зубров. К этому же времени относится и начало производящего хозяйства, первые признаки разведения домашних животных. Появляются изображения стад крупного рогатого скота. Видимо, к этому же периоду следует отнести и зачатки земледельческого хозяйства, хотя следы таких занятий в наскальных рисунках не обнаружены. Впрочем, и много позднее, когда в оазисах центральной и северной Аравии несомненно существовало земледелие, оно не нашло никакого отражения в петроглифах.

Несомненно, что изменение климата не случайно совпадает по времени с изменениями в хозяйстве населения. Экологические

изменения подорвали присваивающее хозяйство и заставили обитателей Аравии перейти к более интенсивным формам хозяйства, от охоты и собирательства к разведению скота и возделыванию растений.

Интересно отметить, что одомашнение животных в Аравии начинается с крупного рогатого скота, хотя в прилегающих областях Ближнего Востока первыми одомашненными животными были овцы и козы.⁹⁾ При этом изображения стад быков найдены в таких местах, где ныне разведение крупного рогатого скота совершенно невозможно.

В IV—III тыс. до н.э. наскальные изображения позволяют проследить новое изменение животного мира Аравии и экономики ее населения. Более частыми становятся изображения представителей полупустынной и пустынной фауны, страуса и верблюда, хотя пока еще только как объектов охоты. Среди домашних животных появляются, сначала в небольшом, а затем во все более значительном количестве, изображения мелкого скота — овец и коз.

Эти изменения, несомненно, отражают следующий этап высыхания внутренних областей Аравийского полуострова. Уменьшение количества осадков и ухудшение травяного покрова заставило население постепенно перейти к разведению мелкого скота, как среди дикой фауны оно способствовало расширению ареала верблюда и страуса. Этот процесс проходил очень медленно и постепенно; в периферийных областях полуострова, имеющих более благоприятные условия, традиционные формы хозяйства сохранялись значительно дольше. Даже и теперь в области Махра на юге Аравии сохранились племена, занимающиеся разведением преимущественно крупного рогатого скота (правда, в результате долгого приспособления к скудной растительности местная порода коров очень сильно измельчала).

Видимо, только в конце III тыс. в центральной Аравии мелкий скот окончательно вытесняет крупный. В связи с этим население значительно меняет образ жизни: появляются кочевые племена, весь год передвигающиеся со своими стадами от источника к источнику. В оазисах, где сохраняется достаточное количество влаги, обособляется земледельческое население, возникают значительные оседлые поселения протогородского типа; такие поселения обнаружены на Бахрейне¹⁰⁾ и, видимо, в Омане.^{II)}

Это крупное общественное разделение труда между кочевниками и земледельцами стимулировало быстрый рост производительных

сил. Особенно заметно сказывается этот рост в северо-восточной Аравии (район Персидского залива и Оман), непосредственно соприкасающейся с областью древнейшего развития цивилизации, Месопотамией. Собственно, в IY—III тыс. до н.э. северо-восточная Аравия образует единый культурно-исторический регион с Месопотамией. Это показывает широкое распространение здесь памятников важнейшей из доклассовых культур Месопотамии — культуры ал-Убейда.¹²⁾ С возникновением обмена эта область Аравии активно включается и в обмен между Месопотамией и северной Индией.¹³⁾

II тыс. до н.э. знаменуется крупнейшим успехом человека в освоении Аравии — одомашниванием верблюда. Отметим, что это животное встречается на наскальных рисунках Аравии с древнейших времен. Однако на протяжении тысячелетий оно не играло для человека важной хозяйственной роли. Лишь ухудшение экологических условий и резкий недостаток пастбищ для обычного скота сделали приручение верблюда хозяйственной необходимостью.

В сельскохозяйственных районах Южной Аравии то же ухудшение климата, которое стимулировало одомашнивание верблюда, вызвало необходимость искусственного орошения. Видимо, первые примитивные оросительные сооружения были созданы в середине II тыс. до н.э., тогда же, когда началось в широком масштабе разведение верблюда в Аравии. Новая продуктивная система земледелия вызвала резкий рост производительных сил и в короткий срок привела к возникновению классового общества в Южной Аравии.

Непосредственную связь искусственного орошения и классового общества в Южной Аравии показывает даже географическое положение древнейших государств Йемена: все их центры расположены на периферии пустыни Сайхад, то-есть в тех местах, где необходимость ирригации проявилась раньше всего и наиболее настоятельно.¹⁴⁾

В центральной Аравии одомашнивание верблюда, начавшееся в середине II тыс. до н.э., уже к концу II тыс. привело к широкому распространению верблюдоводства и вызвало значительные хозяйственные изменения. Появились племена верблюдоводов, освоившие всю территорию полуострова, весьма мобильные и подвижные. Эти племена разводят только верблюдов и полностью зависят от них; верблюды дают средства для удовлетворения всех потребностей, вплоть до того, что питьевая вода на протяжении целых месяцев заменяется молоком верблюдов. Подвижность верблюдоводческих племен способствовала широкому распространению обмена и зарождению

транзитной торговли, сложению "пути благовоний", соединившего Средиземноморье с Южной Аравией (а через нее — с Индией и Восточной Африкой), игравшего весьма важную роль в экономике древнего мира.

Хозяйственные и социальные изменения, произошедшие в Аравии во II тыс. до н.э., можно рассматривать как решающий этап в развитии человеческого общества в этом регионе — как победу человека над природой. Закончился долгий период развития, когда климатические и экологические изменения определяли характер и направление экономического и социального прогресса.¹⁵⁾ В дальнейшем они играют лишь второстепенную роль; больше того, сами экологические изменения начинают все сильнее зависеть от хозяйственной деятельности человека.

Действительно, все отмеченные нами этапы хозяйственного и социального развития: переход к производящему хозяйству, замена крупного рогатого скота мелким, разделение скотоводства и земледелия, появление искусственного орошения и верблюдоводства — определяются климатическими изменениями на территории Аравийского полуострова и непосредственно следуют за ними.

Напротив, следующее крупное изменение экономического и социального строя центральной и северной Аравии, произошедшее в конце I тыс. до н.э., не связано ни с какими климатическими изменениями и определялось чисто хозяйственными (и даже технологическими) причинами. Наиболее заметной среди них было изобретение нового верблюжьего седла. Усовершенствованное седло отличалось от старого тем, что помещалось не на крупе верблюда, а перед горбом, оставляя всаднику свободные руки для хозяйственной деятельности (пастьба скота) и для войны. Это вызвало значительные изменения во взаимоотношениях оседлого и кочевого населения как в самой Аравии, так и в окружающих ее странах. Мобильные отряды кочевников превратились в грозную военную силу, сделавшую их не только господами оазисов Аравии, но и серьезной угрозой для соседних государств, даже таких могущественных, как сасанидский Иран и Византия.

На этой технической и экономической базе проходил процесс "бедуинизации" Аравии и выросли раннеклассовые государственные объединения, преимущественно на периферии полуострова, от кедритов и набатеев до киддитов и лахмидов. Достигнутое хозяйственное приспособление человека к специфическим природным условиям Аравийского полуострова было столь совершенно, что сложившаяся

на этой основе социальная организация кочевых племен Аравии сохранилась до середины XX века. Подорвать ее смогли лишь технические достижения современности: широкое развитие автомобильного транспорта и нефтедобычи.

---

1) См. Archaeological Discoveries in South Arabia, Publications of the American Foundation for the Study of Man. II-V. Baltimore, 1958-1969.

2) Результаты работ публиковались в статьях Т.Бибби и других участников работ в журнале "Kuml" с 1954 г. См. также T.G.Bibby, Looking for Dilmun. L., 1969.

3) J.Pirene, Première mission archéologique française au Hadramout (Yémen du Sud). "Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres", 1975, avril-juin, p.261-279.

4) Proceedings of the Seminar for Arabian Studies, vol.1-6. London, 1972-1976 (PSAS).

5) Ph. Lippens, Expédition en Arabie Centrale. Paris, 1956.

6) E.Anati, Ancient Rock-Engraving in the Central Negev. "Palestine Exploration Quarterly", v.82, 1955, p.49-57; Id., Recherches préhistoriques au Sinai. "Bulletin de la Société Préhistorique Française", v.55, 1958, p.209-212.

7) Expédition Philby-Ryckmans-Lippens en Arabie, 1ère Partie: Géographie et Archéologie. Tome 3: E.Anati, Rock-Art in Central Arabia. Vol. I-II: Bibliothèque du Muséon, v.50. Louvain, 1968; vol.III-IV: Publications de l'Institut Orientaliste de Louvain, 4,6. Louvain, 1972, 1974; E.Anati, The Rock Engravings of Dahthami Wells in Central Arabia. "Bolletino del Centro Communo di Studi Preistorici.", v.V, 1970, p.99-158.

8) E.Tchernov, Animal Engravings in Central Arabia. (E. Anati, Rock-Art in Central Arabia, 4) p.209-252.

9) См. Е.Е.Кузьмина, рец. на: Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Internationales Symposion in Budapest, 1971. ВДИ, 1976, № I, с.147-153.

10) См., например: T.G.Bibby, Looking for Dilmun, 1969.

11) Сообщение о таком поселении было сделано проф. А.Фрифельтом на симпозиуме "Семинар по изучению Аравии" в 1976 г. (A.Frifelt, Evidence of a 3rd ml. town in Oman). К сожалению, доклад известен мне лишь по названию в программе симпозиума.

12) См.: G.Bibby, The Al-'Ubad Culture of Eastern Arabia. PSAS III, 1973, p.1-2; M.Tosi, Some Data for the Study of

Prehistoric Cultural Areas on the Persian Gulf. PSAS IV, 1974, p.145-171.

13) E. During Caspers, Harappan Trade in the Arabian Gulf in the Third Millenium B.C. PSAS III, 1973, p.3-20.

14) A.F.L. Beeston, Qahtan: Studies in old South Arabian Epigraphy, 3. Warfare in Ancient South Arabia. London, 1976, p.2-3.

15) Некоторые из этих экологических изменений могли быть вызваны дальними последствиями стихийной хозяйственной деятельности человека. Разведение домашних животных и интенсивное использование пастбищ могло способствовать расширению пустынных зон и изменениям климата. Однако в настоящее время невозможно установить масштабы этого стихийного воздействия человека на природу Аравии. Отметим доклад В.Брайса о климатической истории Аравии (W.Brice, The climatic history of Arabia since the last Ice Age), прочитанный на симпозиуме "Аравийского семинара" в 1976 г. Ср. также: H.A. McClure, The Arabian Peninsula and prehistoric Populations. "Field Research Projects". Coconut Grove, 1971.

М.Пиотровский

ХИМЯРИТСКИЙ КАЙЛЬ СУМАЙФА⁶ ЗУ-Л-КАЛА⁶ И ХАЛИФ АБУ БАКР

В 634 г. в Медине впервые встретились "эмир верующих" Абу Бакр и знатный йеменец Сумайфа⁶ Зу-л-Кала⁶, до этого хорошо знакомые по переписке. Их заочные контакты и сотрудничество помогли подавить антиисламские мятежи в Юж.Аравии и способствовали переселению многих химяритов в Сирию. Обратившись к этим фигурам, мы можем лучше понять как складывался в мусульманском Йемене новый господствующий класс, ибо Абу Бакр и Зу-л-Кала⁶ как бы символизируют две разные группы, участвовавшие в его образовании.

В личности Абу Бакра воплотились многие характерные черты сподвижников и соратников Мухаммада, составивших основу правящего сословия мусульманского общества повсюду, в том числе и на юге Аравии. Они были ядром движения, завоевавшего Аравию для ислама. В большинстве своем жители оседлых поселений, они имели обширные родо-племенные связи; их генеалогии были всем хорошо известны. Наличие же многочисленных родичей, знаменитых предков и стойких связей с племенем было почти всегда необходимо, чтобы выдвинуться в верхушку общества, хотя ислам и объявил

уже полноправными рабов, иагоев и чужеземцев, стоявших вне родоплеменной структуры. Известно, что Абу Бакр часто использовал родовые связи и для защиты себя в период гонений и для закрепления политических союзов при пророке и в период "ридды". Халиф не принадлежал к высшей знати курайшитов, но был достаточно родовит для того, чтобы его выдвижение не противоречило доисламским представлениям о принципах социальной иерархии.

Абу Бакр был купцом, но не совершал далеких путешествий и не был очень богат. Его состояние в 40 тыс. дирхемов быстро сократилось до 5 тыс., так как он оставил торговлю, жертвовал деньги на нужды общины, выкупал рабов, принимавших ислам. Он владел также небольшим стадом мелкого скота, а после хиджры стал собственником земельного участка около Медины.¹⁾

Абу Бакр был ближайшим советником пророка, который ценил его политическое чутье. Именно он поддержал идею заключения мира в Худайбийе и снятия осады с Таифа, решения, ставшие важным моментом в становлении мусульманского государства. В период своего халифата он покончил с мятежами "ридды", умело применяя и силу, и уговоры, и награды, а затем использовал внешние завоевания как способ прекратить внутриаравийские раздоры.

Набожный мусульманин, первый халиф не был фанатиком. Там, где он видел пользу для ислама, Абу Бакр готов был вступать в союз с неверными, прощать вероотступников.

Эти качества, совмещавшие черты человека старого и нового времени, помогали Абу Бакру находить союзников и партнеров даже среди естественных противников мусульманского движения.

В Йемене таким его партнером на некоторое время стал один из химйаритских "царей"-кайлей, владельцев отдельных районов страны - Сумайфа' б. Накур Зу-л-Кала'. Род Зу-л-Кала' был знаменитым. Его могущество началось в V в. н.э., когда, по преданию, царский военачальник Йазид б. Ну'ман был назначен правителем области Кала',²⁾ где ему были подчинены жившие там химйаритские общины. В VI в. надписи упоминают род Зу-л-Кала' среди той независимой знати, которая восставала против Зу Нуваса и Абрахи.³⁾

Этнически принадлежавший к коренному населению страны, Сумайфа' был представителем новой знати химйаритского государства, выдвинувшейся в V-VI вв., и с которой связывается начало развития в Йемене феодальных отношений.

Данные мусульманских источников позволяют в некоторой мере оценить экономические возможности рода Зу-л-Кала'. Его владения

включали несколько округов-михляфов, кайлу подчинялось 23 общины. Уишам б. ал-Калби говорит о 4 тыс. зависимых, Ибн Хаджар называет 12 тыс. "домов" (байт). По источникам Ибн ал-Асира, он отпустил на волю 4 тыс. "домочадцев" (ахл ал-байт). Отдельно называют рабов ('абид). По Ибн Хаджару их было не менее 8 тысяч. В рассказе ал-Мас'уди сказано, что в Медину с Сумайфой прибыло 4 тыс. рабов (в варианте того же рассказа - 10 тыс.).⁴⁾ В Сирию Сумайфа⁶⁾ отправился с собственной дружиной. В районе Ибба он построил две крепости.⁵⁾ Эти данные, хотя они и противоречивы, показывают, что кайл обладал реальной экономической и военной силой, позволявшей ему быть хозяином в своей части Йемена.

В языческое время род Зу-л-Кала⁶⁾ поклонялся божеству Наср, популярному по всей Аравии.⁶⁾ Одно из племен области Кала⁶⁾ посвящало свои обряды идолу Мунтабик.⁷⁾ Вместе с тем еще в преисламское время (нач. VI в.?) надпись СГН 539,4 упоминает божество ḡhnh/ḡkl⁶⁾ n. По аналогии с формулами других надписей это означает, что в области Кала⁶⁾ был особый центр (храм) поклонения Рахману, божеству ставшему переходной формой к ижно-аравийскому монотеизму.

Есть предание, что Сумайфа⁶⁾ принял ислам в год смерти пророка.⁸⁾ Однако оно едва ли отражает что-либо, кроме политического подчинения. Зу-л-Кала⁶⁾ не упоминается среди прибывших к пророку делегатов. Авторитетные знатоки предания не относили его к категории "сподвижников". Легенда рассказывает, что Зу-л-Кала⁶⁾ и Зу 'Амр направлялись в Медину, но повернули обратно, чудесным образом узнав о смерти Мухаммада. Нет ясного мнения о том, от кого он принял ислам, а принять его заочно он не мог. Видимо, Сумайфа⁶⁾ стал мусульманином позднее, сначала же только подчинился.

Однако, хотя Зу-л-Кала⁶⁾, а с ним и другие кайли, подчинились, Абу Бакр выбрал сначала своим главным союзником не их, а верхушку "абна", потомков персидских завоевателей, из которых состоял, в основном, административный аппарат Йемена, тогда - провинции Сасанидской империи. К ним был послан главный "миссионер" Вабр б. Йуханнас. Персидский правитель, приняв ислам, сохранил свою должность, сменив лишь верховного властелина. Он, видимо, получил от пророка грамоту, подтверждающую права абна на власть в Санае. Став халифом, Абу Бакр назначил заместителем главу абна⁶⁾ - Файруза ад-Дайлами, что подтвердил специальным письмом к Сумайфе и другим знатым Йеменцам, а в приказе Мухад-

жиру б. Абу Умаййе его задача определялась как "помощь абна".⁹⁾

Абу Бакр основывал свой выбор как на том, что "абна" были представителями реальной политической и административной власти, так и на том, что, будучи в Южной Аравии чужаками, они были готовы к союзу с новой внешней силой, без которой не могли удержаться. Однако сотрудничество мусульман с абна' обратило против халифа силы, недовольные персидским господством. Поэтому одновременно и антиперсидскими, и антимусульманскими были начавшиеся еще при пророке движение ал-Асвада ал-Анси и выступление Кайса б. ал-Махнуха.

С "лжепророком" ал-Асвадом и Кайсом на сцену мусульманской истории вышла еще одна группировка, обладавшая большими политическими влияниями в Йемене. Это была верхушка вождей кочевых племен степных и полупустынных районов Йемена - махидж, мурад и др. Они были недовольны не только союзом мусульман с абна', но и тем, что Мухаммад утвердил права некоторых знатных арабов, претендовавших на первые роли в племенах, но не пользовавшихся широкой поддержкой (Фарва б. Мусайк).

Абу Бакр решительно взялся за подавление мятежа ал-Асвада. Он продолжил начатую Мухаммадом борьбу "посредством посланий", одновременно направив в Йемен войска. Было направлено письмо и к кайдам. Сумайфа' и другие кайли сохранили покорность халифу, но открыто не выступили.¹⁰⁾ Этот благожелательный нейтралитет придал решимости заговорщикам против ал-Асвада, и он был убит своим прежним соратником Кайсом.

Потом Кайс обратил свои силы против абна', и Абу Бакр призвал Зу-л-Кала' помочь своим главным союзникам. Понимая важность позиции кайлей, Кайс тоже обратился к ним с посланцем. Он писал: "Абна' - чужаки в вашей стране, пришельцы среди вас. Если вы оставите их в покое, они не перестанут быть против вас. Я решил убить их главарей, а остальных изгнать. Отстранитесь от них, не поддерживайте /файруза/, не помогайте абна!". Кайли ответили, что они не будут вмешиваться в конфликты между прежними союзниками.¹¹⁾

Одновременно посланцы Абу Бакра сумели привлечь на свою сторону некоторые племена ('акк, 'укайл из 'амир б. са'са'а и др.), которые выставили против Кайса свои отряды. Кайли же продолжали сохранять свой нейтралитет и тогда, когда Кайс начал массовое изгнание абна' из страны, и тогда, когда войска мусульман, абна' и части племен громили Кайса и отняли у него столицу - Сана.

Такая позиция кайлей помогла Абу Бакру справиться и со вторым Йеменским мятежом. Однако сразу же после этого влияние кайлей стало падать. В разных частях страны укрепились чиновники из представителей центральной власти и выходцы из местных племен. При дележе административных должностей кайли ничего не получили. Более того, Абу Бакр, не нуждавшийся уже в их поддержке, попытался удалить их из страны.

В 13/634 г., когда мусульмане в Сирии терпели неудачи, халиф потребовал у йеменцев военных подкреплений. Кайли не могли больше отсиживаться в своих замках. Сумайфа⁶ Зу-л-Кала⁶ прибыл в Медину. По преданию, он въехал в город роскошно одетым, с короной на голове; его сопровождали тысячи рабов и многочисленные сородичи. В биографиях Абу Бакра рассказывается, что Йеменский "царь", встретившись в халифом, был поражен его скромностью, отпустил на волю рабов, снял богатые одежды и стал довольствоваться плащом из овечьей шкуры.¹²⁾ Думается, что этот рассказ отразил реальное обращение Зу-л-Кала⁶ в ислам, ибо оно часто сопровождалось именно таким ритуалом опрошения и освобождения рабов.

Вопреки своему обычаю, Абу Бакр никак не наградил Зу-л-Кала⁶, не подтвердил его "царских" прав, а направил не только его людей, но и его самого воевать в Сирию. Там Сумайфа⁶ и его калаиты отличились в битве при Ярмуке, при взятии Дамаска и Химса. В Химсе поселилось большинство пришлых химйаритов, и ими командовал Сумайфа⁶.¹³⁾

Вместе с другими сирийцами он участвовал потом в битве при Сиффине /36-37/657 г./ на стороне Му⁶авии и был там убит. В той же битве погиб и другой химйаритский кайл - Хаушаб Зу Зулайм.¹⁴⁾ Сын Сумайфы - Шарахбил, тоже отличился на военном поприще и погиб в сражении с войсками ал-Мухтара в 66/686 г.

На этом прерывается участие рода Зу-л-Кала⁶ в мусульманской истории. Лишь изредка потомки Сумайфы и люди из калаитских племен упоминаются в связи с какими-либо событиями в разных областях халифата. То же самое произошло и с другими родами Йеменской знати, игравшими значительную и всеми признаваемую роль в УП в. После УП в. они редко появляются также и в истории Йемена.

Угасание роли местной знати явилось результатом политики Абу Бакра. Поначалу он поддерживал контакты со всеми главными политическими силами страны, разделяя их, противопоставляя друг другу, ослабляя одних с помощью других. Одновременно он подбирал

себе наиболее подходящих союзников. Абна' быстро пошел на полное сотрудничество с мусульманами, но их позиции в стране были слабы. Хотя они и говорили на местных языках, женились на йеменках и даже сочиняли легенды о своих ижноаравийских корнях, для большинства населения они оставались чужими, иноземной властью, администраторами, военными начальниками, сборщиками налогов, которые отнимали у йеменцев земли, ограничивали свободу йеменских торговцев, ослабляли власть и влияние других членов господствующего сословия. Зороастрийцы - абна' и в религиозном отношении были чужими в Йемене.

Сотрудничая с мусульманами, абна' пытались сохранить свое положение при новых хозяевах. Однако хозяева эти видели, что реальная сила абна' не велика. Их присутствие и власть ограничивались некоторыми центрами (Сана, Аден, Тихама в районе будущего Забида). Мятаж Кайса подтвердил непрочность их положения. Поэтому Абу Бакр, используя абна' в начале борьбы, не оправдал их надежд, отверг их в качестве главных союзников. Абна' еще долго продолжали жить в Йемене, но перестали играть важную роль в управлении им.

Кайли, уверенные в своем могуществе, тоже пытались сохранить свое политическое господство. Они избрали политику благожелательного нейтралитета, оправданную, как казалось, опытом эфиопской и персидской оккупации. Однако эти союзники были слишком сильны и опасны для мусульман. Не подорвав их власти, нельзя было полностью включить Йемен в новое государство. Поэтому Абу Бакр и ими воспользовался только в нужный период, а затем ослабил их, отправил на войну и не допустил к высоким должностям.

Пришедшие с севера администраторы и наместники разделили политическую власть со знатью йеменских арабских племен, несмотря на то, что именно они были главной силой восстаний против мусульман. Такой выбор Абу Бакра полностью оправдывался исторической ситуацией. Племена были реальной и мощной силой. Компактные и подвижные их отряды определяли соотношение сил. Мятажники потерпели поражение лишь тогда, когда от них отвернулась часть племен, чья знать вступила в соглашение с Абу Бакром. Племена эти контролировали обширные территории, захватывали земельные участки, частично оседали на землю.

Более того, будучи кочевниками, они по типу хозяйства, образу жизни и социальным традициям были мусульманам ближе других

слоев Йеменского населения. Даже мятежники Кайс и ал-Аш'ас в подчиненных им областях также объединяли племена и помогали усилению арабского элемента, как и мусульмане на других границах халифата. И в религиозной сфере существовала некоторая близость. "Джепророк" ал-Асвад вещал от имени Рахмана, Аллаху посвящали свои жизни восставшие в Хадрамауте киндиты.

Среди знати племен для Абу Бакра были сильные и естественные потенциальные союзники, заинтересованные в изменениях, чьи представления о собственной пользе совпадали с целями мусульман. Поэтому дальновидный Абу Бакр не только простил многих вождей йеменских восстаний (Кайса б. ал-Макнуха, 'Амра б. Ма'дикариба, ал-Аш'аса б.Кайса и др.), но и наградил их, даровал им новые привилегии. Они все потом приняли активное участие в строительстве мусульманского государства и стали в нем видными фигурами. В самом же Йемене именно выходцы из племенной знати составили, наряду с пришлыми мусульманами, второй элемент политически господствующего сословия, получив в свои руки многие важные посты и возможности расширить свои владения и влияние.

В Йемене были свои социальные, этнические и культурные традиции, носителями которых в значительной мере были кайли. В мусульманское время эти традиции получили малое развитие. Йеменское общество в средние века строилось и жило так же, как и общество в других центральных областях халифата. Такая судьба Йемена, не помедленного путем самостоятельного развития, во многом была результатом новой структуры его господствующего сословия, результатом политического ослабления кайлей.

---

1) Ibn Saad, Biographien, Bd.III, t.1, hrsg.E.Sauchau, Leiden 1904, SS.122, 136, 138.

2) ал-Хамдани, ал-Иклил, II, Каир 1967, с.264-266.

3) СИН 621,2; СИН 541, 81-87. См. А.Лундин, Южная Аравия в VI в., Л. 1961, с.67-68.

4) Gamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hisam ibn Muhammad al-Kalbi, von W.Caskel, Leiden, 1966, II, S.236. Ибн Хаджар, ал-Исаба, Каир, 1323 г.х., II, с.183; Ибн ал-Асир, Усд ал-габа, Тегеран, 1377 г.х., II, с.144; Maçoudi, Les prairies d'or, Paris, 1861, IV, p.178-179. ал-Йа'куби, Мушакалат ан-нас, Бейрут, 1962, с.10.

5) ал-Хамдани, ал-Иклил, II, с.265.

6) Das Leben Muhammed's nach Ibn Ishak, hrsg. F.Wustenfeld, Göttingen, 1859, S.53.

7) T.Fahd, Le panthéon de l'Arabie centrale, Paris 1968, p.131.

8) Ибн Хаджар, ал-Исаба, II, с.182; Ибн ал-Асир, Усд ал-габа, II, 142.

9) ат-Табари, I, с.1989, 1880.

10) ат-Табари, I, с.1857.

11) ат-Табари, I, с.1989-1990.

12) Maçoudi, IV, p.178-179. ал-Мақдиси, Китаб ат-таувабин, Дамаск, 1961, с.131; ал-Йакуби, Мушакалат, с.10.

13) ат-Табари, I, с.2085, 2094, 2151, 2152.

14) ат-Табари, I, с.3312, 3314, III, 2317; Ибн Хаййат, Та'рих, Дамаск, 1967, с.219-220, 222.

И.Ш.Шифман

О НЕКОТОРЫХ УСТАНОВЛЕНИЯХ РАННЕГО ИСЛАМА (ЗАПРЕЩЕНИЕ ПИТЬ ВИНО)

Одно из наиболее широко известных установлений ислама, восходящее, согласно традиции, непосредственно к Мухаммеду, — это запрещение пить вино. В кораническом тексте II, 216 (старейшая мединская сура, датируемая временем до 15 марта 624 г.; здесь и далее цитируется перевод И.Ю.Крачковского) сказано: "Они спрашивают тебя о вине (الخمر) и майсире. Скажи: в них обоих великий грех и некая польза для людей, но грех их — больше пользы". В последней по времени суре, датируемой 627-629 гг.¹⁾ о пользе, которую можно извлечь из вина, уже не говорится. Мы читаем (У, 92-93: "О вы, которые уверовали! Вино (الخمر), майсир, жертвенник, стрелы — мерзость из деяний сатаны. Сторонитесь же этого, — может быть, вы окажетесь счастливыми! Сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином и майсиром и отклонить вас от поминания Аллаха и от молитвы. Удержитесь ли вы?"

Приведенные тексты рассматривают употребление вина как греховное деяние, стоящее в одном ряду с идолопоклонством. Как показывает приведенные выше датировки, запрещение пить вино определенно формулируется в проповеди Мухаммеда после хиджры и повторяется неоднократно, причем исходным является именно предостережение о винопийстве как о грехе.

Тем более странным и неожиданным оказывается тот факт, что

в сурах того же периода имеются, казалось бы, диаметрально противоположные высказывания. Так, из XLVII, 16 (вскоре после битвы при Бадре) мы узнаем, что в рай уверовавших ожидают "реки из вина, приятного для пьющих"; в LXXXIII, 25 (мединская сура?) говорится, что в рай "пойт их (верующих. - И.Ш.) вином запечатанным". Даже при жизни Коран не возбраняет употребление сикеры (не вина!) - оляняющего напитка, известного на Ближнем Востоке с глубокой древности: "и из плодов пальм и лоз вы берете себе напиток пьянящий (سكر) и хороший удел. По-истине, в этом - знамение для людей радушных" (XVI, 69; мединская сура). Таким образом, Коран возбраняет только вино и только при жизни. Он не запрещает употребления сикеры и других опьяняющих напитков, он обещает верующим возможность пить вино после смерти, в ином мире.

Возникает вопрос: откуда исходит это запрещение, каков его социально-этический смысл?

Неупотребление вина считалось, по-видимому, одной из характерных особенностей бедуинской жизни, идеализированной древней ближневосточной традицией. По описанию Диодора (I9, 94), арабы-набатеи, ведущие кочевой образ жизни, воздерживались от употребления вина, не строили домов и не сеяли хлеб; преступившие это установление карались смертью. Бог Шай^С ал-Каум, культ которого был широко распространен у бедуинов, о чем свидетельствуют многочисленные североарабские надписи, согласно CIS, II, 3973 (пальмирская надпись от имени воина-набатея), "не пил вина" (l' št' hmr'); его греческая ипостась Ликург сын Ареса, бог и царь арабов, согласно "Диомисиакам" Нонна Панопольского (кни. 2I-22) был антагонистом Диониса, не знавшим вина (Ζβίχχευτος). Показательно, что Думара - главное божество оседлых набатеев часто отождествляется именно с Дионисом.

Известный отрывок из книги Иереми (35, 6-10), где излагается учение секты рехавитов, показывает, что в обстановке острых социально-политических конфликтов VI в. до н.э. кочевой образ жизни представлялся некоторым кругам оседлых иудеев своего рода идеалом, подчеркнуто противопоставленным городской оседлой жизни со всеми ее общественными неурядицами. Такого рода воззрения, по-видимому, в свою очередь восходят к древнейшему противопоставлению удобного богу кочевничества и скотоводства неудобному богу оседлому земледелию, что нашло свое отражение, в частности, в известном предании о Каине и Авеле,²⁾ Рехавиты

призывали возвратиться к кочевой жизни с ее свободой от пут цивилизации. Их заповеди рисуют картину жизни, точно совпадающую с тем, как Диодор изображает быт и нравы набатеев. На первом месте среди заповедей рехавитов стоит неупотребление вина: "не пейте вина вы и дети ваши никогда, и дом не стройте, и семья не сейте, и виноградник не насаждайте, и да не будет этого у вас, но в шатрах пребывайте все дни ваши, дабы вы жили долгие дни на земле, которую вы населяете".

Приведенный выше материал позволяет представить себе употребление вина (именно вина, а не других напитков) как черту, присущую, по представлениям ближневосточной древности, горожанам; это более или менее точное соответствует и ситуации в Аравии времени возникновения ислама, где употребление вина имело место преимущественно и главным образом в городах. Соответственно запрещение пить вино может быть понято как элемент социально-этической проповеди Мухаммеда, восходящий (независимо от того, признавал это Мухаммед или нет) к древним, общим для всего Ближнего Востока, идеализирующим представлениям о бедуинской жизни. В связи со сказанным заслуживает внимания тот факт, что, хотя употребление вина и не было чрезмерно распространено в бедуинском обществе времени возникновения ислама, в арабской доисламской поэзии многократно говорится о питье вина и пьянении, что, несомненно, противоречит сказанному выше.³⁾ Проблема происхождения этого мотива и его роли, в частности, в доисламской арабской поэзии нуждается, очевидно, в специальном исследовании; думается, однако, что не будет слишком смелым предположение, согласно которому его появление и закрепление было следствием своеобразного бунта против древних установлений и традиционного образа жизни (ср. аналогичные явления в древнегреческой поэзии, например, широкое распространение стихотворений о бегстве воина, бросившего щит, с поля боя). Тогда проповедь Мухаммеда могла бы быть направлена против отступников, нарушителей древних установлений; отсюда и представление о питье вина как о грехе, т.е. сакральном преступлении.

---

1) Все датировки в соответствии с указаниями в комментариях И.Ю.Крачковского к названным сурам. См.: Коран, М., 1963.

2) Ср.: И.Н.Винников, Социальная сущность сказания о первом братоубийстве, Палестинский сборник, вып.25 (88), 1974, с.39-44.

3) G. Jacob, Altarabisches Beduinenleben nach den Quellen geschildert, Berlin, 1897, BS.96-102.

П.А.Грязневич

АРАВИЯ И АРАБЫ (К ИСТОРИИ ТЕРМИНА АЛ-‘АРАБ)

И расходятся люди во мнениях о том,
почему арабов назвали арабами.

Абу Мансур ал-Азхари (ум. в
980-981 г.)

Возникновение и семантическая эволюция термина ал-‘араб, ставшего самоназванием арабских народов, — комплексная проблема. Изучение ее является компетенцией не только лингвистов-семитологов, но и историков и этнологов. Значение термина должно определяться для каждого исторического периода особо и с учетом этнической и социальной характеристики обозначаемой им общности.

Наиболее ранними письменно засвидетельствованными исходными формами термина ал-‘араб считают слова (māt) ар-ба-а-а, (māt) ариби¹⁾ и их фонетические варианты, содержащиеся в анналах ассирийских и нововавилонских царей (УШ-УІ вв. до н.э.) и происходящие от семитского корня ‘рб "быть сухим, пустынным".²⁾

Как прилагательное в значении "пустынный", "сухой", "безводный" и как имя нарицательное для обозначения бесплодной или неводеланной местности (степи, пустыни)³⁾ эти слова засвидетельствованы в текстах на аккадском, арамейском и еврейском языках. Ими названы каменистые степи, песчаные и полупесчаные пустыни Месопотамии, Сирии, Палестины, а также Сев. Аравии между Евфратом и Нилом.

Те же слова ариби -‘араб прилагались и к обитателям этих местностей. Контексты анналов ассирийских царей и Библии ясно показывают, что речь идет о населявших эти местности племенах кочевников, передвигавшихся на осле и верблюдах, живших в шатрах и разводивших овец, коз и верблюдов.

Тексты ассиро-вавилонских анналов и библейские книги, повествуя о событиях, связанных с землей ариби -‘араб и их обитателями, приводят названия многих родов, племен и племенных союзов. Однако среди этих племенных названий этнонимы ариби, ‘араб и их фонетические варианты не засвидетельствованы. Слова ‘араб нет ни в знаменитой "таблице народов" в Библии (Бытие, X), ни в пе-

речне потомков Измаила (Бытие, XXV, 13-15), которые "жили от Хавилы до Сура, что пред Египтом, как идешь к Ассирии" (там же, ст.18), и которых обычно называют "арабами", ни в каком-либо другом библейском генеалогическом предании.

Семантика слов ариби, 'араб и контексты их употребления в имеющихся письменных памятниках древности, в том числе их географические характеристики, не дают повода считать их самоназванием какого-то одного племени или общим самоназванием кочевых племен пустынь и степей Аравии и Передней Азии. Эти слова-термины не обнаруживают какого-либо конкретного этнического или лингвистического значения, появляясь в названных выше текстах как видовое название обитателей степных или пустынных местностей, непригодных для земледелия. Словами ариби, 'араб называют в этих памятниках разные группы кочевых племен, в том числе и такие, которые находились друг от друга иногда на расстоянии многих сотен километров и не имели между собой ни взаимно признаваемых кровно-родственных связей, ни союзных отношений.

Однако для их соседей - оседлого земледельческого населения, в частности, ассирийцев и евреев - они представляли собой очевидную этносоциальную общность. Их объединяли место и условия обитания, а также сходный образ жизни и тип хозяйства, сходство во внешнем облике, принадлежность к иным религиозным культам и к другому типу социальной организации.

Таким образом, как этнонимы слова ариби и 'араб явно принадлежат к той же категории древних этнических названий, что и аморреи, ханааняне, арамеи, финикийцы, евреи и др., которые по происхождению были не племенными именами, а прозвищами или собирательными наименованиями, данными этим семитским племенам и народам их соседями.⁴⁾

Что касается самих племен, обозначенных как ариби, 'араб, то они именовали себя по своим родовым и племенным названиям (напр., набат, кедар, лихйан, самуд, дихрани, салам и т.п.). Этот способ самоопределения составлял, как известно, специфику этносоциального самосознания в родовом обществе.

Вместе с тем, следует отметить, что эти кочевые и полукочевые племена скотоводов, пастухов и охотников принадлежали к одному этнолингвистическому и социально-культурному массиву, выделявшемуся среди обитателей Аравии и Переднего Востока. Его можно назвать праарабской этноплеменной общностью, поскольку именно от него в конечном счете ведут свое происхождение племе-

на, составившие в середине УП в. н.э. ядро новой общности, принявшей в качестве самоназвания слово 'араб - "арабы".

Этот праарабский массив племен в процессе распада семитского языкового единства постепенно обособился от других родственных ему по языку и происхождению родоплеменных групп и народов. После миграции в Переднюю Азию арамейев племена этого массива стали основной и преобладающей частью населения Аравийского полуострова. Обитая в степях и пустынях, пригодных в основном только для кочевого скотоводства, племена этого массива в течение многих столетий сохраняли один и тот же образ жизни и тип хозяйства, равно как и близость языка, в целом не нарушенную и последующим развитием племенных диалектов.

Наконец, за период с УШ в. до н.э., когда появились термины арибы, 'араб, по УП в. н.э. на территории обитания праарабской этноплеменной общности не отмечено вторжений новых крупных этнических групп. Происходили войны, массовые угоны пленных, миграции племен, возникали и распадались племенные союзы, однако этнолингвистический состав населения на этой территории оставался в основном неизменным. Это способствовало сохранению за кочевниками степей и пустынь Аравии и Переднего Востока старого их названия 'араб.

Дальнейшие сдвиги в значении слов, образованных от корня 'гь, которыми обозначали пустынные местности и их обитателей, связаны с употреблением их в иноязычной среде и с постепенным усилением роли кочевых племен во внутривосточной жизни Аравии и Бл. Востока. Значительно повышение боеспособности верблюжьей кавалерии после распространения оседла с лукой резко активизировало участие кочевников в военно-политических конфликтах Византии и Ирана, а также в междоусобных войнах южноаравийских государств. Их отряды выступали в качестве самостоятельной боевой единицы в составе регулярного войска. Слово "арабы" в первые столетия н.э. часто употреблялось (напр., римлянами и византийцами) и как военный термин в значении "войны-кочевники" (на верблюдах, реже - на конях).

Особую роль в сохранении и распространении термина 'араб (и его вариантов) в качестве этнонима и топонима сыграли труды греческих и латинских географов и историков.⁵ Именно у греков возник топоним "Арабия" (упомянут у Эсхила в "Прометее", 525-456 г. до н.э.), принятый и современной европейской географической номенклатурой. Им античные авторы называли самые разные

"пустыни" - и в Месопотамии, и в Юж.Сирии и Палестине, и в восточном Египте. Геродот прилагал его расширительно (и несколько неопределенно) также и к территории собственно Аравийского полуострова.

Следующим шагом в развитии значения топонима Арабия было возникновение представления о "трех Аравиях", отразившего расширение знаний об Аравийском полуострове и его обитателях. По этой концепции вся зона степей и пустынь на восток и на юго-восток от Средиземноморского побережья делилась на Аравию Каменистую (*Arabia Petraea*) - пустыни Сивайского полуострова и территории на юга и на юго-восток от границ Палестины; Аравию Пустынную (*Arabia Deserta*) - районы Месопотамии вдоль обеих берегов Евфрата, Сирийскую пустыню и прилегавшие к ней степи и пустыни Сев. Аравии; и, наконец, Счастливую Аравию (*Arabia Felix*), включившую почти весь Аравийский полуостров от границ обитания набатеев, лихийан и самуд (например, на картах Клавдия Птолемея, II в. н.э.).

Термин "Арабия" все дальше отходил от значения исходного для него слова "араб" как имени нарицательного для безводной, невозделываемой степи или пустыни. Он все больше становился общегеографическим наименованием территории Аравийского полуострова в целом.

Следует добавить, что в доисламских памятниках письменности, принадлежащих собственно населению Аравийского полуострова, в том числе и Юж.Аравии, "араб", как топоним, не засвидетельствован. В них вообще отсутствует слово, обозначающее всю территорию Аравии.

В античной литературе совершило дальнейшую эволюцию также и значение слова-этнонима от корня "гь", которым - в форме мн.ч. *Ἀράβιοι* - после Геродота стали именовать всех обитавших на территории, обозначенной на древних картах и в историко-географических трудах термином Арабия, включая и оседлое население Юж. Аравии.⁶⁾ Исходное слово "араб" в этом употреблении приобретает теперь также и определенно этническое содержание. Наряду с этим общим наименованием, приводится и множество локальных этнонимов, отражавших конкретную этноплеменную географию Аравии.

И в античной книжной традиции, и у следовавших ей авторов I-III вв. термин "араб" был не единственным общим обозначением обитателей Аравии.⁷⁾ Наряду с ним широкое распространение имело слово сарацины, в первые века н.э. ставшее собирательным наименованием кочевых племен, обитавших на той же территории, которую в

III-VI вв. до н.э. обозначали как ариби, 'араб.⁸⁾ В "Географии" Птолемея (II в. н.э.) в перечне обитателей "трех Аравий" слово арабы вообще не употребляется. В известной "таблице народов" Ипполита из Рима (ум. в 235 г.), наряду с арабами, названы сарацины, тайиты, мадианиты и др.⁹⁾ В сочинениях на сирийском яз. более обычным было название тайиты (ṭayūāyē), образованное от названия большого кочевого племени тайй. Так, в хронике Йому Стилита (нач. VI в.) Лахмиды и Гассаниды названы соответственно "тайиты персидские" и "тайиты ромейские" (ṭayūāyē d^o Pirsāyē; ṭayūāyē d^o Bēt Rhūmāyē).¹⁰⁾

В эпиграфических памятниках Юж. Аравии слово 'араб встречается со II в. н.э.¹¹⁾ В конце IV - нач. V в. это слово появляется уже в официальной титулатуре химйаритских царей как обозначение особой категории подданных в составе Химйаритского государства, не принадлежавших к его коренному населению, объединенному оседлыми общинами, не входивших в его социальную организацию и не участвовавших в его духовной жизни.¹²⁾

Слово 'араб засвидетельствовано в южноаравийских надписях в форме мн. числа а'раб^{ан} и имени обирательного 'араб^{ан}. Оно употреблялось применительно к бедуинам-кочевникам, населявшим в основном степные и пустынные районы на побережье Красного моря и на северных и восточных окраинах Сабейского и Химйаритского государств. Чаще всего оно обозначало отряды воинов-бедуинов на верблюдах (а некоторые и на конях), которых южноаравийские правители привлекали - за плату или по solemnным обязательствам - для участия в междоусобных войнах или в походах за пределы государства.

Слова а'раб^{ан} и 'араб^{ан} не обнаруживают конкретного этнолингвистического содержания. Они сопрягались с названиями разных кочевых племен или племенных союзов (напр., кинда, мурад, мазхид и др.). Им иногда противопоставляется слово хгр, которым в надписях обозначали оседлое население, живущих в городе и в его сельской округе, т.е. собственно носителей южноаравийской культуры: "и начертал эту надпись кайл Шарех'ил Йакбул, из (рода) Йаз'ан, когда он совершил поход на Наджран /7/. вместе с общиной хамдан, живущими в поселениях (хгр^{ан}) и кочующими ('араб^{ан}) и с войском азанитов и с отрядами всадников (а'раб) из кинда, мурад и мазхид и с кайлами..."¹³⁾

Засвидетельствована также и форма нисбы, имени относительно, от 'араб в мужском роде ед. числа - 'гбул (Ja 950, 1-2,

надпись из Хадрамаута - 'tybt/bn/'mrm/'rbyu¹⁴) - Атиабат, сын 'Амрам, араб), а также в женском роде ед. числа - 'rbyt (в списке иеродул, составленном между III-I вв. до н.э. о посвящении в храм в Маине, - 'rbyt/bn/kdr¹⁵) - "арабка из кедара", т.е. из племенного союза кедар в Сирии; 'rbyt выступает здесь вместо имени собственного посвящаемой) и двойственного числа 'rbytyn (Ja 961, 1-3 gdw/wāndm/'rbytyn/mbnytyhn¹⁴) - "Гадват и Шандум, две арабки, мубанитки", т.е. из племени мубан в Хадрамауте).

Слова эти, как можно видеть, служат здесь общим видовым названием, указывающим на принадлежность лица не к какому-то определенному родоплеменному коллективу (племени, союзу) или к определенной местности, а - к особой социальной категории людей, живущих и в Хадрамауте, и в Аравии, и в Сирии и не относящихся к собственно носителям южноаравийской культуры.

В то же время в огромном множестве граффити времени от V в. до н.э. и до II в. н.э., принадлежащих как раз тем обитателям Аравии, которых книжная традиция и эпиграфические памятники называют "арабами", само слово 'араб не встречается. Известны, кажется, лишь два граффити, также из Юж. Аравии (район Наджрана), в которых 'араб употреблено как часть личного имени, явно, как прозвище - Йазрав' или 'Араб¹⁶) (ср. Филипп Араб, римский император, уроженец Бостры), - происходящее, как и приведенные выше нисбы 'rbyu, 'rbyt, от слова 'араб, как имени нарицательного ("житель пустыни", "степняк-кочевник" и т.п.).

Как известно, этно-топонима 'араб нет и в сохранившихся памятниках словесности бедуинов доисламской Аравии, в частности, в древней поэзии.¹⁷) Нет его и в тексте Корана.

В Коране засвидетельствованы, однако, два слова, происходящие от корня 'гъ. Одно из них - 'арабй - относительное прилагательное "арабский",¹⁸) другое - ал-а'раб - имя собирательное, которым в Коране названы бедуины-кочевники, обитавшие в пустынях вокруг Медины и Мекки.¹⁹)

Слово 'арабй употреблено как определение к трем словам; лисān, кур'ān и хукм, т.е. "язык-речь", "возглашение-чтение" и "(богооткровенная) мудрость". Им определен язык откровения, возглашенного устами Мухаммада, для того, чтобы отличить его от языка, непонятного и чужого (а'джамй) сородичам и соплеменникам пророка.²⁰)

Необычность такого определения очевидна: как уже говорилось, нет текстов, из которых бы следовало, что какая-то часть

населения Аравии называла себя словом 'араб или определяла бы свой язык через посредство этого слова. Оно бытовало только в лексиконе соседних народов или отдельных этнокультурных групп в самой Аравии (в частности, иудеев, христиан, сабейцев, маинцев и т.п.).

Все десять сур Корана, в которых употреблено слово 'араб̄, произнесены в сравнительно короткий период — между 619 и 623 г.; позднее Мухаммад больше не пользовался им. Эти годы были решающим периодом в пророческой судьбе Мухаммада. Осыпавший насмешками и угрозами своих соплеменников, он был отвергнут также и теми, кого он считал своими естественными идейными союзниками в борьбе с язычеством: иудеями и христианами. Как раз в этот период и появляются стихи, в которых Мухаммад заговорил о языке откровения.

Сохранились предания, рассказывающие о том, что поводом к появлению откровений о языке были якобы слова иудеев: если бы проповеди Мухаммада были действительно божественным откровением, то он говорил бы на языке Бога, т.е. на языке Торы, а не на "языке арабов".²¹⁾ Отвечая им, Мухаммад возвестил от имени Бога, что это откровение ниспослало именно на "языке арабском, понятном" (лис̄ан 'араб̄ муб̄ин). Тем самым родной язык Мухаммада возводился в ранг "священного языка" и отвергалось одно из весьма веских возражений против истинности его пророческой миссии.

Указания комментаторов Корана на то, что стихи о языке откровения были ответом на возражения мекканских (и медийских) иудеев объясняют и употребление в них выражения "лис̄ан 'араб̄", воспроизводящего еврейское *lāšhōn 'ārābhī* — "язык арабский", засвидетельствованное в памятниках III в. н.э. как название языка язычников-обитателей Аравии.²²⁾

Появление в этом выражении слова 'араб̄ обычно толкуют как доказательство существования этнонима 'араб в языке соплеменников Мухаммада в качестве их общего самоназвания. Между тем содержание Корана ясно указывает на отсутствие у Мухаммада понятия о надплеменной "арабской" общности. Этносоциальная терминология Корана, особенно мекканского периода, не выходит за рамки племенного сознания, выраженного в древней бедуинской поэзии и естественного для родового общества: это прежде всего термины, обозначающие сородичей и соплеменников Мухаммада, жителей Мекки, составлявших его "қаум" (сородичей по мужской линии), племя курайш и их союзников.

Мухаммад выступил в то время, когда этноплеменная разобщенность по происхождению имела еще абсолютный смысл и составляла основу общественного сознания. Это было естественным порядком вещей и для самого Мухаммада, и он не искал путей к его изменению, к созданию межплеменной этнической общности.

Его целью было устранить разобщение людей по религиозному культу. В Коране осуждается не этноплеменная разобщенность, а многобожие. Также и во всей поэзии накануне ислама и во времена Мухаммада не высказывалось призыва к племенной консолидации или к созданию общности иного рода.²³⁾ Применительно к первой четв. УП в. можно говорить лишь о существовании смутной идеи единства обитателей Аравии как этнологической и культурной общности.²⁴⁾ Более отчетливо осознавалась общность языка в противоположность иноязычному миру (а'джам) и общность социально-культурная оседлого населения, противопоставившего себя кочевникам пустынь и степей Аравии, названных в Коране термином ал-а'раб. Внутри кочевого мира формировалось сознание этногенеалогической общности двух крупных племенных объединений (ма'адд и кахтан).

Единый культ Аллаха стал на первых порах ведущим фактором формирования нового общественного сознания, и первым действительно общим самоназванием большинства жителей Аравии стали религиозные по семантике термины му'мин (мн.ч. му'минун) и муслим (мн.ч. муслимун). Значения этих слов - "верущие" и "предавшие себя Богу", как и значение выражения лисан 'араби, сложились под влиянием однокоренных слов в языке аравийских иудеев.²⁵⁾

Этноним ал-'араб, как самоназвание, появляется в широком обиходе впервые, повидимому, среди мусульманских армий, вступивших на территории византийской Сирии и сасанидского Ирака в 30-40-х гг. УП в. Тогда впервые огромная разнородная масса племен, собравшихся из разных уголков Аравии, Палестины и Сирии и принадлежавших к разным генеалогическим группам, оказалась перед лицом общего врага, объединенная не только общностью языка, но и общим командованием, общей целью и общей верой. Ранние комментаторы Корана и генеалоги второй пол. УП-УШ вв. выработали понятие об "общерабской" генеалогической общности, соединив - с помощью фиктивных эпонимных имен - верхние ряды родословий в единое генеалогическое древо арабов и включив его в библейскую генеалогическую систему с Адамом во главе.

Как и слово 'араби в Коране, этноним ал-'араб был заимствован из словоупотребления в среде, так или иначе - по языку или

только по культуре – причастных к библейской иудеохристианской традиции; именно она сохраняла этот, возникший в древности, термин для обозначения обитателей Аравии, теперь воспринятый и ими самими.

Подтверждением сказанному может служить и этимология этнонима ал-‘араб, восходящая к историко-этнологической традиции первой пол. УШ в. и принятая средневековыми арабскими филологами. Согласно этой этимологии, этноним ал-‘араб происходит от слова ‘араба, которым будто бы прежде называли Аравию.²⁶⁾ В этом слове нетрудно увидеть библейское – еврейское *‘āgābāh* – имя нарицательное для обозначения безводной пустынной местности. Сущетвенно отметить, что словом ‘араба арабские филологи называли и всю территорию обитания аравийских племён, и отдельные ее районы, в частности, каменистые степи в Южной Палестине, (между Мертвым морем и Акабским заливом), пустыни в Сирии и в Месопотамии, а также в самой Аравии. В этом случае употреблялось слово ал-‘арабāt (мн.ч. от ‘араба), т.е. "аравии", "(страна) аравий". Понимание слова ‘араба как "пустыня, степь", а слова ал-‘арабāt как "страна пустынь, степей" подсказывается контекстом их употребления. Таким образом, арабская филологическая традиция УШ–ХІ вв. подтверждает происхождение слов ‘араб–‘арабī от общесемитского корня *‘rḅ* через библейские формы *‘āgābāh* и *‘arab*.

Принятое средневековыми арабскими филологами и историками определение понятия "арабы" не включало собственно этнического признака и ограничивалось географическим и языковым. Йакут (ум. в 1229 г.), обобщая их точки зрения по этому вопросу, писал: "Из всего этого становится ясным и истинным, что все те, кто живет в Острове арабов и говорит на языке его обитателей, и есть арабы (ал-‘араб) – арабами их называли по названию их страны ал-‘Арабāt".²⁷⁾

Наконец, к первой пол. УШ в. относится распространение собственно арабского географического термина для обозначения всей территории Аравийского полуострова; он был образован с помощью этнонима ал-‘араб: ард ал-‘араб, билād ал-‘араб, а позднее – джазйрат ал-‘араб – "Земля арабов", "Страна арабов", "Остров арабов".

---

1) Происхождение этих слов, также как и их начальное значение и синонимичность остаются спорными. Терминологическую определенность слово *ариби* обнаруживает особенно в анналах Саргона

II (715 г. до н.э.) Синахериба и Ашшурбанипала (походы 652-42 гг. до н.э.), см. Ebeling, Araber, - Reallexikon der Assyriologie, I, Berlin-Leipzig, 1932, S.125a-126b.

2) Библиографию и историю вопроса см. J.Henninger, La Société bédouine ancienne, - L'Antica società beduina, racc. da F.Gabrieli, Roma, 1959, с.71 - и след.; см. также И.Ш.Шифман, Арабы у Гомера и Геродота, - ПС, 9(72), 1962, с.69-70.

3) Ср. K.Petráček, Gindibu'-Arbaija - ein Safa-Araber?, - Archiv Orientální, 27, 1959, с.44 и сл.

4) И.М.Дьяконов. Языки древней Передней Азии, М., 1967, с.39-41.

5) См. F.Altheim und R.Stiehl. Die Araber in der alten Welt, Bd.I, Berlin, 1964, S.165 f.; D.Müller, Arabia (P.-W.RE); B.Lewis, The Arabs in History, London, 1962, p.11-12.

6) Altheim-Stiehl, Die Araber, I, Ss.165 ff.; Lewis, The Arabs, 12.

7) S.Krauss, Talmudische Nachrichten über Arabien, ZDMG, Bd.70, 1916, S.321-324.

8) В.В.Бартольд, Соч., VI, М., 1966, с.235; Lewis, The Arabs, 12; Ph.Hitty, History of the Arabs, 7-th ed., London, 1961, p.44; D.H.Müller, Sarakeni (P.-W.RE); Altheim-Stiehl, Der Araber, II, 324 ff.

9) A.Börst, Der Turmbau von Babel, Stuttgart, 1957, II/3, S.932 f.

10) Krauss, Talmudische Nachrichten, S.324; G.E. von Grunebaum, The Nature of arab unity before Islam, Arabica, t.X, 1963, p.5-6; Altheim-Stiehl, Der Araber, II, 329.

11) M.Höfner, Die Beduinen in den vorislamischen arabischen Inschriften, - L'Antica società beduina, S.60 f.

12) А.Г.Дундин, Южная Аравия в VI в. - ПС, М.-Л., 1961, с.107-108; A.F.L.Beeston, Kinship in Ancient South Arabia, - Jesho, XV, p.257.

13) A.Jamme, Sabaeen and Hasaeen Inscriptions from Saudi Arabia, Roma, 1966, p.40-41 (Ja 1028, 6-7).

14) См. A.Jamme, The Al-'Uqlah Texts (Documentation Süd-Arabe, III), Washington, 1963, p.50, 53. На эти тексты мне лично указал Г.М.Бауэр.

15) М 392, С, 36-38; указанием на этот текст я обязан А.Г.Дундину.

16) Jamme, ibid., p.18 (Ja 1011, 1). Ср. имя римского императора: Филипп Араб (244-249 г.).

- 17) 'Умар Фаррух, ал-'Араб фи хадаратихим ва сакафатихим, Бейрут, 1968, с.31; Müller, Arabia, S.344-345; M.Watt, Muhammad at Medina, Oxford, 1962, p.143; ср. Grünebaum, The Nature, p.20.
- 18) Коран, XII, 2; XIII, 37; XVI, 105/103, XX, 112/113; XXVI, 195; XXXIX, 29/28; XLI, 2/3, 44; XLII, 5/7; XLIII, 2/3; XLVI, 11/12.
- 19) Коран, IX, 91/90, 98-102/97-101, 121/120; XXXIII, 20; XLVIII, 11, 16; XLIX, 14.
- 20) Watt. Muhammad at Medina, p.143.
- 21) P.Khale, The Qur'ān and the 'Arabīya, - "J.Goldziher Memorial volume". Pt.I, Budapest, 1948, p.174; R.Dvořák, Über die Fremdwörter im Koran, - Sitzungsber. d.phil.-hist. Cl., Bd.CIX, S.486.
- 22) Ch. Rabin, 'Arabiyya, EJ, NE, I, p.561.
- 23) H.Gibb, Arabic Literature, Sec.ed., Oxford, 1963, p.30-31.
- 24) Watt, ibid., p.143; Bell's Introduction to the Qur'ān, completely revised and enlarged by W.Montgomery Watt, Edinburgh, 1970, p.7.
- 25) J.Horowitz, Koranische Untersuchungen, Berlin-Leipzig, 1926, S.54-56.
- 26) Лисан ал-'араб, II, с.76 и след.
- 27) Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St.Petersburg und Paris... hrsg. von F.Wüstenfeld, Bd.III, Leipzig, 1866, S.634 (=Лисан ал-'араб, II, с.77).

Т.М.Айтберов

К ВОПРОСУ О РАБСТВЕ В ДАГЕСТАНЕ В XVI-XVII вв.

В данном сообщении собраны сведения дагестанских источников (ранее неизвестных, за исключением одного) о положении рабов в Дагестане.¹⁾

I. В соглашении, заключенном между князем Чупанилавом и Эргенами,²⁾ говорится, что во втор. полов. XV в. двенадцать "домов", т.е. семей рабов ('абд), принадлежавших нұцалу,³⁾ поссорились со своим хозяином и перебежали к кутишинскому князю Чупану.⁴⁾ Последний поселил "эти дома в этом месте".⁵⁾ Вскоре после этого Чупан, вероятно, умер.

Его наследник Чупанилав, разгневавшись как-то на перебежчи-

ков, решил поговорить с нӯцалом об их дальнейшей судьбе. Чӯпанилав пригласил его встретиться в сел. Кикунь. При встрече нӯцал сказал Чӯпанилаву: "Я продам тебе этих рабов за золотой лук". Чӯпанилав согласился. После того как они стали его собственностью "он [там же] в Кикунье перебил всех их [взрослых мужчин], а женщин выдал замуж за своих рабов и слуг".⁶⁾ Новобрачные попросили у своего господина дать им землю для поселения, где-нибудь в стороне от Кутиша. Чӯпанилав выполнил их просьбу. Произошло это в 905/1499-500 гг.⁷⁾

II. В документе, датированном приблизительно сер. XVI в.⁸⁾ говорится, что один из крупнейших князей Дагестана Улахай-шамхал б. Улахай-шамхал⁹⁾ прекращает тяжбу (да⁶ ва) со своей рабыней ('амат) Нәзук и с ее четырьмя сыновьями на условии уплаты ими двух тысяч таньга.

III. В документе, датированном 961/1553-54 гг.¹⁰⁾ говорится, что 'Айшат, дочь Испәхи, освобождает свою рабыню Марғал. За это, однако, отец Марғал по имени Рамадан должен прослужить ее госпоже в течении шести лет.

IV. В документе, датированном 1657 г., говорится, что некая Бағи-Султан освободила двух своих рабынь - Хадиджат и другую (имя не сохранилось) дочь Захира (?) из сел. Гортл-Коло "за известную сумму [денег]".

V. В документе, датированном приблизительно сер. XVII в.,^{II)} говорится, что княгиня Ай-Меседо, дочь Амйр-Хамза-нӯцала (1044/1634-35 — 1646 гг.), прежнего правителя Аварии, освободила раба Муҳаммада б. Хусайна. При этом, однако, она, взяла у Муҳаммада его движимое (манқул) и недвижимое ('ақар) имущество, а также собранный им урожай (галлат).

VI. Сохранился текст соглашения жителей сел. Цубади, заключенного в 1077/1666-67 гг.¹²⁾ В нем говорится, что: "Если кто-либо из них [цубадинцев] убьет раба ('абд), принадлежащего султанам или эмирам, когда тот [раб] напал на него или на кого-либо другого из [членов] джамаата Цубади, то на каждый дом (байт), в котором зажигают огонь, [будет наложено] по десять 'аббәси в пользу убийцы..." "Если же он [цубадинец] ранит [раба], то с каждого дома [будет собрано] по одному 'аббәси в пользу того, кто нанес рану".

VII. В соглашении жителей сел. Унчукатль, датированном приблизительно этим же временем, говорится, что: "Если кто-либо [из унчукатлинцев] убьет или ранит [кого-либо из] эмиров или их

рабов ('абд), то на [жителей] селения [ложится обязанность] принять на себя ответственность (дам'ан) и [выплату] дийата".

Материал, касающийся рабства в Дагестане в XVI-XVII вв., встречается крайне редко. В этой связи ниже приводятся два недавно обнаруженных документа.

I¹³

① سبب تحرير هذا الكتاب و موجب تسطيره مبنى على ان عائشة بنت ② اسبابي اعنقت امنها المسمائة مرغل بنت زهري على ان ..خدم ③ ابوها المسمى رمضان ستة سنة لعائشة فان مات قبل مضي الاجل ④ ثم جرى بين ابوها وبين سيدها وعد او وثيقة على انه ان مات ابوها قبل مضي ⑤ الاجل المذكور لتعتق البنت وان ماتت البنت على ان ..خدم ⑥ ابوها في اجل المذكور فان ادعى بعد ذلك على رقبتهما فدعواه باطل ⑦ وظلم لبيلا ⑧ ان الله لا يحب الظالمين شهد بما فيه محمد بن حرطم ⑨ وسلي بن بهلون وغيبي بن صنجي والله ورسوله نشاهدان على ⑩ ذلك جرى ذلك في زمان خلافة عندك نوسال ادام الله ⑪ دولته واحبى مقامه في الدارين وهى في سنة احدى اربعين ⑫ وتسعمائة من هجرة من لاني بعد

Перевод:

(1). Причина написания этого документа (китаб) [в следующем]:

'Аишат дочь (2) Испāхī освободила свою рабыню ('амат) Маргал, дочь Захри, [на условии], что (3) ее отец Рамадан²¹ прослужит 'Аишат [в течении] шести лет.

(4) Ее отец и ее госпожа договорились [при этом], что если отец умрет до истечения (5) упомянутого срока, то дочь [останется] свободной, но если дочь умрет, [раньше этого], то ее отец [все равно] будет служить (6) в [течении] упомянутого срока.

Если он после того [смерти дочери] начнет тяжбу с ней [Аишат], то его тяжба (д'ав'а) будет [сочтена] безосновательной (7) и несправедливой. Аллах же не любит несправедливых!

Свидетели: Мухаммад б. Харитум, (8) Сали б. Пахлаван и 'Исā б. Санджар (?)

Свидетели этому Аллах и его пророк.

(9) Произошло это во время правления²² 'Андуник-н'ус'ала, да продлит Аллах (10) его царствование и да возвеличит его в обоих мирах.

Девятьсот шестьдесят первый год (II) от хиджры того, после кого пророка уже не будет.

II²³

①...ريم وبعير من نار حميم ② [ووجدنا] فان بكى سلطان بنت ③ [اور] على قد
اعتقنت امتيها حديجة ④... با زهر الغر تكلي اعناقا صحيجا ⑤...
با بالفاظ صريحة وشن معلوم ⑥... ذات نقض صحیح عند جهم
غفير ⑦... مع كثير من العلماء والرؤساء ⑧ [ومنا] ملا محمد
وبدن على وهنكلو ⑨... وعلى اعوج ⑩... والمتعلمان
⑪... [ومن الرؤساء] عندنيك اخور ⑫... [وعلى بيك كدجي وقركشي
وعلسكي عندي ⑬... [سليطان حسين وعمر بن النفق ⑭... سن
وانتص ومقسط ويبره ⑮... اعامر على واينص و... غيرهم من
⑯... [الرؤساء] وقد جرى هذه العنافة ⑰... [في زمان ولاية دوعري
نوسال ادام الله دولته ⑱... [وكانت] الحروف قاضيه شجبان ⑲
[الجبودي في تاريخ سنة غسطن ⑳ [من الهجرة النبوية والله اعلم ㉑
الشاهدين

Надпись на печати

عبدہ قاضی شجبان العبودی

Оттиск
печати

Перевод:

- (1) [Именем Аллаха-?] ... защищающего от жаркого огня [ада].
(2) [А далее.] Багй - Султāн дочь (3) [Нур-?] 'Али освободила
двух своих рабынь - Хадйджат (4) [дочь ... и ... дочь] Захира
(?) ал-Гурккулй истинным освобождением, (5) [подтвердив это -
?] ясными словами за известную сумму (саман) [денег] (6)... пра-
вильно приняту (қабд саҳих) в присутствии огромной толпы [на-
рода], (7) [а также] большого количества улемов и райсов.
(8) [Из числа улемов]: Маллā - Муҳаммад, Будун-Али (?), Х[анка-
лав - ?]..., (9) ... 'Али Согнутый (?), ... (10)... два учени-
ка... (11) Из [числа] райсов: 'Андунйк - Уғўз, (12) ['Али - ?]
бек Кудачй (?), ⑳ Каракишй, 'Алиски- 'Андий, (13) Султāн - Ху-
сайн, 'Умар б. Ал. н.қ.ч., ㉑ (14) ... Атанас, Мақсут, Мирза.
(15) ... 'Амир - 'Али, Айтaмар и другие (16) [райсы - ?]. Это ос-
вобождение произошло (17) [во время правления] Дўғри - нўсала,
да продлит Аллах его царствование. (18) Писавший эти слова - его
[нусала] кадий Ша'бāн (19) [ал-'Убў]дй. 7.4.1067 года ㉒)
(20) [от хиджры] пророка. Аллах - лучший (21) свидетель.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы:

В XV-XVII вв. в мусульманском Дагестане имелись рабы-мусуль-
мане. 31

Рабами владели феодалы (десятками и, по-видимому, даже сотнями) и, возможно, отдельные свободные общинники — уздени (единицами).

Фикх делит рабов на категории.³² Существование некоторых из них (с большей или меньшей уверенностью) прослеживается в Дагестане — кинн, мукатаб и, возможно, мазун. Нельзя не отметить и существования в Дагестане рабов-гвардейцев, которые входили в дружины феодалов (о них говорится в соглашениях жителей Унчукатля и Цубади). В правовом отношении рабы-гвардейцы были, вероятно, мудаббарами.

В нач. XVII в. дагестанские князья продолжали наделять землей группы рабов (нередко состоящие из десятков человек) и переводить их на занятия сельским хозяйством.³³ Такие рабы рабами являлись только в правовом отношении, фактически же это были крепостные крестьяне.

---

1) О рабстве в Дагестане в XVI—XVII вв. по источникам известным ранее см. М.-С.К.Умаханов, Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке, Махачкала, 1973, с.51.

2) М.Ш.Шигабуудинов, Т.Айтберов, Документы по истории средневекового Дагестана, — "Вопросы истории Дагестана", II, Махачкала, 1975, с.233-239.

3) Речь идет об одном из правителей Аварии. О них см. История Дагестана, т. I, М., 1967, с.182, 251.

4) О беглых рабах см. И.П.Петрушевский, Ислам в Иране в УП-ХУ веках, Л., 1966, с.189.

5) В трех списках документа имеется приписка. В ней указано, что в тексте речь идет о территории, на которой ныне расположено сел. Хахита. [Шигабуудинов, Айтберов, Документы, с.237, 239]. Мы, однако, полагаем, что Чупан поселил этих рабов при себе в Кутина.

6) Об этом см. Петрушевский, Ислам, с.188.

7) На земле, которую Чупанилав выделил новобрачным, они построили селение, впоследствии известное как Хахита.

8) Т.Айтберов, Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв. (в печати).

9) О шамхалах см. История Дагестана, т. I, с.183-184, 247-249.

- 10) О документах от 961/1553-54 и 1657 гг. см. ниже.
- 11) Айтберов, Материалы.
- 12) У1 и УП там же.
- 13) Подлинник хранится у М-С. Саидова. Издание текста выполнено по фотোগрафии. Часть текста (строки 3 и 7) зачеркнута составителем документа.
- 14) Чит. *برغل*.
- 15) Чит. *بروصان*.
- 16) Чит. *ست سنوات*.
- 17) Текст, зачеркнутый составителем документа.
- 18) Чит. *ايها*.
- 19) Чит. *في الاجل المذكور*.
- 20) Текст, зачеркнутый составителем документа.
- 21) Об этом см. Феодальные отношения в Дагестане, XIX - нач. XX в., Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М.Хашаева, М., 1969, с.11-13.
- 22) Буквально "халифства" (халифат).
- 23) Подлинник хранится у М-М.Гайдарбекова. Написан он на листе волокнистой бумаги желтовато-коричневого цвета размером 19,5 x 5,7 см. Текст сильно поврежден. На обратной стороне листа есть два одинаковых сердцевидных оттиска печати размером 2,5 x 2,5 см. Легенда печати: "Раб Его [Аллаха] Кāдй-Шāбāн ал-'убūdй". Оттиски серого цвета. Вероятно, они сделаны закопченной печатью.
- 24) Чит. *نارحمية*.
- 25) Чит. "Гьоркьколи".
- 26) Чит. *على الاعوج*.
- 27) Чит. *هذا العنق*.
- 28) Вероятно, "Кудавчи".
- 29) Возможно, здесь описка и читать следует "Алыпқач".
- 30) 07.IV.1067 г.х. = 03.II.1657 г. н.э.
- 31) О них см. Петрушевский, Ислам, с.186-187, 197.
- 32) Об этом см. там же, с.189.
- 33) Начало этого процесса относится к XIV-XV вв. См. А.Р.Шихсаидов, Дагестан в X-XIV вв, Махачкала, 1975, с.158.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (первая половина XVIII в.)

В XVIII в. социально-экономическое отставание Османской империи от европейских стран начинает выявляться все более отчетливо. Тенденция к превращению Османской империи во второстепенную державу прослеживается и на ее международных торговых связях. Интересно с этой точки зрения рассмотреть торговлю Франции и Англии с Османской империей в XVIII в. (особенно в первой его половине), обращая внимание на выявление общих закономерностей и на изучение малоизвестных фактов.

Основная торговля между Османской империей и европейскими странами проходила через Левант.¹⁾ Значение Леванта стало уменьшаться после освоения морского пути вокруг Африки, а примерно с середины XVII в. серьезным конкурентом левантйской торговли становилась торговля Европы с американскими колониями. Тем не менее, Левант продолжал оставаться важным рынком для Европы и основным для Османской империи.

Французская торговля с Левантом велась в небольших размерах до последней четверти XVII в., а ее баланс был бы резко отрицательным, если бы французские купцы (как и купцы других стран) не ввозили в Османскую империю серебряную монету. Покупательная способность серебра в Османской империи была выше, чем в Европе. Это позволяло купцам выгодно покупать местные товары.

В 1673 г. Франция добилась возобновления капитуляций и снижения таможенных пошлин с 5% стоимости товаров до 3%, как платили англичане и голландцы. Торговля Франции в Левантом, благодаря меркантилистским мерам французского правительства и ее успешному промышленному развитию, получила новое развитие. Была организована торговая компания для операций на Леванте (1670 г.). В первой половине XVIII в. французская торговля успешно развивалась и вышла на первое место, оставив позади английскую. Основным предметом французского экспорта были ткани. Ежегодный экспорт тканей значительно увеличился уже в первые два десятилетия XVIII в. с 10 тыс. штук тканей в 1700-1705 гг. (в среднем) до 30 тыс. штук в 1713-1720 гг.²⁾ Кроме того, в Османскую империю (через Исфахан) завозились головные уборы (в Марселе существовала мануфактура по изготовлению фесок), бумага, олово, кошениль,

винный камень, индиго из Санто-Доминго и Гватемалы, различные специи, кофе и сахар — тоже из колоний.³⁾ Во французском импорте из Леванта важное место занимали продовольственные товары: пшеница и растительное масло. Вывоз продовольствия из Леванта наносил ущерб снабжению Стамбула и других городов и поэтому на него был наложен запрет, который, однако, не соблюдался. В ХУШ в. у Франции появилась возможность снабжать свои провинции зерном из американских колоний. Характерно, что, если в первой трети века импорт зерна из Леванта был гораздо выше американского, то к концу века привоз из-за океана начал преобладать, несмотря на отдаленность колоний.⁴⁾

Импорт непродовольственных товаров из Леванта увеличился, в основном, за счет хлопка (в 1700-гг. — на 1,5 млн. ливров, 1750—4 гг. — 5,7 и 1785—9 гг. — 12,8 млн. ливров) — сырья для развитой мануфактурной промышленности Франции. Увеличился также вывоз текстильных изделий (1700—2 гг. — на 0,385 млн. ливров, 1750—4 гг. — 1,7 и 1785—9 гг. — 2,4). Если в начале столетия Франция импортировала из Леванта много шелка, то затем вывоз снизился (в 1700—2 гг. — на 2,4 млн. ливров, в 1750—4 гг. — 2,1 и в 1785—9 гг. — 1,6).⁵⁾ Рост импорта других товаров (мохеровой пряжи, верблюжьей шерсти, шафрана) сохранялся в первой половине века, но впоследствии снизился или продолжал увеличиваться незначительно.

Таким образом, наиболее успешно развивавшаяся французская торговля с Османской империей на протяжении ХУШ в., увеличилась (хотя, в основном за счет хлопка). Несмотря на это, доля Османской империи в общем объеме внешней торговли Франции значительно сократилась: если в ХУІ в. на Левант приходилось около половины всей внешней торговли Франции, то к 1780 г. его доля составляла 5%. В то же время для Османской империи торговля с Францией в конце ХУШ в. (перед французской революцией) составляла 50—60% объема ее внешней торговли.⁶⁾

Торговля Англии с Османской империей осуществлялась созданной в 1583 г. Левантской торговой компанией. Основным предметом экспорта в Османскую империю были ткани. Период 1660—1718 гг. — наиболее успешный в деятельности Левантской компании. Кроме тканей английские купцы привозили олово, свинец, изделия из стекла и стали (ножевой товар), часы и т.д.

В английском импорте монопольное положение занимал шелк-сырец: в 1730 г. его вывоз составлял около четырех пятых от об-

щего импорта из Леванта. Примерно до 1722 г. основные английские закупки приходились на персидский шелк, который из Гиляна везли через Эрзерум или Керманшах и Багдад в Алеппо (главный шелковый рынок на Леванте) и в Измир. После развала державы Сефевидов и начала ирано-турецкой войны 1723-1727 гг. торговля с Гиляном была прервана, но английские закупки шелка на Леванте сократились незначительно: в больших количествах стал закупаться шелк, произведенный в Сирии, а также в Анатолии (в долинах вокруг Бурсы и Токата) и на Кипре. После стабилизации положения в Иране, персидский шелк не смог восстановить свое прежнее положение: английский рынок переориентировался на шелк из Сирии, а затем - на импорт из Италии, Индии и Китая. Вывоз шелка из Леванта к середине XVIII в. уменьшился по сравнению с началом века более чем в два раза.

Другой важнейший предмет английского импорта из Леванта - хлопок - в первой половине XVIII в. составлял от четверти до трети всего ввозимого в Англию, но импорт его постепенно снижался, поскольку английская промышленность потребляла все больше хлопка из британской Вест-Индии.⁷⁾ До 20-х годов XVIII в. английские купцы покупали в больших количествах мохеровую пряжу, но к середине столетия спрос на нее упал. Закупки чернильного орешка - крупные в XVIII в. - сократились в начале XVIII в. до незначительных размеров. В Англию ввозились в небольших количествах верблюжья шерсть, красители, лекарственные вещества, сушеные фрукты, ткани, ковры и проч.

Следовательно, английская торговля с Левантом в первой половине XVIII в. сократилась не только относительно (учитывая общий рост внешней торговли Англии), но и абсолютно.⁸⁾ К 1770 г. в общем объеме английской внешней торговли Левант занимал не более одного процента,⁹⁾ в то время как для Османской империи это составляло 20-30% ее внешнеторгового обмена.

На примере двух самых крупных торговых партнеров Османской империи мы убеждаемся, что плодородные и густонаселенные османские провинции все менее участвовали в мировом торговом обороте. Отставание Османской империи от быстро развивающихся стран Европы приводило к тому, что каждое новое явление в мировой экономике - в данном случае увеличение масштабов торговли, включение в мировой торговый оборот новых обширных регионов - она встречала неподготовленной, ее застойная экономика не могла успешно приспособляться к новым условиям. Собственная внешняя

торговля империи была развита совершенно недостаточно: ею занимались немногие купцы из нетурецких общин. В то время как в европейских странах перешли к политике меркантилизма, к поощрению промышленности и активному протекционизму, османские правящие деятели оставались сторонниками денежного баланса, не поощряли экспорта, стремились увеличить поток готовых изделий из-за границы.

---

1) Под Левантом подразумевались прибрежные районы Восточного Средиземноморья от Греции до Египта.

2) P.Masson, *Histoire du commerce francais dans le Levant au XVIII siècle*, Paris, 1911, p.476-477.

3) *Dictionnaire universel de Commerce*, Copenhague, 1765, t.5, p.977.

4) Ch. Carrière, *Négociants marseillais au XVIIIe siècle*, Marseille, 1973, t.1, p.58.

5) R.Davis, *English Imports from the Middle East, 1580-1780*, в сб.: *Studies in the Economic History of the Middle East*, ed. M.A.Cook, London, 1970, p.204.

6) Ch.Issawi, *The Ottoman Empire in the European Economy 1600-1914*, в сб.: *The Ottoman State and its Place in World History*, ed. Kemal H. Karpat, Leiden, 1974, p.114.

7) A.P.Wadsworth, J.de L.Mann, *The Cotton Trade and Industrial Lancashire 1600-1780*, Manchester, 1931, p.185, 520-521.

8) A.C.Wood, *A History of the Levant Company*, Oxford, 1935, p.120, 140.

9) R.Davis, *op.cit.*, p.205.

А.М.Голдобин

ТАЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВАФДИСТОВ

Существует прочно установившееся мнение, что партия Вафд с момента своего основания придерживалась исключительно легальных методов борьбы. В известном "мандате" ("таукила") Вафда, принятом в ноябре 1918 г., говорилось о полномочии добиваться полной независимости Египта "всеми мирными и законными средствами". Партия всегда подчеркивала свою верность этому принципу и отгораживалась от актов прямого революционного насилия. Считалось, что вождь Вафда, Са'д Заглуль, был сторонником только ненасиль-

ственных действий и применял тактику, в общем, аналогичную тактике Ганди.

Однако документы, опубликованные через 45 лет после создания Вафда, в 1963 г.,¹⁾ показали, что реальная действительность была гораздо более сложной. Выступая сам совершенно открыто, полностью на виду у колониальных и султанских властей, Заглюль в то же время не отказывался и от подпольной борьбы. Наряду с партией, работавшей не скрываясь, существовала также в 1919-1924 гг. тайная организация вафдистов. Пока многое в ее истории остается еще неясным и можно дать лишь предварительный очерк ее деятельности.

Тайная организация была создана лично Заглюлем в начале 1919 г. в условиях большой конспирации. Во главе этой организации он поставил своего молодого сторонника, 'Абд ар-Рахмана Фахми. Организация следила за деятельностью британских властей и египетских чиновников, доставала оружие, осуществляла карательные меры в отношении предателей. С самого начала тайная организация была совершенно отделена от легального Вафда, целиком подчинялась Фахми, который сам подчинялся только Заглюлю. Связь между ними осуществлялась путем строго секретной регулярной переписки.

Во время восстания в марте-апреле 1919 г. тайная организация, судя по всему, еще не развернула активной деятельности. Можно отметить, что один из ее членов Шафик Мансур, энергично работал в созданном революционной учащейся молодежью Исполнительном Комитете студентов (Лагна ат-талаба ат-танфизийя). Не исключено, что и к тайной организации относятся слова 'Аббаса Махмуда аль-Аккада: "В это время у Вафда не было комитетов, о которых можно было бы сказать, что они согласованно действовали по осуществлению намеченного плана во всех провинциях".²⁾

В апреле 1919 г., после освобождения Заглюля, выезда в Париж руководителей Вафда и формирования в Каире нового состава центрального комитета его генеральным секретарем стал 'Абд ар-Рахман Фахми. Таким образом, возникло очень оригинальное положение: Фахми тайно руководил подпольной организацией и открыто вел все дела Вафда (председатель центрального комитета, Махмуд Сулайман, играл значительно меньшую роль). С Заглюлем, который до апреля 1921 г. находился в Европе, Фахми переписывался в этих своих обоих качествах. Эта причина также усложняет точное определение деятельности тайной организации.

Несомненно, что летом и осенью 1919 г. секретный филиал заметно укрепился. Его работа была тесно связана с общей организационной и агитационной деятельностью Вафда в этот период, в частности, с созданием летом 1919 г. вафдистских профсоюзов. Шла также интенсивная работа по распространению контроля Вафда над печатью. 5 сентября 1919 г. Абд ар-Рахман Фахми писал Заглюлю, что почти все газеты в Египте занимают провафдистские позиции.³⁾

Тайная организация не была раскрыта англичанами, но деятельность Фахми все более вызывала их беспокойство. В ноябре 1919 г. он был взят под полицейский надзор. Однако это не повлияло на его кипучую деятельность. Он продолжал укреплять вафдистскую организацию - в значительной степени используя неlegalный филиал и подпольные каналы связи. 17 марта 1920 г. Фахми сообщил Заглюлю, что центральный комитет может передать свои приказы и инструкции в любую часть Египта за 24 часа.⁴⁾

В мае 1920 г. Фахми был арестован. Английские военные власти объявили, что он связан с раскрытой ими подпольной террористической организацией, которая называлась "Общество возмездия" ("джамат аль-интикам"). Кроме Фахми были арестованы 27 человек.

Это дело разбирал английский военный суд, заседавший с 20 июля по 6 октября 1920 г. Суд признал наличие "Общества возмездия", которое ставило своей целью свержение существующего строя и террористические действия. По приговору, вынесенному 6 октября 1920 г., 25 человек были осуждены, трое - оправданы. Абд ар-Рахман Фахми, Али Хиндави, Мухаммад Лутфи аль-Муслими и еще трое обвиняемых были приговорены к смертной казни, остальные подсудимые - к различным срокам тюремного заключения.

До сих пор не вполне ясно, в какой мере "Общество возмездия" было связано с тайным филиалом Вафда или (возможно) совпало с одной из его организаций. Англичанам, во всяком случае, эту связь раскрыть не удалось, а Фахми предъявленных ему обвинений не признал.

Приговор был представлен на утверждение верховного комиссара Аленби. В феврале 1921 г. он заменил смертную казнь 15 годами каторжных работ. Фахми провел в заключении около четырех лет; в феврале 1924 г., когда Заглюль стал премьером, он был освобожден.

После ареста Фахми новым руководителем тайной организации вафдистов стал Шафик Мансур. Он возглавлял ее до конца ее существования.

С этого момента начинается, во-первых, все больший переход организации к террористической деятельности и, во-вторых, неуклонный отрыв ее от руководства Вафда и лично от Заглюля. К сожалению, имеющиеся документы очень мало говорят об участии секретного филиала Вафда в актах террора.

Террористическая кампания велась в Египте непрерывно все годы после восстания 1919 г. Покушениям подверглись почти все премьер-министры: Мухаммад Саид, Юсуф Вахба, Тауфик Насим и сам Са'д Заглюль. Покушались также на египетских министров и высших чиновников. С 1922 г. участились террористические акты против английских чиновников и военнослужащих.

Например, в феврале 1922 г. были убиты рядовой Кершо, инженер Джордан, генеральный контролер департамента просвещения Браун; в мае 1922 г. был убит инспектор каирской полиции Кэйв; в июле 1922 г. был тяжело ранен полковник Пиготт; в декабре 1922 г. был убит профессор юридической школы Робсон; в апреле 1924 г. был убит капрал Райан.

Всего на англичан было произведено в 1919-1924 гг., минимум, тридцать покушений (19 против военнослужащих, 11 против гражданских служащих).

В общей сложности, было более 60 жертв террористических актов (англичан и египтян).⁵⁾

Удивляться этому методу борьбы не приходится. Жесткие расправы колонизаторов рождали жажду немедленных ответных действий. Однако в конкретных египетских условиях и, особенно, после прихода к власти вафдистского правительства Заглюля (в январе 1924 г.) террористическая тактика не была правильной.

Труднее определить, какие именно террористические действия провела тайная вафдистская организация. Кроме вафдистов действовало немало мелких групп, состоявших из националистической молодежи, которая считала индивидуальный террор лучшим средством борьбы с ненавистными угнетателями, так как была недовольна слишком "медленными" и "неэффективными" средствами борьбы, применяемыми Заглюлем и другими национальными вождями. В терроре участвовали и ватанисты. Именно член ватанистской партии,⁶⁾ студент Абд аль-Халик поднял руку на Заглюля, решив, что тот "капитулирует" перед Англией.

Как было сказано выше, боевая организация Вафда все более отрывалась от партии, превращалась в замкнутую неконтролируемую группу. Кстати сказать, Абд ар-Рахман Фахми не вернулся в нее

после освобождения, а был направлен на работу в профсоюзы, в созданное Вафдом "Всеобщее объединение египетских рабочих". Именно в условиях самоизоляции от партийного руководства тайная организация пошла на свою наиболее шумевшую акцию, которая объективно дала англичанам долгожданный предлог для удара по египетскому национально-освободительному движению и свержения правительства Заглюля — был убит сирдар (главнокомандующий) египетской армией и генерал-губернатор Судана генерал сэр Ли Оливер Стэк паша.⁷⁾

19 ноября 1924 г. Ли Стэк был смертельно ранен в Каире группой террористов, обстрелявших его автомобиль из револьверов (была также брошена бомба, но она не взорвалась). Затем покушавшиеся сели в поджидавшую их автомашину и уехали. Кроме сирдара были ранены его адъютант, шофер и стоявший на улице полицейский, который пытался преследовать террористов. Через день, 21 ноября Ли Стэк умер.

Несомненно, что Ли Стэк давно вызывал ненависть египетских патриотов, которая особенно усилилась после того, как он в 1924 г. расправился с суданским восстанием. "Защищать" Стэка нет никаких оснований,⁸⁾ и субъективно членов подпольной боевой организации можно понять. Исследователь истории Вафда, индийский ученый Курайши считает, что "провафдистское секретное общество осуществило план, не советуясь с вафдистскими лидерами, но исходя из чистосердечной преданности национальному делу и не предвидя последствий".⁹⁾

А последствия были самыми трагическими. Убийство Стэка произошло в кризисный момент национально-освободительного движения, при отсутствии революционной ситуации. Оно объективно сыграло наруку британскому империализму.

Узнав о покушении на сирдара, Заглюль сказал, сразу поняв возможные последствия: "Это, прежде всего, направлено против меня и моего правительства".¹⁰⁾ 19 ноября Заглюль опубликовал заявление: "К величайшему сожалению, произошло покушение на генерал-губернатора Судана, сирдара египетской армии... Мы призываем всех, у кого имеются какие-либо сведения относительно покушения, сообщить их немедленно полиции".¹¹⁾ 20 ноября в обращении к египетскому народу Заглюль призывал помочь обнаружить виновных: "Пусть знает каждый, что эта помощь — дело на благо родины".¹²⁾

Хотя было очевидно, что вафдистский премьер не имел никакого отношения к убийству сирдара и мог от него только проиграть,

английские власти (прежде всего - Аленби) решили возложить ответственность на правительство Заглуля. Они торопились использовать случай, еще, в общем, ничего не зная о том, кто виновен в покушении.

22 ноября 1924 г. Аленби предъявил Заглулю ультиматум.

24 ноября вафдистский кабинет ушел в отставку. Начался период реакции.

Есть мнение, что террористов использовала - без того, чтобы они это поняли - королевская клика, желавшая таким путем дискредитировать вафдистское правительство и добиться его свержения.¹³⁾ Если это соответствует действительности, то политический просчет подпольной организации был еще больше. Имя ближайшего советника короля Фуада, Нашата паши фигурировало впоследствии в связи с расследованием убийства, что явилось формальной причиной его отстранения от поста начальника королевской канцелярии в декабре 1925 г.¹⁴⁾

Розыск по делу об убийстве Стэка продолжался шесть месяцев. С помощью бывшего террориста Нагиба Хильбави, ставшего полицейским агентом, группа, организовавшая покушение, была раскрыта и арестована.¹⁵⁾ 11 мая 1925 г. начался суд: обвиняемых было девять человек, среди них Шафик Мансур, руководитель секретной организации Вафда. Процесс окончился в июне 1925 г. Семь обвиняемых¹⁶⁾ были приговорены к смертной казни (их, в том числе Шафика Мансура, казнили в августе 1925 г.), двое - к тюремному заключению.

Видимо, таков и был конец тайной организации Вафда. Больше это вышедшее из-под контроля и потерявшее дисциплину обводо-острое оружие не применялось вафдистской партией.

---

1) В монографии египетского историка Мухаммада Аниса: Мухаммад Анис, Дирасат фи васайик саурат санат 1919, Каир, 1963. и статьях египетского журналиста Мустафы Амина, опубликованных в августе-октябре 1963 г. в каирской газете "аль-Ахбар".

2) Аббас Махмуд ал-Аккад, Са'д Заглул, сира ва тахийа, Каир 1936, с.230. Однако в этой монографии нет никаких сведений о тайной организации.

3) Анис, цит.соч., т.1, с.141-144.

4) Там же, соч., т.1, с.199-205.

5) P.G.Elgood, The Transit of Egypt, London, 1928, p.295.

6) E.Klingmüller, *Geschichte der Wafd-Partei im Rahmen der gesamt-politischen Lage Aegyptens*, Berlin, 1937, S.71;
G.A.Lloyd. *Egypt Since Cromer*. London, 1934, vol.II, p.92.

7) Убийство Стэка пришлось так кстати для английских колонизаторов, что вызвало подозрения. Высказывалось предположение, что англичане сами его подстроили. Впервые об этом подробно писала французская журналистка Голи - B.G.Gaulis, *Le nationalisme égyptien, Nancy-Paris, 1928*. В советской литературе эта версия подерживается в статье - К.Петров, *Англо-египетский конфликт 1924 г. (Очерк по истории методов дипломатии колониализма)*. - *Арабские страны. История*. М. 1963, с.38-91. Судя по всему, эту версию следует оставить.

8) Так как Голи, в соответствии со своей схемой событий, рассматривает Ли Стэка в качестве жертвы самого английского правительства, то она изображает этого яркого колонизатора в качестве невинного агнца: "Европейцы сожалели об этом дружелюбном и обаятельном человеке, любимом всеми, пользовавшимся общим уважением... Его честность была безупречной. Он не имел врагов. Судан, несмотря на открытое восстание против британского господства, уважал сирдара и доказал ему это. Среди высших английских должностных лиц никто не казался менее предназначенным для такого трагического конца". - *Caulis, op.cit.*, p.30, 33. Это дает хорошее представление об "аргументации" Голи.

9) Z.M.Quraishi, *Liberal Nationalism in Egypt, Rise and Fall of the Wafd Party, Delhi, 1967*, p.95-96.

10) ал-Аккад, *цит.соч.*, с.459.

11) Асар аз-за'им Са'д Заглул, *ахд визарат аш-ша'б*, Каир, 1927, с.392.

12) Асар аз-за'им Са'д Заглул, с.393.

13) 'Абд ар-Рахман ар-Рафи'и, *Фи а'каб ас-саура ал-мисрийа*, ч.1, Каир, 1959, с.193-194.

14) Там же, с.249.

15) Lloyd, *op.cit.*, vol.II, p.106-107; A.P.Wavell, *Allenby in Egypt*, London, 1943, p.120-121.

16) Один из них заявил, что принял участие в 30 террористических актах против англичан. Он сказал: "И в дальнейшем египетские революционеры будут всеми средствами вести борьбу против английских захватчиков". А.Шами, *Египет*. М. 1931, с. 42.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИБН ХАЛДУНА

Характеризуя объективные условия жизни людей, Ибн Халдун в "Мукаддима" подробно останавливается на значении для истории общества географической среды. Большое место в труде уделено описанию, в духе географических представлений того времени, разнообразных естественных условий в различных частях обитаемой суши. Необходимо отметить, что в этой части своей книги Ибн Халдун, как он сам отмечает, в значительной степени зависит от географических трудов Птолемея и ал-Идриси, обобщивших географические знания античности и средневекового Востока. Ибн Халдун излагает общепринятые в античной и арабской географии теории о шарообразности Земли, о расположении суши и мирового океана, об обитаемой и необитаемой частях суши. Подробно излагается теория "семи климатов", на которые делится обитаемая часть суши.¹⁾ Один "климат" отличается от другого различной длиной дня и ночи, а также склонением солнца к экватору. Опираясь на труды ал-Идриси, ал-Мас'уди и других географов, Ибн Халдун дает описание каждого климата.

Но основное внимание Ибн Халдун сосредоточивает на проблеме взаимосвязи между природными условиями "климата" и характерными чертами жизни людей, заселяющих страны, расположенные в данном "климате". Постановка вопроса свидетельствует об известном влиянии на Ибн Халдуна положений античной наивно-материалистической климатической этнологии, отраженных в труде Птолемея.²⁾ В то же время, как мы увидим, Ибн Халдун пошел значительно дальше античных мыслителей по пути материалистического понимания отмеченной взаимосвязи.

Согласно взглядам Ибн Халдуна, наиболее существенными естественными факторами, воздействующими на физические и психические качества людей, являются температурные и атмосферные условия. Различия в орографических условиях не столь существенны, а что касается растительной и животной жизни, качества почв и наличия полезных ископаемых, то они также зависят от температуры и влажности воздуха.³⁾

"Климаты" в понимании Ибн Халдуна - это географические зоны с единообразными в известных пределах температурными и атмосферными условиями. Эти условия нарушаются в пределах одного

"климата" лишь большей или меньшей континентальностью каждой области, Так, хотя Йемен и Хиджаз расположены в первом и втором климатах, температурные и атмосферные условия там значительно смягчены близостью моря.⁴⁾ Вообще же, первый и второй "климаты" характеризуются как "чрезмерно жаркие", вследствие отсесного падения солнечных лучей, а шестой и седьмой "климаты" - как "чрезмерно холодные", вследствие значительного рассеяния солнечных лучей. Наиболее "умеренным" является четвертый "климат", а третий и пятый - "близки к умеренности".⁵⁾

На людей температурные и атмосферные условия оказывают, по мнению Ибн Халдуна, тройное воздействие: во-первых, они определяют некоторые особенности их физического сложения. Во-вторых, они влияют на характер и темперамент целых племен и народов. В третьих, стимулируют или ослабляют стремление людей к труду, их упорство в добывании средств пропитания, т.е. воздействуют на историческое развитие общества.

В вопросе о влиянии климата на внешний облик и особенности характера народов Ибн Халдун вступает в резкую полемику с традиционными воззрениями мусульманских знатоков генеалогий, которые объясняли эти различия происхождением народов от разных сыновей Ноя. Ибн Халдун указывает, что физический облик людей, так же как и психические качества и обычаи целых народов, невозможно сводить к одному источнику - общему происхождению. Так, чернота жителей юга и белизна жителей севера вместе с другими чертами их физического облика зависит от температуры воздуха: "Некоторые знатоки родословий, не обладающие знанием о природных качествах сущего, полагают, что негры - это потомки Хама, сына Ноя, отличаются черным цветом кожи потому, что их предка проклял его отец... В этом рассуждении о причине черноты Хама - пренебрежение к природе жары и холода, и их влиянию на воздух и на те живые существа, которые живут в данном климате. Цвет этот - общий для населения первого и второго климатов из-за того, что на их воздух влияет жара, усиливающаяся к югу. Ведь солнце встает прямо над их головами два раза в год через короткий промежуток времени и стоит в зените все время года. Солнечный свет поэтому очень силен, зной воздействует на них, и из-за обилия жары кожа их становится черной.

В климатах же, находящихся напротив них, на севере, общей для жителей является белизна из-за того, что на их воздух влияет холод, усиливающийся к северу. Солнце на их небосклоне имеет вид

кружка размером приблизительно с человеческий глаз и не поднимается в зенит или близко к нему; чем дальше на север — жары меньше, усиливается холод во все времена года, а цвет кожи их жителей становится белым...

Мы видим, что цвет потомков негров южного происхождения, но живущих в четвертом, умеренном, и седьмом, крайнем на севере, климатах, постепенно белеет. Наоборот, цвет потомков жителей севера или четвертого климата, переселившихся на юг, чернеет. Это доказывает, что цвет является следствием состояния воздуха".

Точно также особенности характера жителей юга и севера объясняются непосредственным воздействием климата: "Мы видели, что в характере негров вообще преобладают легкомыслие, ветренность и экспансивность. Они любят плясать, как только слышат мелодии.

А истинная причина этого состоит в том, что природой радости и веселья, как утверждают философы, является расширение и распространение животного духа, а природой печали, наоборот — сжатие и сгущение его... Например, наслаждающиеся баней, когда они дышат горячим воздухом, то соединяется жара воздуха с их духом, он разгорячается и расширяется, и приходит благодаря этому радость. Многие начинают даже петь от радости. Из-за того, что негры живут в жарком климате, дух их по сравнению с духом жителей четвертого климата (подвержен) воздействию более сильной жары, больше расширяется и поэтому быстрее поддается радости и веселью, и приходит легкомыслие по следам этого...

Пытался ал-Мас'уди исследовать причину легкомыслия, ветренности и экспансивности негров, но не привел никаких обоснований, кроме предположения Галена и Йакуба ибн Исхака ал-Кинди о слабости их головного мозга и вследствие этого слабости их разума. И в этих словах нет приобретения и нет доказательства".⁶⁾

Некоторые различия в психике людей существуют в разных областях одного и того же "климата". Ибн Халдун доказывает это сравнением характеров жителей Египта и Феса: воздух приморских областей содержит много жары, пишет Ибн Халдун, поэтому жителям Египта свойственны веселье, легкомыслие и пренебрежение к опасностям вплоть до того, что они не запасают пищу ни на год, ни на месяц, и все, что они едят, покупают каждый день на рынке. Наоборот, жители Феса, расположенного среди холодных холмов Магриба, всегда ждут невзгод и опасностей, и каждый из них запасает зерно на годы и ходит по утрам на рынок покупать пищу на день,

боясь, чтобы не истратить ничего из запасов"⁷⁾

Ибн Халдуи полагал, что известное влияние на физические и психические качества людей оказывает питание. Однако, он не делал каких-либо исторических обобщений из своих наблюдений над физиологическим воздействием разных видов питания. Ибн Халдуи отмечал, что жители пустыни, которые едят очень умеренно и почти исключительно молочные продукты, а хлеба и мяса потребляют в небольших количествах, отличаются лучшим здоровьем и физическим сложением, большей выносливостью и более острым умом, чем жители городов, обильно потребляющие мучную и мясную пищу. "Знай, что в этих умеренных климатах почва не везде плодородна и не все их жители ведут богатую жизнь. Есть много таких областей, население которых имеет в избытке хлеб, пряности, пшеницу и фрукты, потому что растительность в них обильна, почва хороша и население многочисленно. Но имеются и такие области, в которых земля не плодородна и не дает взойти ни одному семени и произрасти ни одному корню, и жители их ведут поэтому суровую жизнь; таково, например, население Хиджаза и Йемена, а также "санхаджа под покрывалом", живущие в Магрибской пустыне и на границе песков, которые находятся между областями берберов и суданцев. Так как у них совершенно нет зерна и пряностей, их пищу составляют одно лишь молоко и мясо. Так же живут арабы, кочующие в пустыне. Мы видим, что эти люди, лишенные хлеба и пряностей, имеют лучшее телосложение и лучшие душевные качества, чем жители Телля, которые живут богато: цвет их кожи чище, тело их здоровее, они более красивы, нрав у них ровный, а ум более проникателен, они более способны к познанию и восприятию... Причина этого в том, что обилие пищи и ее влажность порождает в теле вредные остатки и испорченные смеси. Отсюда нечистый цвет кожи и несоразмерность частей тела из-за обилия мяса, как мы уже сказали; влажность пищи затемняет разум и мысль в силу того, что к мозгу поднимаются вредные пары - и появляются тупоумие, беспечность и неуравновешенность. То же самое можно увидеть, если сравнить животных пустыни и бесплодных мест - газель, антилопу, страуса, дикого осла, диких корову и быка - с подобными животными в плодородных долинах. Ты найдешь между ними большие различия в чистоте их кожи и красоте их вида, соразмерности частей тела и остроте их восприятий. А ведь газель - это сестра козы, а осел и корова с быком - это те же самые животные (что и домашние). Различие между ними очевидно. Все это объясняется только тем, что обилие пищи в плодородных доли-

нах порождает в их телах вредные остатки и испорченные смеси, следы которых ясно видны"⁸⁾

Говоря о влиянии географических условий на развитие общества, Ибн Халдун делит всю населенную часть земли на две зоны - зону крайних неумеренных климатов и зону умеренных климатов. В зоне неумеренных "климатов" воздействие географической среды чрезвычайно сильно: вследствие "крайностей" климата - угнетающего воздействия жары или холода, чрезмерно легкого или чрезмерно трудного добывания средств к жизни - общественная жизнь там находится на очень низком уровне, существование людей близко к существованию животных: "Что же касается неумеренных климатов - первого и второго, шестого и седьмого, то жители их во всех своих делах не похожи на жителей умеренных климатов. Постройки их - из глины и тростника, едят они траву и зерна, одежда их - из листьев деревьев (которыми они покрываются) или шкур животных. А многие из них совсем без одежды. Пища и приправы к ней в их странах необычны и не похожи на пищу людей умеренных климатов. Обмен они совершают не при помощи драгоценных металлов, а с помощью меди, железа или шкур, которые служат им мерой при обмене.

Их нравы близки к норову бессловесных животных; так, передают о многих неграх, населении первого климата, что они живут в чащах и пещерах, питаются травой, что они дикие, не общаются друг с другом и едят друг друга ... Вера им неизвестна, науки у них нет, и ведут они образ жизни скорее животных, чем людей..."⁹⁾ Так как "крайности" климата там постоянное явление, а полуживотное состояние людей происходит из этих "крайностей", Ибн Халдун, говоря о законах общественной жизни, свойственных человеческому обществу, вовсе не принимает в расчет население зоны "неумеренных климатов". Климат умеренных поясов не оказывает угнетающего влияния на людей, не создает чрезмерных препятствий для добывания средств к существованию и тем самым не мешает законам общественной жизни проявить себя в полной силе. Создается обстановка, при которой законы исторического бытия не находятся под всеобъемлющим контролем естественных условий. Влияние естественных условий приобретает не главный, не решающий характер: "Между востоком и западом умеренной зоны нет такой большой разницы, которая говорила бы о разном душевном складе их населения. Это относится только к "неумеренным" климатам, например, первому и седьмому, в которых "неумеренность" температуры создает "крайности" в человеческой психике, как об этом говорилось раньше. Что же касается

того превосходства, которое имеют жители востока умеренной зоны перед жителями запада, то причиной его является благотворное влияние на умы людей городской цивилизации, как об этом упоминалось, когда шла речь о ремеслах..."¹⁰⁾

Говоря о влиянии естественных условий умеренной зоны на общественную жизнь, необходимо отметить, что Ибн Халдун создал концепцию исторического развития общества. Поэтому вопрос о влиянии климата на общественную жизнь у Ибн Халдуна поставлен как вопрос о влиянии климата на историческое развитие общественной жизни. Если в зоне крайних климатов влияние естественных условий носит определяющий характер, остановивший там развитие общества на очень низкой ступени, то в зоне умеренных климатов имеются все условия для достижения обществом высоких ступеней развития благодаря высокому уровню материальной жизни: "Жители умеренных климатов строят дома на каменных фундаментах, искусно украшенные, и весьма широко используют орудия и приспособления. У них есть руды: золота, серебра, железа, меди, свинца, олова. При обмене они употребляют два драгоценных металла (золото и серебро) и избегают неумеренности во всех обстоятельствах своей жизни. Таково население Магриба, Сирии, обоих Ираков, Сида и Китая. Сюда же относятся Андалусия и живущие вблизи от нее франки и галисийцы, а также все, кто живет с этими народами или поблизости от них в указанных умеренных климатах. Наиболее умеренными являются Сирия и Ирак, так как они находятся в центре".¹¹⁾

В разных частях умеренной зоны для различных форм производства, более передовых или более отсталых, существуют более или менее благоприятные естественные условия. Эти естественные условия оказывают сдерживающее или стимулирующее влияние на развитие общественной жизни. Так, благодаря исключительно благоприятным условиям, Египет, Ирак, Сирия достигли значительно более высокого уровня общественной жизни, чем страны сурового Магриба, в котором развитие совершается в замедленном темпе. Но на характер и направление исторического развития, на законы общественной жизни, как это ярко показал Ибн Халдун, естественные условия не оказывают решающего влияния.

Естественные условия каждой страны благоприятствуют или не благоприятствуют тому или иному виду трудовой деятельности - в этом сказывается их влияние на общественную жизнь. Но тем не менее у народов, населяющих данную страну умеренной зоны, в начале их жизни существуют одни, более примитивные способы обеспе-

чивать себе средства к существованию, а со временем появляются другие, более современные виды трудовой деятельности, возникающие не вследствие естественных условий, а под влиянием законов общественной жизни.

Таковы основные положения Ибн Халдуна о воздействии естественно-географических условий на развитие человеческого общества.

---

1) Теория "климатов" исследована в работах И.Д.Крачковского, Арабские географы и путешественники - Изв.ВГО, № 5, 1937, с.743 и Э.Хонигмана (E.Honigmann, Die sieben Klimaten und die Poleis Erisimoi, Eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie in Altertum und Mittelalter, Heidelberg, 1929). Хонигман подробно освещает вопрос о зависимости арабской географии, в частности, ал-Идриси, от Птолемея (ук.соч. 125, 165). Ср. также Н.Мзик, Ptolemäus und die Karten der arabischen Geographen, Wien, 1915, S.16-19.

2) Обзор этнологических представлений античных авторов дан в труде Дж.О.Томпсона, История античной географии. Перевод с английского, М., 1953, с.161-167.

3) По традиционным представлениям арабской науки, минералы и руды являются частью органического мира, см. Ибн Халдун, Мукаддима, изд. М.Катрмера, I, с.174 (далее - Ибн Халдун).

4) Ибн Халдун, I, с.151.

5) Ибн Халдун, I, с.149.

6) Ибн Халдун, I, 155-157.

7) Ибн Халдун, I, 156.

8) Ибн Халдун, I, 157-162.

9) Ибн Халдун, I, 149-151.

10) Ибн Халдун, II, 381.

11) Ибн Халдун, I, 149.

12) Ибн Халдун, I, 158.

С.М.Прозоров

КЛАССИФИКАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ СЕКТ ПО "АТ-ТАБСИР ФИ-Д-ДИН"
АБУ-Л-МУЗАФФАРА АЛ-ИСФАРАИНИ (ум. в 471/1078 г)

Учения многочисленных мусульманских сект представляют богатый материал для исследования ислама как идеологической системы. Значение этого материала определяется тремя факторами:

а) учения мусульманских сектантов дают возможность проследить связь между многообразием форм идеологии и жизнью конкретных социальных групп; б) учения мусульманских сектантов позволяют точнее определить истоки идейных влияний в исламе, формирование идеологии которого проходило в условиях одновременного бытования и взаимопроникновения различных представлений и верований народов халифата; в) учения "еретиков" указывают на наиболее уязвимые положения ортодоксального ислама.

Мусульманская ересиографическая традиция восходит к приписываемому пророку Мухаммаду хадису о том, что иудеи распались на 71 секту, христиане - на 72, а община мусульман распалется на 73 секты, из которых 72 попадут в ад и лишь одна, представляющая основную массу мусульман, спасется и попадет в рай. Это высказывание основателя мусульманской общины служило в трудах мусульманских ересиографов обоснованием неизбежности раскола в мусульманской общине. Независимо от принадлежности авторов ересиографических трудов к той или иной теологической школе, все они оттачивались от этого хадиса.

Одна из проблем мусульманской ересиографии - классификация сект. Если сопоставить классификацию мусульманских сект в трудах наиболее известных ересиографов, то выяснится, что, во-первых, фактическое количество описанных ими сект превышает определенное хадисом число - 72 секты и, во-вторых, поименный перечень сект у одного автора не совпадает с перечнем сект у других авторов.

Сложные коллизии общественно-политической и социальной жизни в халифате, сопровождавшие формирование религиозно-политической идеологии ислама, рост идейной оппозиции официальному, суннитскому, исламу породили большое количество различных религиозно-политических партий, философских и теологических школ, толков, сект и т.п. Перед мусульманскими ересиографами стояла трудная задача: "втиснуть" в число сект, названное в хадисе Мухаммада и не подлежащее пересмотру, значительно большее количество фактически существовавших в исламе сект.

В задачу настоящей статьи входит рассмотрение указанной проблемы на примере опыта классификации мусульманских сект, данной одним из крупнейших представителей ересиографической литературы Абу-л-Музаффаром ал-Исфарайни (ум. 471/1078 г.).¹⁾

Шафур б.Тахир б.Мухаммад Абу-л-Музаффар ал-Исфара'ни был учеником и идейным преемником крупнейшего амаритского теолога

‘Абд ал-Кахира б.Тахира ал-Багдади (ум. 429/1037 г.) – активного деятеля суннитской идеологии в восточном Иране во времена Саманидов и Газневидов,²⁾ автора знаменитого ересиографического труда "ал-Фарк байна – л-фирак". Абу-л-Музаффар, живший по воле Низам ал-Мульба в Тусе, также стал признанным теологом, труды которого получили большую известность в суннитском мире. Среди его книг источники называют "Комментарий к Корану", написанный по-персидски и сохранившийся до нашего времени,³⁾ "Китаб ал-аусат", посвященную описанию религий и философских школ, и наконец "ат-Табсир фи-д-дин ва тамйийиз ал-фиркат ан-наджийа ‘ан фирак ал-халикии". Последнее сочинение также сохранилось и издано.⁴⁾

"В странах ислама, – говорит автор во "Введении", – появились люди из числа еретиков, которые обманывают простой народ и запутывают его веру".⁵⁾ И автор задался целью описать истинную веру и одновременно показать "заблуждения еретиков", дабы ознакомившийся с его книгой окреп в своем убеждении и в своей вере и дабы не проникли в сердца людей ложь и надувательство противников истинной веры.⁶⁾

Вслед за своими учителями – ‘Абд ал-Кахиром ал-Багдади, Абу Исхаком ал-Исфара‘ини (ум. в 418/1026 г.) и Абу Бакром б. Фураком ал-Исфакхани, Абу-л-Музаффар своим сочинением продолжил идеологическую борьбу против противников "людей сунны и общины". Он выделил девять категорий "еретических" сект, каждой из которых посвятил отдельную главу с изложением сущности их учений и описанием их "пороков" (фада’их). Наиболее многочисленными по количеству сект оказались первые три категории – рафидиты (сс.20–26), хариджиты (сс.26–36) и мутазилиты-кадариты (сс.37–59), каждую из которых автор подразделил на двадцать сект. Двадцать рафидитских сект он подразделил на три группы: имамиты (15 сект), зайдиты (3 секты) и кайсаниты (2 секты), отметив, что между зайдитами и имамитами существует постоянная вражда (с.24). Защитник и проповедник суннитского ислама, Абу-л-Музаффар стремился предостеречь своих единомышленников от общения с рафидитами, дискредитировать учения последних и обосновать необходимость борьбы с ними словами пророка Мухаммада. С этой целью он приводит хадисы, в которых Мухаммад якобы сравнивал рафидитов с иудеями, завещал ‘Али б.Абу Талибу и его приверженцам уничтожать рафидитов, отошедших от ислама. Примечательно, что Абу-л-Музаффар называет приверженцев имамата Алидов не общераспространенным термином "шииты", а бранным в устах суннитов словом "рафи-

диты" (в смысле "отступники"). В другом приведенном автором хадисе говорится, что рафидиты более вредны для мусульманской общины, чем иудеи и христиане, т.к. рафидиты называли сподвижников Мухаммада злейшими врагами общины, тогда как иудеи называли сподвижников Моисея, а христиане - учеников Иисуса Христа, - наставниками, вероучителями (ахбар) своих общин (с.25). Автор утверждает, что рафидиты не имели никаких доводов для подтверждения своих "невежественных домыслов и глупостей", кроме неизменной ссылки на высказывания Джафара ас-Садики, который, по словам Абу-л-Музаффар, отрекся от них и от их "ереси". Показательно замечание автора, будто рафидиты обращались даже к ал-Джахизу, "который сочинял книги для любой группы людей", с просьбой написать и для них книгу, которой бы они могли следовать (с.26).

Классифицируя хариджитов, Абу-л-Музаффар выделяет семь основных сект, некоторые из которых - особенно аджарида и ибадиты - в дальнейшем распались на множество подсект, так что количество фактически описанных автором хариджитских сект превысило определенное им число двадцать.

Мутазилитов-кадаритов Абу-л-Музаффар также подразделяет на 20 сект, предварив подробное описание каждой из них в отдельности изложением (сс.37-40) "пороков", общих для всех мутазилитов. К числу таких пороков он относит отрицание мутазилитами божественных атрибутов, признание сотворенности Корана, учение о промежуточном состоянии человека между верой и неверием (ал-манзила байна-л-манзилатайн), признание людей творцами своих поступков и т.д. Автор уделяет в своем сочинении значительно больше места мутазилитам, чем какой-либо другой категории "еретиков". Излагая учения отдельных мутазилитских сект, он обнаруживает большую осведомленность в этих вопросах, знание сочинений ведущих мутазилитских теологов. Так, излагая взгляды Абу-л-Хузайла ал-'Аллафа, главы секты хазалитов, он упоминает его "Книгу доказательств" (Китаб ал-худжадж), написанную "сообразно с учением дахритов" (с.42). В этой книге Абу-л-Хузайл выдвинул, в частности, положение о возможности исчерпания сил творца, когда он уже будет не в состоянии ни помочь праведникам, ни покарать грешников. Это учение, утверждает Абу-л-Музаффар, подготовило путь "ереси дахритов".

Для разоблачения мутазилитской "ереси" Абу Ма'на Сумама б.Ашраса ан-Нумайри, главы секты сумамитов, автор ссылается на сочинение Абдаллаха б. Муслима б.Кутайбы (ум.276/890 г.). "Рас-

хождения в хадисах" (Мухталаф ал-хадис). В частности, он приводит следующий рассказ из этого сочинения. Сумама, увидев однажды спешащих на молитву людей, сказал своему рабу: "Посмотри на этих ослов! Что сделал с ними этот араб!" - имея в виду пророка Мухаммада (с.48-49).

С этой же целью Абу-л-Музаффар ссылается на "Книгу о смешном" (Китаб ал-мадахик) ал-Джахиза (ум. 256/870 г.), несмотря на то, что в следующем разделе он осуждает "заблуждение и невежество в религии" самого ал-Джахиза. С особой страстностью он выступает против его сочинения "Природа животного" (Таба'и' ал-хайван), называя ее "мерзкой ересью". Он даже утверждает, что "основы" (усул) этой книги ал-Джахиз украд у Аристотеля и у ал-Мадаини (ум. 225/840 г.). Для характеристики личности самого Абу-л-Музаффара показательны его опровержения ал-Ка'би, который считал ал-Джахиза одним из учителей мутазилитов, восхищался его сочинениями и утверждал, что ал-Джахиз - араб из бану кинана. Если бы это было так, возражает Абу-л-Музаффар, то ал-Джахиз не написал бы книгу о "Превосходстве кахтанитов над аднанитами и кинанитами" и не включил бы в нее то, чем кахтаниты высмеивают кинанитов. А если бы он был арабом, продолжает Абу-л-Музаффар, то он не написал бы книгу о "Превосходстве мавали над арабами". Такие сочинения, заключает автор, мог написать лишь тот, у кого нет ни религиозной доблести, ни чувства племенного достоинства (с.50).

Абу-л-Музаффар уделил много внимания мутазилитам, видимо, еще и потому, что в его время они продолжали активно вербовать приверженцев своего учения. Во всяком случае, описывая секту бахшамитов, последователей Абу Хашима ал-Джубба'и (ум. 321/933 г.), он сообщает, что "в настоящее время большинство мутазилитов придерживаются учения Абу Хашима" (с.53), чему в немалой степени способствовало покровительственное отношение к нему Бундов.

С целью "посрамления" мутазилитов Абу-л-Музаффар описывает, ссылаясь на рассказы ересиографов, собрание-диспут (маджлис), на котором семеро ведущих представителей кадаритов (ан-Наззам, Али ал-Асвари, Абу-л-Хузайл, Бишр б. ал-Му'тамир, ал-Ашадж, ал-Аскафи и Джа'фар б. Харб) вели спор о способности Аллаха к несправедливости и лжи, в результате которого они перессорились, обвинив друг друга в неверии. Позже, утверждает Абу-л-Музаффар, мутазилиты пришли к признанию неограниченного количества творцов, превзойдя в этом зороастрийцев и дуалистов. Автор ссылает-

ся на многочисленные предания, в которых пророк Мухаммад и его сподвижники (Али б. Абу Талиб, Абдаллах б. ал-Аббас и др.) якобы осуждали кадаритов-мутазилитов, сравнивая их с иудеями и зороастрийцами.

Таким образом, три описанные автором категории сект - рафидиты, хариджиты и мутазилиты-кадариты - в общей сложности представлены шестьюдесятью сектами. Оставшиеся двенадцать "вакантных" мест автор распределил между мурджиитами, которых он подразделил на семь сект, и следующими пятью сектами: наджаритами, дираритами, джахмитами, бакритами и каррамитам. Последним он отвел больше места (с.65-70), чем предшествующим одиннадцати сектам вместе взятым. Каррамитская "ересь", захватившая население Хорасана, Гурджистана, Савада, Палестины, и во времена автора оставалась главным противником суннитского ислама, защитники которого прилагали немало усилий для опровержения "порочных" учений каррамитов. Неудивительно поэтому, что Абу-л-Музаффар отводит в своем сочинении много места описанию "пороков" каррамитов и их "заблуждений", опровержению их "ереси". При этом он ссылается на "еретический" труд вождя каррамитов, Мухаммада б. Каррама, "Могильные наказания" (Китаб 'азаб ал-кабр), в котором были изложены "основы их учения" (с.68). Автор относит каррамитов к антропоморфистам (муджассима), утверждавшим, что бог - телесен, конечен в пространстве, что он по образу своему подобен человеку. Автор подразделял каррамитов на три секты, которые, однако, считались одной сектой, поскольку они не обвиняли друг друга в неверии (с.65).

Описанием каррамитов Абу-л-Музаффар завершил классификацию мусульманских сект, доведя их общее количество до числа - 72. Как автору удалось "втиснуть" значительно большее количество сект в это число? Он достигает этого двумя путями. Во-первых, объединяет группу сект в более крупную категорию, провозглашая ее единой сектой. Во-вторых, объявляет часть сект "немусульманскими", не входящими в предсказанные Мухаммадом 72 секты. Автор посвятил "немусульманским" сектам отдельную главу, включив в нее описания свыше 20 сект (с.71-88). При этом выбор сект и отнесение их к категории "немусульманских" ничем не аргументированы.

"Ат-табсир фи-д-дин" Абу-л-Музаффара - прежде всего апологетическое сочинение, преследующее две цели. Во-первых, описание учений "еретических" сект и разъяснение их "пороков", чтобы четко отграничить их от "истинной" веры "людей сунны и общины".

Во-вторых, изложение кредо "людей сунны и общины". В силу этого вопрос о классификации мусульманских сект не был для автора главным. Он не ставил задачу написать историю мусульманских сект, а потому его, видимо, мало интересовали вопросы последовательности образования сект, воспроизведение позиций главных сект по основным проблемам теологии, как это сделал позже аш-Шахрагани (ум. в 548/1153 г.).

Не забываясь о большой строгости в систематизации и классификации сект, Абу-л-Музаффар дает описание "еретических" сект, взяв за основу ересиографический труд своего знаменитого учителя ал-Багдади (ум. в 429/1037 г.) "ал-Фарк байна-л-Фирак". В целом его классификация мусульманских сект представляет собой несколько видоизмененную модель общей классификации сект, данной ал-Багдади. И хотя Абу-л-Музаффар строит свою классификацию не на трех основных категориях сект, выделенных ал-Багдади,⁷⁾ однако его деления внутри этих категорий он почти без изменений переносит в свою схему.

В основу обеих классификаций положена фирка, фарик, т.е. группа людей, обозначаемая нами "сектой", часть мусульманской общины, исповедующая особое мнение по одному или нескольким вопросам и отходящая от основной массы "людей сунны и общины". В этом смысле фирка-фарик является для мусульманских ересиографов единицей деления, на которые распадается мусульманская община. Это позволяет им при необходимости расширять или сужать конкретное содержание фирка, добиваясь тем самым соответствия между числом сект, предсказанным пророком Мухаммадом, и их собственной классификацией сект.

"Ат-табсир фи-д-дин" Абу-л-Музаффара ал-Исфара'ини представляет интерес не только для изучения истории мусульманской ересиографической литературы. Оно содержит также богатый фактический материал о деятельности мусульманских сект и их участии в идеологической борьбе в халифате.

Ересиография была формой борьбы с сектантством за религиозное единство общины, борьбы господствующего религиозно-политического направления - суннизма - с оппозиционными течениями. В идеологической борьбе с "ересями" формировался суннитский ислам. Ислам как идеологическая система существовал в виде сект и учений разных направлений.

Исходя из этого, нам представляется весьма перспективным исследование "еретической" идеологии ислама, различные стадии

формирования которой нашли отражение в трудах мусульманских ереснографов раннего средневековья.

Результаты такого исследования помогут правильно понять и объяснить многие явления идеологического порядка, имевшие место не только в средневековом халифате, но происходящие и в современных странах мусульманского Востока.

---

1) Подробнее о нем см.: GAL, Bd I, 387; Каххала, Му'дхам, IV; ЗИО, V, 38.

2) D.Sourdel, La classification des sectes islamiques dans le Kitab al-Milal d'al-Šahrastani, - SI, XXV I (1970), p.241.

3) Мухаммад Захид ал-Каусари, биограф и издатель Абу-л-Музаффера, сообщает, что этот "Комментарий" издан в Иране "одним из востоковедов" (ал-Исфарайни, ат-Табсир, с. 7).

4) Издана в 1359/1940 г. (Каир, Изд-во "ал-Анвар").

5) Ал-Исфарайни, ат-Табсир, с.10.

6) Там же, с.11.

7) Разбор классификации сект, данной ал-Багдади, см.: H.Laoust, La classification des sectes dans le Farq d'al-Baghdadi, - REI, t.XXIX (1961), Cah. 1, p.19-59.

В.В.Матвеев

ЛЕВ АФРИКАНСКИЙ

Некоторые черты биографии и творчества

10 марта 1526 года в Риме была завершена работа над книгой "Описание Африки и достопримечательных вещей, которые в ней есть". Ее автор был человеком необычайной судьбы. Имя его - ал-Хасан б. Мухаммад ал-Ваззан аз-Заййати ал-Фаси. В плену он был крещен и получил имя Джованни Леоне Африкано. В русской литературе он известен как Лев Африканский. Лев Африканский родился в Гранаде. Сопоставление различных обстоятельств начала его жизни говорит о том, что наиболее вероятной датой его рождения следует считать 1489 г. Биография его во многом неясна и ее главным источником являются его сочинения. После 1492 г. его семья вместе с ним переехала в Марокко. Вся его сознательная жизнь до 1519 г., когда он попал в плен, протекала в Африке, во время правления ваттасидского султана Мухаммеда Португальца (1504-1525). Он обучался в Фесе, в медресе Абу Инана Маринида,

одном из самых крупных учебных заведений страны. После окончания медресе Лев Африканский в течение двух лет был секретарем городской больницы для умалишенных в Фесе, за три дуката в месяц. В какое-то время после этого он совершал поездки в горах Рифа, в частности к горцам бени жанфен, где у его отца было несколько имений.

Как кажется, после этого, он вместе со своим дядей совершил путешествие в Судан. По словам самого Льва Африканского, ему было тогда шестнадцать (или семнадцать лет), то есть это путешествие должно было быть совершенно в 1505 или 1506 г. После этого путешествия, Лев Африканский, как представляется, совершил путешествие на Бл.Восток. По нашему мнению, оно должно было иметь место в период между 1505-1506 и 1508 г.

В первом своем большом путешествии - в Судан - он, вероятно, еще не вел никаких записей. Во втором же - на Бл.Восток - такие записи, по-видимому, уже велись. Об этом можно думать, основываясь на его намерении написать книгу, в которой были бы описаны страны Азии, о чем Лев Африканский говорил сам: "Если бог дарует мне жизнь, мне бы хотелось описать части Азии, насколько я их видел, такие как Пустынная Аравия, Счастливая Аравия, Аравия Каменная, а также вторую часть Египта, которая находится в Азии, Вавилонию, часть Персии, Армению, часть Татарию, которую я проехал и видел в начале моей юности; а затем описать то мое последнее путешествие, которое я совершил из Феса в Константинополь, из Константинополя в Египет, и после из Египта в Италию, где я видел множество островов".

Затем в течение нескольких лет Лев Африканский выполнял различные поручения Мухаммеда Португальца, совершая то короткие, то более длительные поездки по территории Марокко. В 914/1508-09 г. он был в Арзиле, в 915/1509-10 г. - в небольшом городке Шелла, около Рабата, и в городе Тефза, в провинции Тадла, в 917/1511 г. - около Танжера, а также на юге страны, в 918/1512-13 г. в Марракеше и Сиджидмассе. К этому же 918 году относится и второе большое путешествие Льва в Судан. Выехав из области Сиджидмассы в конце 1512 г., он двигался с купеческим караваном. Караван направлялся в Тегаззу, где купцы закупили соль для продажи в Судане. Затем добрались до колодца Аввад, затем до Аравана и до Томбуку. В Томбуку Лев Африканский видел огромный пожар, в котором погибла половина городских строений. Вероятно, он пробыл какое-то время в Томбуку и затем отправился далее. Вряд ли он

совершил путешествие в Мали и Дженне. Невозможно также решить бывал ли он в Валате. Его описание Валаты достаточно правдоподобно. В то же время Валата находится далеко на западе от Томбукту, а направление движения всего путешествия Льва Африканского — с запада на восток, да и ездить в Валату как будто бы у него причин не было. Из Томбукту он отправился на восток и посетил г. Гао. Сделанное им описание города, царского дворца, масса достаточно точных деталей происходившей там торговли косвенно свидетельствуют о его пребывании в Гао, по крайней мере в течение нескольких дней. За Гао следует описание королевства Губер (Гобир). Это описание не создает впечатления, что Лев Африканский побывал в этом королевстве. Напротив, его описание Агадеса очень точно, хотя Лев, как и в случае с Гобиром, не говорит, что он был там. В этом городе Лев Африканский, кажется побывал, хотя и не упоминает об этом. Мы полагаем, что после этого путь его проходил либо через Агадес и далее в Борну, либо через Кано и в Борну. Отсутствие достаточно точного описания областей между Агадесом и Кано, в частности Гобира, заставляет отрицать предположение о том, что Лев Африканский проехал из Агадеса в Кано. Более вероятно, что его путь пролегал только через один из этих городов. Описание небольших государств на территории, населенной народами хауса, не очень ясно. Указания относительно их расположения по отношению друг к другу не дают возможности выяснить их действительное местоположение. Не всегда точные описания ландшафта, например, сообщение о том, что в области Каццины много гор. Невозможно найти также местоположение королевства Замфара и Вангара. Это наводит на мысль, что известия об этих странах Лев Африканский получил от купцов, а сам в них не бывал.

Следующей страной, посещенной им, была страна Борну. Там он провел, по его же словам, около месяца. Сведения о Борну более подробны, чем сведения о других странах этого района. Говорится о местности, о народе, его правителе, обычаях и т.п. Дальнейшее путешествие привело Льва в государство Гаога, которое находилось восточнее озера Чад. Его главный город — также Гаога — находился, вероятно, в районе города Йао, расположенного северовосточнее озера Фитри. Согласно одним сведениям, государство Гаога было государством народности булала. Согласно другим, название Геога, в то время, когда там был Лев Африканский, относилось к государству булала в Канеме, то есть было расположено немного севернее; в районе же озера Фитри находилось государст-

во народа нубийского происхождения по имени кука. Вследствие перемещения торгового пути с запада на восток из Сев. Африки в Судан, эти государства, как можно увидеть из описания Льва Африканского, переживали время своего подъема. Интересно также его замечание относительно того, что некоторые жители Гаога были христианами. "Некоторые из них христиане, как египтяне. Это те, кто живет в области Гаога". В этом указании, очевидно, нужно видеть свидетельство достаточно оживленных связей между этой частью Судана и христианскими царствами Нубии: Мукуррой и Алвой, в предшествующие времена.

Из Гаога Лев Африканский направился в Нубию. Относительно этой части его маршрута можно делать только самые общие предположения, так как сам он не оставил о ней достаточно ясных указаний — лишь глухое упоминание народа горан, то есть дава, которое мало дает для установления маршрута. По всей вероятности он побывал в Донголе, так как указывает детали ее описания. Его замечание о невозможности совершить путешествие до самого Египта по Нилу из Нубии, вероятно, нужно объяснять тем, что какую-то часть пути он сам совершил по суше, вдоль реки. Однако его замечание о том, что пути по воде препятствует мелководье, а не пороги, остается необъяснимым. В конце путешествия, в начале 1514 г. Лев Африканский попадает в Каир. Затем, вероятно, из Александрии, он отправляется в Марокко на корабле. По прибытии в Марокко он направился в Фес, куда и прибыл, как кажется, в марте 1514 г.

После этого он проводит время в разъездах по стране, особенно по ее южным районам, выполняя поручения Мухаммеда Португальца и его сановников. 14 апреля 1514 г. он участвовал в битве при Бу Лаване; 22 июля — в битве при Ла Маморе. В августе или сентябре 1515 г. он отправляется в новое путешествие, на этот раз в Константинополь. Из Феса он поехал вдоль р. Уэд Инауэн, проехал через Тазу, Дебду, Тлемсен. У него были связи и при дворе Абдалвадидов. Он сам говорит, что неоднократно бывал там и провел "при дворе немало месяцев в те разы, когда бывал".

В это время и, вероятно, благодаря этим связям, он совершил небольшую поездку из Тлемсена к морю, в г. Хунайн, в обществе секретаря абдалвадидского султана. Затем он проехал через провинцию Бени Рашид, в западном Алжире, возможно, через г. Маскара. Здесь он, по его собственным словам, также бывал неоднократно, хотя в других местах своего сочинения он об этих поезд-

ках не упоминает. В этот раз путь его пролегал через г. Батху, в районе нынешнего г. Игил Изан или Релизан. После Батхи перед ним была возможность отправиться либо через долину р. Шелиф, через г. Мазуна до Милианы; либо через долину р. Мина, на юго-восток до Тагдемта (в районе нынешнего Тварета) и оттуда до Милианы. Каким образом путь проходил в действительности неизвестно. Из описания можно понять, что он посетил г. Мазуна и это должно указывать на первый путь. В то же время он недвусмысленно говорит о том, что посетил Тагдемт, и, следовательно, ехал по второму пути. Основываясь на этом мы полагаем, что он проехал все же по второму пути, так как об этом имеется прямое указание, в то время как в пользу проезда через Мазуна есть только предположение.

После Милианы Лев Африканский проехал через Медея в Алжир и оттуда в Биджайу, через городок Темендфуст, на берегу Алжирской бухты, и затем через Деллис. В Биджайе он встретился с Арруджем Барберуссом, который осаждал занятую христианами цитадель. Затем Лев Африканский направляется в Сетиф и оттуда в Константину и затем в Тунис. Не удается проследить его путь из Константины в Тунис. Можно только отметить, города, которые он посетил. Это - Тебесса, Айн Заммит, Тунис, Карфаген.

Затем он совершил поездку на юг страны, ко двору тунисского султана, который в это время туда отъехал. Это было, вероятно, в феврале 1516 г. Ехал Лев Африканский туда через Хаммамат, Кайруан, побывал в ал-Хамме. Он не упоминает о посещении таких городов как Ариана, Габес, Замок Махрис, но впечатление от его описания складывается такое, как если бы он в них побывал и их видел. Побывав у тунисского султана, он отправился в г. Суссу и затем в Монастир, где сел на корабль и отплыл в Константинополь. О его деятельности в Константинополе ничего не известно.

Оттуда он отправился в Египет. В Египте он поехал в Розетту, где видел Османского султана Селима Грозного, в июне 1517 г. Затем он проехал по Нилу до Асуана и видел почти все города, о которых сообщает, хотя говорит прямо о пребывании только в некоторых: в Розетте, Даируте, Каире, Бени Суэйфе, Асуане, Кене.

Из Кены Лев Африканский направился через пустыню в город Кусайр на берегу Красного моря, затем переправился через Красное море в г. Йанбо и затем попал в Джедду, а оттуда - в Мекку. Цель его путешествия ясна - это был, конечно, хадж. Совершив хадж, он посетил еще и Йемен. Затем по хиджазской дороге он двинулся

в Египет. Там, вероятно, в Александрии, он опять сел на корабль, чтобы ехать в Марокко. Корабль шел на запад вдоль берега Африки. Где-то, по-видимому, у Киренаики или Триполитании корабль приставал к берегу пополнить запасы продовольствия и, простояв у берега короткое время, двинулся дальше, вместе с двумя другими кораблями.

Вблизи от Триполи и острова Джерба корабль был захвачен корсарами. Сицилийский капитан Пьетро Бовадилья захватил в плен Льва Африканского и увез его в Италию, сначала в Неаполь, а потом в Рим. Там он был подарен вместе с жирафой папе Льву X Медичи, сыну Лоренцо Великолепного. Один из виднейших деятелей последнего периода итальянского Возрождения, человек высокой культуры, прозванный "отцом искусств", папа Лев X оценил знания попавшего к нему пленника, который имел еще при себе и какие-то записки по географии.

Пленник был помещен в замок Святого Ангела, где пробыл целый год. За это время три епископа наставляли его в вере и готовили к принятию христианства. 6 января 1520 г. в соборе Святых Петра и Павла он был крещен рукою самого папы и получил от него два своих имени Иоанн (Джованни) и Лев (Леоне). После этого Лев долгое время жил в Риме и выучился итальянскому языку. Как сообщает издатель его труда Д.Б.Рамузио, он получал жалование от папы. Будучи уроженцем Испании и, таким образом, знакомым с детства с испанским языком, он, вероятно, достаточно быстро овладел и итальянским и латынью.

Его покровитель папа Лев X умер в 1521 г. Его преемник Адриан VI не интересовался ни географией, ни изучением Востока. Видимо, это сказалось на положении Льва. Он преподает арабский язык в Болонье, вероятно, в Университете. В 1530/1524 г. он составил свой "Арабско-еврейско-латинский словарь". Им были также написаны "Арабская риторика", "Арабская грамматика", небольшой "Трактат по искусству арабской метрики", еще один трактат "О мужах, считающихся знаменитыми среди арабов" и другой аналогичный "О мужах, считающихся знаменитыми среди евреев". Оба последние труда были изданы в ХУП и ХУШ веках.

Однако его главным трудом является упомянутое в начале "Описание Африки". Он закончил его в 1526 г. и, очевидно, уже тогда имел намерение вернуться обратно в Африку. В 1528 г. по-видимому, он покидает Италию и возвращается в Тунис. Его дальнейшая судьба неизвестна. Очевидно, он вновь вернулся к исламу. Если принятая

нами дата его рождения верна, то ему должно было быть в это время 39 лет.

Его "Описание Африки" должно быть признано одной из вершин средневековой арабской географической литературы. Его самого И.Ю. Крачковский называл последним крупным представителем арабской географии в Магрибе. В XVI в. развитие арабской географической литературы шло уже в целом по нисходящей линии. Географические сочинения в этот период превращаются в компиляции материалов, заимствованных у более ранних авторов и не всегда с указанием источника. На этом фоне "Описание Африки" представляет собой явление особое и исключительно ценное, так как хотя его автор и пользовался сочинениями своих предшественников, но основные материалы у него свои и при том такие, что могут поспорить с известными ценностью своих сведений сочинениями Ибн Баттуты или Ибн Халдуна.

Если мы обратимся к анализу содержания "Описания", то увидим, что оно содержит целый ряд черт, свойственных различным жанрам арабской географической литературы. "Описание" имеет все основания быть причисленным к жанру региональных сочинений. В то же время в его организации можно увидеть и черты, связывающие его с жанром литературных энциклопедий, в которых важное место уделялось географическим материалам. Некоторые части "Описания" заставляют вспомнить о жанре "рихла".

Все это свидетельствует о том, что сочинение Льва Африканского, хотя оно и было написано по-итальянски и для европейского читателя, в сущности своей продолжает оставаться сочинением арабской литературы. Наличие столь разных признаков различных жанров должно свидетельствовать о широкой начитанности автора и его свободном владении литературной формой.

В то же время в области теоретической Лев Африканский оставался типично средневековым ученым. Гениальная попытка объяснения исторического развития общества, сделанная Ибн Халдуном почти за сто лет до него, кажется, никак не привлекла его внимания и интереса, хотя Ибн Халдуна он знал и привлек в своей книге. Характерной иллюстрацией теоретических взглядов Льва может служить первая часть его труда. Объясняя там происхождение названия Африка, он повторяет традиционные для арабской литературы легенды, восходящие ко временам начала ислама. К таким же традиционным легендам относятся его рассказы о заселении Африки и происхождении африканцев. Следуя кахтанидскому преданию, он

возводит их к сыновьям библейского Ноя и их потомкам. Таким же традиционным является его сообщение о границе Африки, проходящей по Нилу.

Еще в XI в. мы имеем в арабской литературе примеры, которые говорят о зафиксированном наблюдении неравномерности культурного развития. Народы делили на городских жителей, которые занимались науками и искусствами, имели законы, согласно которым шла их жизнь, и на жителей степей и пустынь, которые не ведали государственности и жили без законов. Это воззрение мы наблюдаем и у Льва Африканского.

В целом исторические известия Льва не являются сильной стороной его книги, так как, видимо, он не имел возможности проверить то, о чем писал по памяти. Но общую картину он рисует достаточно широко и некоторые факты пытается объяснить. Особенно ценны его известия о народах Судана, в арабской литературе не столь уж многочисленные. Число упоминаемых им авторов говорит о его большой начитанности и учености.

Однако не эта ученость составляет основную ценность его труда. Из его рассказов видно, что принцип объективности в изложении исторических и географических известий не был для него пустым звуком и последующие исследования показали точность и ценность его известий. "Детали, приводимые Львом Африканским о Магрибе, отличаются скрупулезной точностью. Новейшие наблюдения подтвердили справедливость даже тех утверждений, которые, казалось бы, должны были вызвать сомнение". Такую оценку труду Льва дал на рубеже нашего века Ш.Шефер. Спустя почти полвека она была повторена И.Ю.Крачковским и продолжает сохранять свое значение и сейчас.

Влияние работы Льва Африканского на европейскую науку было огромно. До европейских путешествий в глубинные районы Африки с начала XIX века любое практическое или научное начинание, связанное с Африкой и ее внутренними районами, не могло обойтись без консультации с этим трудом. С Магрибом европейцы были знакомы больше, но и для Магриба его материалы представляли большую ценность.

В последние годы благодаря работам итальянской исследовательницы Анджелы Кодаци стали известны новые данные о характере деятельности Льва в Италии. Главное достижение здесь заключается в том, что постепенно находят оригиналы, и, как кажется, автографы, его сочинений, выполненные на латинском языке. Некоторые

его труды были составлены как учебные пособия для изучения арабского языка. Это обстоятельство, вместе с известным уже фактом преподавания им арабского языка в Боломье, а также использование его сочинений европейскими учеными того времени, например Постелем, приводит к мысли о том, что Лев Африканский может считаться одним из основателей научного востоковедения в Европе.

В целом же его заслуги в этой области и в области географии дают возможность отнести его, арабского географа, одновременно и к числу деятелей столь богатого талантами итальянского Возрождения.

К.А.Бойко

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АРАБСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ В ЕГИПТЕ
(Абдаллах б. 'Амр б. ал-'Ас)

Арабская историческая традиция Египта в своих истоках связана с южно-арабским, кахтанидским, преданием, ибо возникла она и начала формироваться на его основе. Такую ее специфику определили прежде всего обстоятельства завоевания: большая часть арабов, пришедших в страну, принадлежала к племенам кахтанидов, среди которых бытовали предания о прошлом Юж.Аравии, перемешанные с библейским эпическим материалом.¹⁾ Кахтанидское предание о прошлом приспособилось к местным культурным традициям, испытав одновременно их воздействие, и в этом преобразованном виде получило свое дальнейшее развитие.

Зарождение и развитие местной традиции начинается сразу же после завоевания. Первыми рассказчиками иудео-христианского предания среди арабов были на новой земле сподвижники пророка (асхаб), многие из которых вступили в страну в качестве завоевателей, а затем обосновались там. С их именами этот материал и вошел позднее в состав местной исторической традиции. Наиболее значительной фигурой среди них был Абдаллах б. 'Амр б. ал-'Ас (род. за несколько лет до "хиджры", ум. 65/685 г.) сын завоевателя Египта 'Амра б. ал-'Аса.

В мусульманской традиции за 'Абдаллахом б. 'Амром утвердилось известность сподвижника пророка, храброго воина, одного из деятельных участников первых завоевательных походов мусульман. В качестве ближайшего помощника своего отца, он участвовал под его началом в завоевании Египта, замещал его на посту правителя,

затем в течение нескольких лет сам правил этой страной. На протяжении почти всей своей долгой жизни Абдаллах находился в гуще бурных событий того времени.

По степени образованности его сравнивали с тремя его современниками - 'Абдаллахом б. 'Аббасом, 'Абдаллахом б. 'Умаром б. ал-Хаттабом и 'Абдаллахом б. аз-Зубайром. Этих четырех лиц с именем

Абдаллах мусульманская традиция объединила в одну группу под названием "ал-'Абадила" или "ал-'Абадила ал-арба'а". 'Абдаллах б. 'Амр, по замечанию Хаджи Халифы, "один из ал-'Абадила, за которыми утвердилось дело знания в конце времени асхабов".³⁾

По свидетельствам источников, 'Абдаллах был грамотен, умел читать и писать, и при жизни приобрел известность знатока и передатчика хадисов и всевозможных речений Мухаммада. В свое время, будучи юношей, он слушал их от него лично и записал с его разрешения в особую тетрадь - "ас-сахифу", которую назвал "ас-садика".⁴⁾ Кроме хадисов, в круг его занятий входило толкование Корана, которое он получил от своих учителей, в частности от Убайя б. Ка ба, одного из ранних комментаторов. 'Абдаллах б. 'Амр - один из очень немногих образованных арабов той поры, который обнаруживает, помимо того, еще и знание сирийского языка - умение читать по-сирийски.⁵⁾

'Абдаллах б. 'Амр читал "древние книги" (ал-кутуб ал-мутакаддима) или "книги людей писания" (кутуб ахл ал-киتاب),⁶⁾ как именуют их некоторые источники. Между тем Ибн Ханбал в своем Муснаде показывает, что он был знаком с Пятикнижием.⁷⁾ У ат-Табари есть также подтверждение того, что он знал "историю Мусы" (библейского Моисея),⁸⁾ а рассказы 'Абдаллаха б. 'Амра, которые он цитирует,⁹⁾ подтверждают вышесказанное. Помимо Пятикнижия он читал другие части Библии, в частности, книги Даниила (кутуб Данийал).¹⁰⁾ Он мог читать их в сирийских переводах, которые существовали уже в столетие, предшествовавшее возникновению ислама.

Ему приходилось не только читать библейский материал, но и непосредственно общаться с "людьми писания" - иудейскими и христианскими служителями культа. Еще юношей он получил у пророка разрешение бывать в их среде.^{II)} В Мекке он встречался с обратившимся в ислам иудейским ученым из Йемена Ка'бом ал-Ахбаром.

'Абдаллах б. 'Амр выделяется в арабо-мусульманской традиции как один из самых ранних источников сведений о Египте, которые идут от него к историкам последующих поколений. Легендарно-исторические по своему характеру, основанные на библейском материале,

коранической традиции и в какой-то своей части на коптском фольклоре, сведения эти оказали большое воздействие на дальнейшее развитие местного предания, определили его главный интерес и специфику.¹²⁾

Ведущая тема в его рассказах - местные "фада'ил" - так называемые "преимущества" Египта как древнего (эпохи фараонов), так и современного ему (мусульманского). В них воздается хвала как его природным и климатическим условиям, так и людям его населяющим. "Фада'ил" 'Абдаллаха б. 'Амра, как и у более поздних египетских традиционалистов, входят составной частью в историю страны с древнейших ее времен. Их своеобразие заключается в стремлении арабов-кахтанидов связать свою новую родину с библейским преданием. Египет изображается страной, существующей с незапамятных времен, "от века". Когда Аллах, сотворив Адама, показывает ему весь земной мир (ад-дунья), тот видит среди гор, равнин, рек и морей Египет - равнинную землю с текущей рекой, истоки которой питаются от рая и на которую нисходит божья благодать. Библейский Адам - первый человек, который благословляет Египет и просит для него божьей милости, плодородия и благоденствия.¹³⁾

История Египта у 'Абдаллаха б. 'Амра начинается со всемирного потопа. Внук библейского Ноя - Байсар отдает страну своему сыну Мисру, по имени которого она и получает свое название. Копты, как повествует легенда, ведут свой род от Мисра и тем самым зачисляются в разряд одного из древнейших народов мира.¹⁴⁾ С тех пор страна становится ареной деятельности многих библейских пророков. Один из них, Сулайман б. Дауд, принимает участие в строительстве Александрии - возводит там мечеть.¹⁵⁾

Эпоха фараонов описывается в рассказах 'Абдаллаха б. 'Амра как историческое прошлое самих арабов. Египет того времени предстает сказочной богатейшей страной, правят ей фараоны - воплощенные мудрости и щедрости для своего народа.¹⁶⁾ Если древний Египет был цветущей страной, то и теперь, в дни 'Абдаллаха б. 'Амра, он - воплощение земного рая, а Нил - господин рек. Аллах ниспосылает ему свои милости и заставляяет служить ему все реки на Востоке и на Западе.¹⁷⁾

Из автора рассказов о "преимуществах" страны 'Абдаллах б. 'Амр сам превращается в предании в живую ее достопримечательность. За ним утверждается слава строителя и созидателя Египта, который покончил с запустением, царившим там со времен Навуходоносора и установил мир и спокойствие. Он славит страну, о которой уже говорит как о своей родине (биладуна).¹⁸⁾

С 'Абдаллахом б. 'Амром связано начало восхваления местного покоренного населения - коптов. Среди всех "неарабов" (ааджим) им отводится самое высокое место; из вчерашних врагов они превращаются не только в союзников арабов, но и в родственную им народность ("Копты Египта самые благородные из всех неарабов, самые щедрые из них, самые достойные из них происхождением, самые близкие из них по родству с арабами вообще и с корейшитами в частности").¹⁹⁾ Такое восхваление подкрепляется рассказом о коптянке Марии-наложнице Мухаммада и матери его сына Ибрахима.²⁰⁾

В теме "фадаил" отразилась крепнущая этническая и идеологическая консолидация завоевателей и покоренных, их складывающееся историческое самосознание. Эта тенденция к взаимному сближению арабов и коптов явилась одним из выражений локального патриотизма или своеобразной арабо-коптской 'асабийи.

С именем 'Абдаллаха б. 'Амра связано особое направление в раннем арабском предании - прорицательство. Многие из рассказов с таким содержанием, которые он передавал, как, например, предсказания о захвате Константинополя и Рима, о завоевании Египта, о роли коптов как союзников арабов, о выдающейся роли йеменцев в исламе, приписывались Мухаммаду.²¹⁾ Среди них находились и откровения, рисовавшие мрачные картины будущего для мусульман. Эти последние были, по свидетельству одного источника, особенно распространены в Египте в VII в. под названием "ал-фитан" и "ал-малахим" (предсказания грядущих смут и битв).²²⁾

'Абдаллах б. 'Амр и сам якобы обладал даром прорицательства, умением толковать события будущего. "Видение" будущего могло развиться в нем под влиянием сюжетов Библии, нашедших отражение в Коране, и в результате общения с иудейскими и христианскими священнослужителями, с обращенными в ислам представителями разных народностей (например, Ка'б ал-Ахбар и перс Та'ус б. Кайсан).

'Абдаллах б. 'Амр, по преданию, предрекал военные и политические события, которые произойдут, и будто бы определял судьбы отдельных лиц. Таковы были, например, его предсказания о завоевании мусульманами Северной Африки²³⁾ и о гибели военачальника 'Укбы б. Нафи 'ал-Фихри,²⁴⁾ который возглавил одну из военных экспедиций в эту область. Некоторые источники дают понять, что известность его как провидца еще при его жизни распространилась за пределами Египта.²⁵⁾ После его смерти, на протяжении последующих столетий, время от времени появлялись подложные откровения от его имени. Они удовлетворяли в основном интересы южноарабской,

нахтанидской, племенной группы и в определенных политических ситуациях приобретали особую актуальность.²⁶⁾ Тем больший вес их содержанию должны были придать имя и авторитет их "автора" или "создателя" - 'Абдаллаха б. 'Амра б. ад-'Аса.

Ему приписываются, кроме того, всевозможные рассказы о "чуждесах" или "дикивинках обитаемого мира" ('аджа'иб ад-дунья), которые, возможно, восходят к ижнoарабской традиции.²⁷⁾ Наряду с его современником Ка'бом ал-Ахбаром, 'Абдаллах б. 'Амр - один из самых ранних в арабской традиции источников сказки о Сулаймане б. Дауде и заточенных им джиннах,²⁸⁾ сюжет которой происходит из иудейских легенд.

Специальным собиранием и обработкой исторического материала о современных ему событиях он не занимался. Сведения об арабских завоеваниях, о Мухаммаде занимают очень мало места среди его рассказов и передаются им в связи с каким-нибудь случаем.²⁹⁾ Историк следующих поколений использовали их при составлении жизнеописания пророка и истории мусульманских завоеваний, в частности Египта.

Необходимо однако различать между подлинным 'Абдаллахом б. 'Амром, тем, кто он был на самом деле, и тем 'Абдаллахом б. 'Амром, каким его сделало мусульманское предание. С одной стороны, несомненным является то, что он как участник завоевания Египта, свидетель многих политических событий принадлежал к первому поколению мусульман-носителей информации об этой стране. С другой стороны, представляется очевидным, что поздняя традиция создала из него в своих целях полулегендарную фигуру основоположника местного исторического предания. Многие легенды, сочиненные уже во II/III в., были ему просто приписаны. Тем не менее, в них следует видеть начальную ступень в формировании местной исторической школы. В них целенаправленно отразились важные явления в социальной жизни страны, связанные с процессом сложения единой мусульманской народности и вызревания на этой почве нового этнополитического самосознания.

---

1) J.-C. Vadet, L' acculturation des Sud-arabiques de Fustat au lendemain de la conquête arabe, - Bulletin d'Études Orientales, t. XXII, Année 1969, Damas, p. 7-14.

2) О нем см.: М. А. Makki, Egipto y los origenes de la historiografía arábigo-espanola, - Revista del Instituto de Estudios Islamicos en Madrid, vol. V, 1957, p. 162-163 (далее - Makki,

Historiografia); F.Sezgin, Geschichte der arabischen Schrifttums, Bd.I, Leiden, 1967, S.84, No 1.

3) Lexicon Bibliographicum et Encyclopaedicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalifa celebrato. compositum. Ed. G.Flugel, t.II, Leipzig-London, 1837, с.334-335.

4) Ibn Saad, Biographien Muhammada, seiner Gefährten und der späteren Träger des Islams bis zum Jahre 230 der Flucht, Bd.IV, Teil II, hrsg. von J.Lippert, Leiden, 1908, S.8-9; Bd.VII, Theil II, hrsg. von E.Sachau, Leiden, 1918, S.189 (далее - Ибн Са д, Табакаат).

5) Ибн Са'д, Табакаат, IV/2, с.II; VII/2, с.189.

6) Ибн ал-Асир, Усд ал-габа фи ма рифат ас-сахаба, изд. ас-Саййид Исма'ил ал-Китабчи, т.Ш, Техран, с.233; аз-Захаби, Тазкират ал-хуффа, изд. ас-Саййид Мустафа 'Али, Хайдарабат, т.I, с.36 (далее - аз-Захаби, ал-Хуффа).

7) Ибн Ханбал, Муснад, т.П, Каир, 1313 (1895 г.), с.174.

8) ат-Табари, I, с.464-465.

9) ат-Табари, I, с.142, 289.

10) Там же, II, с.399.

11) Ибн 'Абд ал-Барр, Джами' байан, т.П, с.40 (цитируется по статье Макки, Historiografia, p.162).

12) Самый ранний источник арабской исторической литературы, где они цитируются - Футух Миср египетского автора IX в. Ибн 'Абд ал-Хакама: The History of the Conquest of Egypt, North Africa and Spain known as the Futūh Misr of Ibn 'Abd al-Hakam. Ed. by Ch.C. Torrey, New Haven, 1922 (далее - Ибн 'Абд ал-Хакам, Футух Миср).

13) Abū'l-Mahasin ibn Tagrī Bardīi Annales, Ed. T.G.J. Juynboll et B.F.Matthes, I, Lugduni Batavorum, 1852, с.31.

14) Там же, с.32.

15) Ибн 'Абд ал-Хакам, Футух Миср, с.40.

16) Ибн 'Абд ал-Хакам, Футух Миср, с.6-7.

17) Там же, с.149.

18) Там же, с.32; ас-Суйути, Хусн ал-мухадара фи ахбар Миср ва-л-Кахира, I, Каир, 1299, с.10.

19) Ибн 'Абд ал-Хакам, Футух Миср, с.5.

20) Там же, с.49. Очень возможно, что сюжет этот основан на коптском фольклорном источнике.

21) Самый ранний источник, который их цитирует - Футух Миср Ибн 'Абд ал-Хакама.

22) Утверждение принадлежит египетскому автору X в. Абу

Са'иду Ибн Йунусу. Самый ранний источник, цитирующий его - аз-Захаби, ал-Хуффа, I, с.115.

23) *Classes des savants de l'Ifriqiya* par Abu l-'Arab Mohammed Ben Ahmed Ben Tamim et Mohammed Ben al-Harit Ben Asad al-Nojani. Texte arabe, publié... par Mohammed Ben Cheneb. Paris, 1915, с.10.

24) Ибн 'Абд ал-Хакам, *Футух Миср*, с.199.

25) Наместник Медины 'Амр б. Са'ид во время выступления Ибн аз-Зубайра против халифа Йазид б. Му'авийи пожелал узнать, как будут развиваться события, и обратился за их разъяснением к 'Абдаллаху б. 'Амру (ат-Табари, II, с.398-399).

26) Так, было пущено в ход предсказание пророка в его передаче об "ал-Махди", который появится из Йемена. В этом пророчестве отразились надежды йеменцев на идеального вождя из своей среды - "ал-Кахтани". И такой вождь появился в лице Абд ар-Рахмана Ибн ал-Ашаса, выходца из Хадрамаута, который выдавал себя за "ал-Кахтани" и восстал против ал-Хаджаджа в 80-83/699-702 гг. См., например: *Jacut's geographisches Wörterbuch*, hrsg. von F.Wüstenfeld, Bd.IV, Leipzig, 1869, S.260, а также G. van Vloten, *Recherches sur la Domination arabe, le Chiitisme et les Croyances messianiques sous le Khalifat des Omayyedes*. Amsterdam, 1894, p.61. Несколькими столетиями позже, в ал-Андалусе, обстоятельства прихода к власти одного из Амиридов (с родовой нисбой ал-Ма'афири) будут обосновываться предсказанием Мухаммада в передаче 'Абдаллаха б. 'Амра о правлении "кахтанида". См.: *Analectes sur l'histoire et la littérature des arabes d'Espagne*, par al-Makkari. Publiés par MM. R.Dozy, G.Dugat, L.Krehl et W.Wright. T.I, Leyde, 1855-1860, p.277-278. Другие откровения об ал-Андалусе, приписываемые 'Абдаллаху, также явно позднего происхождения.

27) См., например, *Kitáb al-álak an-naffisa* VII auctore Abú Alf Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitáb al-boldán* auctore Ahmed ibn abí Jakúb ibn Wádhíh al-Kátib al-Jakúbí. Ed. M.J. de Goeje, *Lugduni Batavorum*, 1892, (BGA, VII), с.78-79; *Kitáb al-Masálik wa'l-Mamálik* VI auctore Abu'l-Kásim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordádhbeh, edidit, indicibus et glossario instruxit M.J. de Goeje, *Lugduni-Batavorum*, 1889 (BGA, VI), с.115-116 (франц. перевод, с.88).

28) ал-Кади 'Ийад, *Тартиб ал-мадарик ва тафриб ал-масалик ли марифат 'алам мазхаб Малик*, Изд. Ахмада Бакира Махмуда, ч.I, Бейрут, [1965], с.623.

29) Ибн 'Абд ал-Хакам, Фугух Миср, с.180; Liber expugnatio-
nis regionum, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Belá-
dsorí. Ed. M.J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866, с.214-215.

А.Б.Халидов

ДОКУМЕНТЫ О "ПЕРЕДАЧЕ" КНИГ И КНИЖНОГО ЗНАНИЯ
(по материалам арабских рукописей ЛО ИВ АН СССР)

Книги в средневековом арабско-мусульманском мире передавали от учителя к ученику, от одного ученого к другому, как эстафету. Передавали содержание книг, их тексты путем совместного прочтения и разбора вслух (книга, как вещь, разумеется, также переходила из рук в руки). Свое понимание текста должен был показать ученик, поэтому именно он выступал в качестве чтеца перед учителем, а когда училась группа, то перед всей аудиторией; или же ученики читали попеременно. Роль наставника состояла в том, чтобы следить за правильностью чтения, делать в нужных случаях замечания и поправки, объяснять, отвечать на вопросы и т.п.; в редких случаях, он читал сам. Когда вся книга была устно проработана, считалось, что ученики ее усвоили. При этом делалось различие между тем, кто читал, и тем, кто присутствовал на занятиях в качестве слушателя: первый усваивал заключенное в книге знание способом *қирá'а* ("чтение", "читка"), второй - способом *самá'* ("слушание"). В ходе занятий и даже заранее ученик мог выучить книгу наизусть и изготовить новую ее копию.

Изучение книги заканчивалось формальной процедурой: учащийся испрашивал и получал разрешение (*иджáзу*) учителя самостоятельно передавать текст книги с соответствующей ссылкой. После этого он мог на законных основаниях цитировать книгу устно и письменно, обучать по ней других. В его ссылке на учителя фигурировали слова "разрешение", "чтение", "слушание" или просто "от" ('ан), но существенным было полученное им от учителя "право передачи" (*хаққ ар-ривáйа*).

При повторении актов обучения по определенной книге образовывалась цепочка ее передатчиков, связанных отношениями учителя - ученика. Каждый передающий, становясь очередным звеном цепочки, был обязан ссылаться не только на своего непосредственного учителя, но и на его предшественников. Соответственно ссылка вырастала в перечень имен, перемежаемых предлогом "от" или более под-

робными указаниями о передаче, т. е. в санад ("опору"), или иснад ("подкрепление"). За годы своей педагогической деятельности учитель "передавал" одну книгу ряду лиц или несколько книг одному или многим лицам; учащийся также мог присоединиться к иснадной цепи передачи разных книг.

"Искатель знания" прорабатывал под руководством учителя одну книгу за другой и на каждую получал иджазу, затем переходил к другому преподавателю или одновременно занимался у нескольких преподавателей. Бывало так, что он совершал учебное путешествие (рихду), после завершения образования в одном месте перебирался в другой город и проходил курс у новых преподавателей по новым книгам; иногда он дважды штудировал ту же книгу. Практиковалось и взаимное обучение: меняясь ролями наставника и ученика, двое читали друг другу разные книги.

Мерилом образованности и авторитета ученого служило количество проработанных им книг и репутация его учителей. Формальные ступени образования не были установлены, как не существовало переходных или выпускных экзаменов и шкалы оценок — опять-таки все зависело от сложности избранных книг и требовательности учителя. Продолжительность обучения не ограничивалась каким-нибудь сроком или предельным возрастом. Даже когда появились школы (мадраса, медресе), их программу составлял набор изучаемых книг. Не были известны и ученые степени. Но примечательно, что именно арабская формула обоснования "права передачи" послужила названием ученой степени бакалавр (от би-хаққ ал-ривāйа)¹⁾ в европейских университетах, развивавшихся на раннем этапе под некоторым влиянием арабских медресе. Вместе с тем известно и несколько иное употребление терминов иснад, ривāйа, иджаза и др.

В период становления арабской литературы, когда памятники устной словесности впервые фиксировались на письме, ссылками на информантов и цепи передатчиков стремились удостоверить хадисы и стихотворения, рассказы и предания, сообщения о фактах и событиях. Рāвийем называли того, кто хранил в своей памяти и исполнял стихи древних арабских поэтов; ривāйа означала версию или редакцию текстов, записываемых от равиев и передаваемых филологами.

Иджаза первоначально имела узкий смысл одобрения, или дозволения авторитетным знатоком передачи хадиса "по предъявлению" ('ард) — по памяти или по записи. Обычай проверять точность, полноту и неискаженность сообщений и словесных произведений через их повторное воспроизведение вслух при передаче от одного лица

другому также был распространен на раннем этапе развития арабской литературы. Одним словом, техника хранения и передачи вербально выраженной информации и соответствующая терминология были выработаны у арабов еще на заре письменности; сами термины прозрачно указывают на то, что они возникли в устной сфере и восходят, очевидно, к бесписьменному обществу доисламской Аравии. Разные виды и сочетания устного и письменного способов передачи знания сложились в VII—IX веках в целую систему, получившую наиболее полное развитие в области хадисоведения. Теоретики хадисоведения различали 6 или 8 способов передачи хадисов: *кирā'a*, *самā'*, *иджаз*, *мунавала*, *мука́таба*, *виджада*, *вафййа*, *накл*.²⁾

Эта система непрерывно эволюционировала и все этапы эволюции нашли отражение в памятниках арабской письменности. Некоторые ее элементы отмирали, другие трансформировались. Наиболее острая перемена произошла, очевидно, в X в.: *иснады* при каждом хадисе и историческом известии исчезли, некоторые виды передачи знания утратили актуальность и т.п. С новой модификацией этой системы мы и встречаемся в книжной традиции.

Также с X в. свидетельство об имевшем место обучении по книге стало письменным документом. Он записывался либо на отдельном листе, либо непосредственно на экземпляре проработанной книги. Документы эти разнотипны: своего рода протоколы учебных заседаний по чтке книг, *иджазы* по поводу конкретных книг, *иджазы* общего типа, которые служили фактически дипломом об образовании. В последних речь может идти о передаче всего собрания сочинений одного автора, более или менее обширного круга сочинений по одной дисциплине или набора книг на разные темы. Документы могут быть краткими и стереотипными или пространными и изысканными. Их составление превратилось в предмет риторических упражнений и порой их ценили за литературные достоинства. Собрание *иджаз* одного учащегося составляет иногда целый том, который начинает циркулировать как отдельная поучительная книга, чаще всего под названием "*Машйахат*" ("Перечень учителей") такого-то. Обоснованность *иджаз* колеблется в широких пределах: то с щепетильной честностью следили, чтобы они точно отражали факты, то откровенно допускали, чтобы они частично и даже целиком были фиктивными.

Самые ранние сохранившиеся документы восходят к концу X в. Садахаддин ал-Мунаджжид³⁾ связывает их появление с рождением медицины, но в самих документах связь с учебными заведениями указывается не всегда. В каждом крупном собрании арабских рукописей

обнаруживается некоторое количество таких документов. Рукописное собрание ИО ИВ АН СССР дает небольшой и потому легко обозримый материал, который, однако, показателен как для типов документов, так и для употребляемых в них формулировок.

В рукописи С 949, которая происходит из г.Эрзинджана (Турция) и поступила в составе Ванской коллекции в 1916 г., мы находим иджазу в конце сочинения "ал-Мугнйй фй ус'ул ал-фикх" - "Исчерпывающий [труд] по основам фикха" Его автор ал-Хаббазй состоял преподавателем медресе ал-Хятунййа в Дамаске и умер в 691/1292 г.⁴⁾ Иджазы на л.ІІІа начинается как самостоятельный текст с обычных вводных формул басмады, хамдалы, славословия шариату, пророку и его сподвижникам и далее гласит:

"А затем. Достойный ученый имам 'Алā'аддйн 'Алибак б. Нұраддйн Хамза, проживающий в богохранном Эрзинджане, - да будет он защищен от бедствия! - прочитал мне полностью основы фикха, называемые «ал-Мугнйй», [труд] поистине исчерпывающий, в соответствии с его названием, принадлежащий ученому имаму, тонкому знатоку, славе общины, истине и веры, именуемому ал-Хаббазй, - да упокоит его Аллах на прохладном ложе. Он прочитал его, изучая и добираясь до истины, исследуя и проникая в тонкости, обсуждая со мной досконально запутанные места, обговаривая в словопрениии трудные отрывки, и просил иджазу на передачу этой книги. Испросив у Аллаха соизволения и помощи, я разрешил ему передавать эту книгу, ссылаясь на меня и соблюдая все требуемые условия. Я ожидал от него, что он помянет меня в добрых молитвах. Писал эти строки бедный раб богатого Аллаха 'Али б. 'Умар ал-Арзинджанйй, - да облегчит ему Аллах достижение целей и приведет его к хорошему концу, - 14 сафара 746 года по хиджре (16.УІ.1345 г.)".

Этот документ можно считать типичным по формулировкам и сообщаемым данным. Он содержит имя получателя, дату выдачи и подпись выдавшего преподавателя; имя автора и название изучаемого сочинения; указание на место и способ обучения, а именно - способ қирб'а, сопровождавшийся диспутом между учителем и учеником (как известно, это характерно для последователей ханафитского мазхаба); требование к обладателю иджазы ссылаться на учителя и соблюдать прочие (неупоминаемые, но известные обоим) условия.

На трех страницах (лл.230б-231б) рукописи С 1040, содержащей "Китāб ал-ба'с ван-нуш'ур", эсхатологическое сочинение Абū

Багра Ахмада б. 'Али ал-Байхаки ал-Хусраугирди (994-1066 г.), помещены лаконичные записи о сама⁶, отдельные для каждой из четырех частей сочинения. Первую часть "целиком как есть слушали" (сами 'а-л-джуз'а куллаху 'ала-л-ваджх) у шейха (т.е. наставника) Абӯ 'Абдаллаха Мухаммада б. ал-Фадла ал-Фарави: читавший ее Абӯ Са'д 'Абдалкарим б. Мухаммад ас-Сам'ани, владелец рукописи Абӯ-л-Касим 'Али б. 'Абдаллах аш-Шайфи ад-Диманки, шейхи Абӯ 'Абдаллах Мухаммад б. Абй-л-Вафй б. Абй-л-Хусайн ал-Мадйни ал-Исфахани, Мухаммад б. Йалтакин б. Ахбар ал-Багдахи, Абӯ-л-Ма'али б. Ахмад б. Мухаммад ал-Исфахани, ал-Хусайн б. 'Али ал-Амули, удостоверивший имена (мусбит ал-асами) Махмуд б. Маймун б.

'Абдаллах ад-Дайуси. Закончивается первая запись датой - джумада I 530 г.х., Нишапур, мечеть ал-Мутарриз. Здесь нет речи об иджазе, но ясно, что каждый из упомянутых слушателей получил ее от наставника; собственно, эта запись и сама равноценна иджазе.

Аналогичные записи повторяются относительно второй, третьей и четвертой частей сочинения; они имеют даты в пределах того же 530 г.х., местом обучения остается та же нишапурская мечеть. Затем следуют записи об учебных заседаниях, состоявшихся в Дамаске в 548 и 552 гг.х. На этот раз учителем выступает то лицо, которое фигурирует в первой записи как владелец рукописи, обучавшийся у ал-Фарави. Перед нами, однако, не та рукопись, по которой велось обучение, а ее копия, которую изготовил Исб б. Сулайман б. 'Абдаллах б. 'Абдалмалик ар-Ру'айни ал-Андалуси ал-Малики в зу-л-ка'де 579/феврале-марте 1184 г.; заодно он скопировал с протографа эти записи-документы. Следовательно, этот андалусец, придерживавшийся маликитского мазхаба, започувил в свои руки (когда приехал в Дамаск учиться?) книгу, которая принадлежала дамаскинцу шафитского мазхаба Абӯ-л-Касиму 'Али б. 'Абдаллаху, который сначала учился по ней на родине автора в Нишапуре, а затем преподавал у себя в Дамаске. Примечательны данные о перемещениях людей в рукописных книг; среди упоминаемых лиц есть одно, впоследствии очень известное своими трудами - ас-Сам'ани из Мерва.

В рукописи В 607, датируемой приблизительно УП/ХШ в., мы опять имеем дело со случаем, когда документ переписан с протографа; это - иджаза, помещенная на л.1а "История Мекки" ал-Азраки (ум. в 244/858г.); речь в ней идет о передаче способом қира'а. Здесь мы находим имя лица, писавшего иджазу - Абӯ-л-Валид ал-Баджи (ум. в 494/1100-01 г.); имя его шейха, которому он книгу

прочитал и от которого получил иджазу — Абӯ-л-Ҳадждад Иӯсуф б.Фатӯх. Далее следует перечень шести человек, через которых эта книга передавалась; последним из них значится автор. Таким образом, право передачи этой книги возводится через два с половиной столетия к самому автору. Подчеркивается, что каждый из них передавал книгу "по праву прочитавшего" (би-ҳаққ қирб'атиҳи). Абӯ-л-Валид утверждает, что получил иджазу не только на эту книгу, а на "все, что он (наставник) сочинил и передавал, на все, что он сам имел право передавать из переписанного и услышанного (т.е. полученного им путем самā' и нақл), на соответствующих условиях". Заканчивается иджаз, не имеющая указания времени и места, словами шейха "я разрешил ему это" и словами получателя "я записал это".⁵⁾

В рукописи В 1382 (на лл. II3а-II5б) находится иджаз, которая не связана ни с рукописью, ни с самим сочинением, а просто выписана откуда-то. Иджазу дает Аҳмад б. Абдалқадир ар-Рифā' и ал-Маккī своему ученику Челеби б. Аджаму Мударрис-заде Кипрскому.

Строение этой иджазы таково: после вводных формул и обычных славословий следует специальное восхваление хадисоведения и иснада (без него "всякий говорил бы, что ему вздумается"). Далее говорится об ученике, который проучился недолго и, пройдя около 20 хадисов из одного сочинения ас-Ҷаганī, просил разрешения передавать все (!), на что сам учитель имел иджазу. "Я согласился, — пишет последний, — стремясь продлить цепочку иснада, которая есть отличительная особенность этой славной общины". Затем он перечисляет своих учителей и приводит иснады "передаваемых" сочинений, восходящие вплоть до их авторов: "Я передаю «Сахīх» ал-Бухārī от своего учителя шейха Ибрāхīма б. Ҳасана ал-Каурбāнī ан-Шахраурī, а он [получил и передает] от своего учителя Сафīаддīна Аҳмада б. Муҳаммада ал-Муқаддасī ад-Диджāнī ал-Мадайнī ал-Ансārī ал-Кашāшī..., «Машāриқ ал-анвар» ас-Ҷаганī — от шейха Ибрахима..., от нафитского муфтия Мекки Зайн ал-Абидīна ал-Маккī, от его отца, от его деда... Высокий санад на «Сахīх» ал-Бухārī я добыл во время путешествия из Истанбула в город Тунис в 1090 году от Аҳмада б. Ҳасана ат-Тўниси ал-Мāлиқī..." Заканчивается иджаз указанием места и времени ее написания: остров Кипр, Тузда, 18 мухаррама 1115/ 4 июня 1703 г.

Довольно поздняя и ординарная рукопись D 499, датированная ХУШ в., содержит обширные комментарии автора XI в. ас-Сарахсī на

сочинение Мухаммада ан-Шайбани (ум. в 189/804 г.) по военному праву. В конце рукописи (л.698 а) переписчик поместил иджазу, которую выдал имам Қадихан своему ученику ал-Ҳасири и которая писана им собственноручно. Она была обнаружена в рукописи - автографе ал-Ҳасири, переписанной в Бухаре на улице ад-Дихфан. Почерк, видимо, был неразборчивым, так как копист читал его неверно и с ошибками.

Фахраддин ал-Ҳасан б. Мансур ал-Узджанди ал-Фаргани (ум. в 592/1196 г.), носивший почетное прозвание Қадихан ("ханский судья") был едва ли не единственным известным ученым, происходившим из г. Узгенда (или Узданда, - нынешнего Узгена в Киргизской ССР), который в течение короткого периода был столицей одной из ветвей династии Караханидов. Составленный им сборник судебных решений и правовых норм "Фатāвā Қадихан" был довольно популярен у правоведов ханафитского мазахаба. Махмуд б. Ахмад ал-Ҳасири (1151-1238) учился в Бухаре, Нишапуре и Халебе, стал преподавателем медресе ан-Нурийа в Дамаске. Очевидно, именно в Бухаре Кадихан преподавал, а ал-Ҳасири учился у него и получил эту иджазу: "Говорит ал-Ҳасан... он [ал-Ҳасири] читал мне много книг, составленных учеными ислама и выдающимися людьми по установлению правил фикха и законам, различению дозволенного от запретного; а именно переданные Мухаммадом [ан-Шайбани] от Абӯ Йусуфа - Абӯ Ханифы «ал-Мабсӯт» и «ал-Джами' ас-сағир» и составленные Мухаммадом «ал-Джами'», «ас-Сийар ал-кабир», «аз-Зийадат» и облегчил Аллах шейху Махмуду [ал-Ҳасири]... прочитать их все, крепко усвоить их..., постичь подлинный смысл и достигнуть ступени, когда он может выносить судебные решения и преподавать (ифта' ва дираса). Он поднялся по лестнице благородства и главенства, да удержит Аллах при нем то, чем его одарил, и сделает ему убежищем рай. Я написал эти строки, надеясь, что он помянет меня доброй молитвой, ибо это - лучшее, что можно просить, и самое ценное, на что можно надеяться".

Подробный текст иджазы мы находим на лл.1146-1216 рукописи В 2158, происходящей из коллекции В.Иванова. Собственно, это еще не иджаза, а ее заготовка, которую составил от своего имени претендент Абӯ-л-Файд Мухаммад б. Мухаммад б. Марданшах ад-Даштпайндӣ, прозываемый Фасйхон ал-Фариси. После обычного введения он переходит к прославлению знания, особенно хадисоведения, и затем - учителя по имени Абӯ Мухаммад б. Мухаммад б. Убайдаллах ал-Қайни ал-Бухари ал-Харави. Похвала учителю служит целям

автохарактеристики и самовозвеличения. "Счастье мусульманам, особенно ученым, что существует такой [человек] как наш наставник, которого аттестовали письменно шейхульислам Самаркандский, заставший его в расцвете жизни, Мухаммад б. Мухаммад ал-Джазари⁶ и Мухаммад б. Джалал ал-'Абди ан-Найсабур⁷ ас-Самарканди; а высокому иджазу ему дал Мухаммад б. Мухаммад б. 'Али ал-Хавэф⁷. Он поселился в деревне Джаграта^н в 813 [1410-11 г.] году и построил там медресе ал-Джалалийа и Дар ал-хадис ал-Джалалийа, стал величайшим знатоком, выпустил книги и "сороковки", назидательные раса'ил и выборки (ихтийарат), сочинил по прочим наукам книги (нусах ва зубур): «Қастамун ал-'улум», «Давами'ан-нахв» ..., «Книгу шахруховых наставлений» в двух томах, которую он сочинил в дар сокровищнице Шахруха, нынешнего султана... Я счастлив, что Аллах удостоил меня находиться постоянно при его превосходстве, сидеть у порога его совершенства; ради него я бросил друзей и страны и служу ему уже 9 лет. Мне удалось за это время прочитать ему и послушать полученные от него книги" (т.е. проработать под его руководством ряд книг способом қирā'а и самā').

И дальше следует огромный список сочинений, которые были им проработаны, с уточнением, когда и где происходили занятия: Нишапур, раджаб 823/июль-август 1420 г.; Зәхир⁸ Герата, раджаб 822 г.; Нишапур, "возле могилы Муслима", джумада II 823 г.; Сабзавар, ша бан 823 г.; Турбат ал-Джам, Мешхед, Бахарз, Байхак и др. "Теперь, - продолжает он, - я жду, когда он по щедрости и милости своей удостоит меня иджазой на все читанное и услышанное и разрешит мне передавать все, что передавали два его учителя, ал-Кирмāни и ал-Джазари" и перечисляет десятки сочинений по кораническим дисциплинам, хадису, грамматике и лексикографии, литературе, поэтике и стилистике. Кроме специальной иджазы на поименованное, он надеется еще на общую иджазу по неназванным наукам, "чтобы я мог передавать от него всю совокупность по праву передачи"; сюда должно войти "все, что он получил посредством қирā'а, самā', мунабвала, иджāза, все что он заучил наизусть, изобрел своим умом, сочинил и сочинит в будущем (!), и прочие (!) хроники, увещания, рассказы и повести, речи, афоризмы, стихи, анекдоты, послания вместе с их иснадами, восходящими к 675 (!) лицам, мужчинам и женщинам... Писал сме нижайший слуга шейха Абӯл-Файд... в зӯ-л-хиджже 828 [октябре-ноябре 1425] г. в Зәхир Герата".

Перечень сочинений, изученных египетским кадием XIV в. Ибн Дхамма⁶ой вкупе с возводящими их к авторам иснадами занимает 84 страницы по 35 строк мелким убористым почерком в рукописи С 2077 (XIX в., лл.16-43а); он озаглавлен "Машйахат қадї-л-қудāt Изаадийа ибн Дхаммā'а" и включает десятки названий трудов по хадису, фикху, тафсиру, богословию, истории, биографиям, филологии, а также - некоторых поэтических произведений.

Рукопись С 2042 (лл.1-100а) содержит собрание иджаз (числом 91), полученных 'Алимджаном ал-Баруди в конце XIX - начале XX вв. в Медине, Казани, Уфе и других местах на право передачи широкого круга сочинений. Ряд отдельных иджаз, полученных среднеазиатскими, дагестанскими и поволжскими "искателями знания" нового времени находится также еще в пяти арабских рукописях ЛО ИВ АН СССР (С 2302, D 332, В 4668, С 2178, С 1330).

Нельзя сказать, что подобные документы полностью игнорировались арабистикой, их наличие отмечалось в ряде каталогов арабских рукописей, иногда их текстуально цитировали, но специальное их изучение началось совсем недавно в работах Ж.Вайды,⁹ Салахаддина ал-Мунаджида и др. Интерес, который они представляют, очевиден. Прежде всего, важны сообщаемые ими конкретные детали: имена людей и названия сочинений, даты, названия географических пунктов и учебных заведений. Этот документальный материал освещает мусульманскую схоластическую традицию изнутри; зачастую он уникален, либо же дает ценные дополнения и параллели к тому, что известно из других письменных источников, и будет безусловно полезен при конкретных исследованиях истории культуры в локально-хронологических рамках. Рассмотрение этих документов, сопровождавших филологическую деятельность, как особого класса текстов, употребляемых в них формулировок, их строения, назначения, способов мотивировки и т.п. станет, очевидно, разделом средневековой арабской дипломатики.

---

¹ R.Y. Ebied, M.Z.L.Young, New light on the origin of the term "Baccalaureate", - The Islamic Quarterly. A Review of Islamic Culture, vol.XVIII, N 1-2, January- July 1974, с.3-7.

² Die Methodik des Diktatkollegs (Adab al-implā' wa'l-istimlā') von 'Abd-al-Karīm ibn Muḥammad as-Sam'ānī, hrsg. von Max Weisweiler, Leiden, 1952; N.Abbott, Studies in Arabic literary papyry. II. Law and Tradition, Chicago, 1971, с.33-64; F.Sezgin,

Geschichte des Arabischen Schrifttums, Bd.I, Leyden, 1967, с.53-60.

3) Салахаддин ал-Мунаджид, Иджазат ас-самâ' фй-л-махтутât ал-'арабийя, - Маджаллат Ма'хад ал-махтутât ал-'арабийя, I, 1955, с.232-251.

4) С. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, Bd.I, Weimar, 1898, с.382, N 48, 1.

5) Арабский текст иджазы приведен В.Р.Розеном в его каталоге: Notices sommaires des Manuscrits arabes du Musée Asiatique, 1-re livraison St.-Petersbourg, 1881, с.89.

6) Он был увиден Тимуром из Брусы в 1402 г. после победы над Баязидом и жил при Тимуре и Шахрухе в Самарканде, ум. в 833/1429 г. в Ширазе (В.В.Бартольд, Сочинения, т.П, ч.2, М., 1964, с.66 и 122, прим.14).

7) Он был первым мударрисом в медресе, основанном Улугбеком в Самарканде и умер в 845/1441 г. (В.В.Бартольд, там же, с.126).

8) Речь идет о каком-то поселении в пригороде г.Герата.

9) G.Vajda, Igâza, - Encyclopaedie de l'Islam, NE, III, G.Vajda, Les Certificats de Lecture et de Transmission dans les Manuscrits Arabe de la Bibliothèque nationale de Paris, Paris, 1957.

Вл.В.Полосин

О ПОДГОТОВКЕ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕАРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Для изучения доисламской Аравии мы располагаем весьма скудными эпиграфическими и археологическими материалами. Поэтому особенно большое значение имеет изучение древнеарабской поэзии - важнейшего и авторитетного свидетельства о многих сторонах жизни населения Аравийского полуострова, причем происходящего именно из этого региона, что позволяет нам взглянуть на Аравию глазами самих арабов.

Поэзия древней Аравии является предметом изучения уже не один век, однако понимание ее вызывает большие трудности и сейчас. Причин этому много. Главные затруднения обусловлены своеобразием мышления, особенностями мировоззрения доисламских поэтов, живших в родовом обществе, а также богатством и разнообразием лексики. Эти затруднения возникли и для самих арабов уже через 100-200 лет после создания стихов. На произведения древнеарабской

поэзии было написано немало лексикологических комментариев и толкований, зачастую противоречащих друг другу. Тем большие трудности представляет понимание ее для современного человека, отделенного целыми историческими эпохами от времени, когда эти стихи были созданы. За это время стали непонятными многие запечатленные в них обычаи, традиции, культурно-исторические реалии жизни доисламских арабов.

В настоящее время существует надежная база для изучения древнеарабской поэзии. Европейские арабисты опубликовали критические издания многих текстов, проделали большую работу по изучению отдельных сторон жизни этого периода. В последнее время широко развернулись исследования в этой области и на самом Арабском Востоке. Арабские ученые, усвоившие, хотя и в разной степени, опыт, методику и принципы европейской текстологии, издали ряд новых поэтических диванов, привлекли новые рукописи для переиздания диванов уже известных. Несмотря на ряд недостатков, их труды являются значительным вкладом в общую работу.

Предпринимались попытки создать словарь языка доисламской поэзии. В 1883 г. Ф.Хоммель объявил о том, что готовит такой словарь, и с этой целью уже проработал ряд диванов, муаллаки, часть "Хамасы" и др. Однако его работа не была завершена.

В 1891 г. был опубликован словарь к муаллакам, составленный Абелем. В предисловии составитель писал, что это — первый из намечаемых им словарей, на основе которых можно будет в дальнейшем составить полный словарь древнеарабской поэзии. Однако словарь к муаллакам имел много недостатков, вызванных, в частности, тем, что составитель в недостаточной степени использовал для сравнения и уточнения значения слов другие поэтические произведения, а также материал культурно-исторического характера. Это вызвало критические замечания ряда крупных арабистов (напр., де Гье, Якоб), и другие словари так и не появились.

При изучении древнеарабской поэзии к ней подходили как к чему-то целому, единому для всей доисламской Аравии с точки зрения лексики, реалий, системы образов, поэтических приемов. Отсюда вытекал и принцип составления словарей и глоссариев к отдельным сборникам поэтических произведений, например, "Муфаддалиийат", "Хамаса" Абу Таммама, "Нака'ид Джарир ва-л-Фараздак". Не отрицая значения этой работы для своего времени, следует заметить, что такой подход представляется неоправданным, поскольку в этих сборниках представлены стихи разных поэтов из разных племен, живших

в разное время и в разных регионах и объединенных вместе по случайным признакам. Поэтому эти словари и глоссарии не могут дать сколь-либо адекватной картины определенного слоя языка.

Уже отмечалось (Фрейтаг, Броккельман, Рабин), что богатство лексики арабского литературного языка объясняется тем, что в него влились слова из многих племенных диалектов. Доисламская Аравия жила родоплеменным строем, и это определяло содержание ее истории и культуры. Поэзия обслуживала интересы отдельного племени, отражала его жизнь, быт, реалии, конкретное окружение, события его истории, внутри этого племени она хранилась и изустно передавалась. Когда первые арабские филологи начали запись доисламских стихов, они существовали именно как племенные, и запись происходила в форме племенных диванов. Ал-Амиди (ум. 980-981) в "ал-Му'талиф ва -л -мухталиф", например, упоминает 60 диванов племен. К сожалению, до нас дошел всего один такой диван - племени Хузайл.

Особенностью предлагаемого подхода к составлению словаря является именно изучение доисламской поэзии по племенам. Кроме того, изучение лексики предлагается вести не столько в лингвистическом или лексикологическом плане, сколько прежде всего в культурно-историческом. Для раскрытия понятий кроме самих стихов необходимо привлечь сведения о доисламской Аравии, содержащиеся в арабских источниках, а также археологический, эпиграфический и этнографический материал, фиксирующий реалии, понятия и представления из области социальной жизни, психологии, идеологии. В качестве примера такого типа работ можно назвать труды Якоба об аш-Шанфаре и муаллаках. Именно такой подход, основанный на анализе историко-культурной семантики лексики, понятий, которыми оперировала древнеарабская поэзия, позволит найти наиболее адекватные варианты передачи значений слова в словаре.

Таким образом, предлагаемая работа будет состоять из двух частей:

1. Свод поэзии отдельно взятого племени.
2. Словарь к своду.

При составлении каждого свода необходимо прежде всего учесть всех известных поэтов данного племени и собрать все принадлежащие каждому поэту (или приписываемые ему) стихи, дошедшие до нас. Свод этот будет оформлен в виде племенного дивана. Стихи в диване будут группироваться по поэтам с соблюдением хронологического принципа, насколько это будет возможно.

В диван следует также включать стихи так называемых "мухадрамов" — поэтов переходного периода от язычества к исламу, — в целях фиксации изменений в содержании понятий под влиянием ислама и перемен в социальном устройстве Аравии, а также появления новых понятий.

Следующим этапом работы будет составление словаря на основе сплошной росписи текста. В основу словаря будет положена корневая система с алфавитным расположением корней. Каждое значение приводимого слова будет иметь точную отсылку к тексту, в нужных случаях документировано отсылкой к научной литературе. При необходимости будет приводиться контекст или параллели из стихов других поэтов других племен.

Очевидно, имеет смысл отмечать частотность употребления каждого значения, что в дальнейшем позволит более определенно решать, принадлежит ли то или иное слово к основному лексическому запасу племени, или же заимствовано из языка других племен. Конкретная форма словаря и его построение еще подлежат уточнению.

Такого рода работу предлагается проделать для всех племен. Повидимому, это наиболее плодотворный подход к изучению древнеарабской поэзии. При таком подходе работа выполняется поэтапно. На каждом этапе будет создан словарь языка одного определенного племени, и, как таковой, он будет иметь самостоятельное значение и может быть введен в научный обиход. В рамках словаря языка племени или параллельно с ним могут быть созданы и словари языка отдельных крупных поэтов.

После окончания работы все словари, вместе взятые, отразят лексический запас и круг понятий, которыми оперировали доисламские поэты (естественно, в той части, которая дошла до нас).

Этим не ограничивается значение предлагаемой работы. Дифференцированное исследование языка древнеарабской поэзии позволит уточнить вопрос о сложении арабского литературного языка из племенных диалектов, и определить место каждого племени в этом процессе.

Возможно, удастся определить черты, присущие только поэтам данного племени и отсутствующие в других племенах, круг лексики, характерный для этого племени. В этом случае появится возможность определить племенную принадлежность поэтов, у которых она не ясна, и которые поэтому не были использованы при составлении племенных диванов и словарей к ним. Возможно, удастся также точнее определить авторство ряда стихов, анонимных или приписываемых

ных разным авторам, а также время создания стихов.

Создание племенных диванов и их изучение позволит, очевидно, решать вопрос и о подлинности стихов, дошедших до нас. И.Ю.Крачковский писал: "однотипность стиля в произведениях является таким же важным аргументом в пользу подлинности, как и однородность словаря в круге родственных племен и поэтов"¹⁾

Подготовка такого рода словарей, охватывающих всю древне-арабскую поэзию, позволит на новом уровне подойти к проблеме составления словаря к крупнейшему памятнику арабского языка - Корану, и подготовке его нового перевода.

Эти словари послужили бы основой для развертывания историко-культурных исследований широкого круга вопросов, связанных с до-исламской Аравией.

---

¹⁾ И.Ю.Крачковский, Избранные сочинения, т.П, М.-Л., 1956, стр.291.

В.А.Лившиц

ПРАВИТЕЛИ ПЕНДЖИКЕНТА УП - начала УШ в.

Начало изучения истории древнего Пенджикента связано с именем И.Ю.Крачковского: его исследование арабского документа, обнаруженного в крепости на горе Муг, воссоздало ход событий, которые привели в 722 г. к гибели Деваштича, последнего правителя Пенджикента.¹⁾ Археологические и нумизматические материалы из раскопок городища Пенджикент в сопоставлении с данными согдийских документов с горы Муг и арабских источников позволяют установить основные этапы истории Пенджикентского владения (согд. Pnc=Paпc̄). Первые шаги в этом направлении были сделаны О.И.Смирновой; особенно важны ее публикации и исследования согдийских монет.²⁾

Трудности чтения текстов, начертанных согдийским курсивным письмом, в том числе и надписей на монетах, вызывают необходимость тщательной проверки предложенных интерпретаций. Уточнение чтений монетных надписей, новые толкования некоторых контекстов мургских документов и привлечение новых источников дают возможность составить более четкое представление о политической истории Пенджикентского владения, в частности, установить имена, этничес-

кую принадлежность и последовательность его правителей.

Древний Пенджикент, судя по археологическим данным, возник в V в. н.э. и прекратил свое существование в конце VIII в. Монеты правителей Пенджикента точно известны лишь со второй половины VII в.; тип монеты, легший в основу пенджикентских эмиссий (бронзовая литая, с отверстием в центре), с середины VII в. представлен в Самаркандском Согде, а также в Бухарском оазисе (Пайкент), Хуттале, долине Вахша, в Семиречье и Ферганской долине (Кува).

I. Первым пенджикентским правителем, имя которого засвидетельствовано на монетах, был Гамаукйан (или Хамаукйан): рпсу MR'Y $\gamma^m'wky'n$ "правитель Панча Гамаукйан". Такое чтение представляется более правильным, чем предложенное О.И.Смирновой рпсу MR'Yn 'm'wky'n "афшии Панча Амогйан".³⁾ Идеограмма MR'Y//MR'Y соответствует согд. $\gamma^w\beta^w$, $\gamma^w\beta$ "государь" и $\gamma^w t^w$ "государь, правитель". Варианта MR'Yn в согдийской письменности вообще не существовало; не представлен в согдийских памятниках и титул $at\beta'in$.⁴⁾

Имя $\gamma^m'wky'n$ - согдийское, в первой его части содержится, вероятно, название божества, во второй - $=y'n$ "милость, дар", компонент, известный по многим согдийским теофорным и нетеофорным именам ("дар божества $\gamma^m'wk'$?").⁵⁾ Монеты показывают, что Гамаукйан был непосредственным предшественником Бильги, последний же, как мы увидим ниже, правил не менее 15 лет, вероятно, до 709 г.; это позволяет относить правление Гамаукяна ко второй половине (70-80-е гг.) VII в.

2.I. Монеты Бильги имеют надпись: рпсу MR'Y $\beta^w k'$, $\gamma^w\beta$ "правитель Панча государь Бильге" [О.И.Смирнова видит здесь $\gamma^w\beta$ рпсу MR'Y $\beta^w d^w y'n$ или $\beta^w d^w k'n$ "господин афшии Панча Бидйан (или Биджан)", считая началом круговой надписи слово $\gamma^w\beta^w$.⁶⁾ Этот правитель упоминается в согдийском мугском документе В-8,⁷⁾ причём здесь представлена полная форма имени - Чекий=чур Бильге ($sk^w y n swt \beta^w k'$); сын Бычута ($ruswt$), не оставляющая сомнений в его тюркском происхождении.

Написание $\beta^w k'$, с β = для передачи тюркского взрывного b = (Bilgä), рядом с $ruswt$ (тюрк. $Bi\check{c}ut$?) в док. В-8, объясняется нерегулярностью согдийской орфографии. Позднее, с IX в., тюрк. $Bilgä$ передавалось в согдийских памятниках написанием $ru\check{c}k'$, которое соответствует уйгурской письменной норме, однако и в этот период была возможна передача тюрк. b = через β = - ср., например, согд. $\beta^w d^w yz^w k$ из тюрк. $bediz$ "резьба, орнамент, изображение".⁸⁾

Из трех компонентов имени Чекин=чур Бильге - собственно имени, титула и почетного эпитета - основным был последний (явление, хорошо известное в древнетюркской ономастике), так что отождествление Бильге в надписях на монетах = Чекин=чур Бильге в док. В-8 можно считать вполне надежным.

2.2. На согдийских монетах представлены, как правило, краткие варианты титулов правителей. Показательны в этом отношении самаркандские монеты, на которых фигурирует лишь титул MLK' "царь" (идеограмма для согд. 'γ βуwn'k), тогда как официальным полным титулом, известным по мугским документам, был $\beta\gamma\omega\delta\kappa$ MLK' sm'rkndδс MR'Y "согдийский царь, самаркандский правитель". В док.В-8, датированном 15-м годом правления Чекин=чур Бильге, приведена его полная титулатура: $\beta\gamma\tau\kappa$ MLK' rncy MR'Y " $\beta\gamma\tau$ -ский царь, правитель Панча". Структура этого титула показывает, что в $\beta\gamma\tau\kappa$ следует видеть прилагательное, образованное от названия области $\beta\gamma\tau$. В первом издании док.В-8 идентифицировать это название мне не удалось.⁹⁾ И.Гершевич предложил связать $\beta\gamma\tau$ с усрушанским городом Фагкет, $\text{Fa}\gamma\kappa\alpha\delta/\text{Ma}\gamma\kappa\alpha\delta$ (فككت، وعت) арабских географов, полагая, что $\text{Fa}\gamma\kappa\alpha\delta$ может отражать согд. * $\beta\gamma\tau=k(n)\delta$, с первоначальным значением "город округа $\beta\gamma\tau$ "¹⁰⁾.

Однако такое толкование топонима $\beta\gamma\tau$ противоречит географическому положению Фагкета, который находился к северу от Бунджикета (столица Усрушаны), по дороге в Ходженд.¹¹⁾ Между тем, нет никаких оснований для объединения этой - северо=восточной - части Усрушаны с Пенджикентским владением. Судя по мугским документам, на востоке в состав этого владения входили лишь селения, расположенные к югу от Туркестанского хребта, по обоим берегам Верхнего Зеравшана. Для X в. арабские географы отмечают, что Пенджикентский рустак граничит с Усрушаной, но никогда не относят к нему, как и к Самаркандскому Согду в целом, северные районы Усрушаны.

Более вероятным представляется отождествление области $\beta\gamma\tau$. с рустакom بختان или بندان - название, которое можно видеть в написании بغان в рукописях персидской версии сочинения ал=Истахрй. После описания 12 рустакoв Самаркандского Согда персидская версия добавляет: "А рустак بغان прежде относился к податным округам Самарканда, а во времена Афшина [т.е. афшина Хайдара, между 825 и 840 гг.] его перевели в податные округа Усрушаны".¹²⁾ Такое же добавление, как указал мне О.Г.Бо-

льшаков, имеется в каирской рукописи "алиф" арабской версии ал-Истахри, но текст испорчен.¹³⁾

Если согласиться с предложенным чтением **بنستان**, то форма **Вагт/дāп** может быть объяснена как обычное для названий областей образование с суффиксом =āп от согд. **βγт=** (ср. варианты **Вадахъ/Вадахъāп**, **Xuttal/Xuttalāп** и др.). Предлагаемое отождествление **βγт - *Вагт/дāп** является, конечно, не более чем гипотезой. Но в любом случае ясно, что при Чекин=чуре Бильге, в конце УП - начале УШ в., а возможно и раньше, уже при Гамаукйане, Панч составлял часть более обширного **βγт=** ского владения, правитель которого носил титул **МЛК'** "царь". В мугских документах, датированных годами правления Деваштича, **βγт=**ское царство уже не упоминается.

3.1. Согдиец Деваштич, сменивший около 709 г. Чекин=чуря Бильге, был сыном Йодхшетака (**δωυ*βγтс уωδ*γ βγтк ВРУ** - мугский документ В-4).¹⁴⁾ Пенджикентский престол, таким образом, не переходил от отца к сыну. Известные нам три правителя Пенджикента - Гамаукйан, Бильге и Деваштич - не были, очевидно, и родственниками, поэтому нет оснований говорить о "пенджикентской династии".¹⁵⁾

Генеалогическое предание, приведенное у ас=Сам^Сāпī, Якута и в нескольких более поздних арабских и персидских источниках, связало Деваштича со знатным хорасанским родом Микаля (**میکال**), из которого в IX-XV вв. вышло немало выдающихся военачальников, чиновников и литераторов, а также с династией Сасанидов.¹⁶⁾ Эта генеалогия, очевидно, легендарна, однако примечательно, что в ней между сасанидом Перозом (**Фйрӯз**) и Деваштичем (**Дивбстй**) помещен "царь Чур" (**ملك شور**) - речь идет, несомненно, о Чекин=чур Бильге.

Имя Деваштич (**Дәвәштіч**), буквально значащее "ведомый дайвами", отражает очень древнее, восходящее еще к арийскому периоду представление о **daiva** = богах (а не о дэвах-демонах). Сходные по происхождению имена известны в УП-IX вв. в Согде и в Усрушане, их продолжали иногда носить и обращенные в ислам (например, усрушанец **Абӯ=с=Сāдж Дивдад б. Дивдаст**);¹⁷⁾ не сменил своего имени после принятия ислама и Деваштич. Лишь много позднее у арабских лексикографов, сохранивших сведения о Деваштиче, его имя было переосмыслено как "дэвовское"; так, в "Тāдж ал-'Арӯс" аз=Забидй (конец ХУП в.) о Деваштиче сказано: "Имя его по-персидски - **دیواشتی**, значение [имени] - выражение **مع الجن** ("с джинном")."¹⁸⁾

Благодаря своду ат-Табарӣ и мугским документам о Деваштиче известно больше, чем о любом другом среднеазиатском правителе УШ в. И все же очень многое о его деятельности, отношениях с арабами, его роли в движении согдийцев 720-722 гг. остается неизвестным.

Из арабского письма с горы Муг известно, что на полечении Деваштича находились два сына самаркандского царя Тархуна, умершего в 710 г. Это обстоятельство, по-видимому, было одной из причин претензий Деваштича на самаркандский трон. В Самарканде с 711 г. правил Гурак. После завоевания Самарканда в 712 г. Кутейбой б. Муслимом Гурак вынужден был перенести свою резиденцию за пределы города (в Иштихан?), однако он был официально признан арабами царем Согда (самаркандский договор 712 г.) и выпускал самаркандскую монету с надписью 'wyrk MLK' "царь Гурак". Он оставался царем Согда вплоть до 737 или 738 г.

В мугских документах Гурак вообще не упоминается. Из этих же документов, как впервые отметил А.А.Фрейман,²⁰⁾ выясняется, что Деваштич в течение по меньшей мере двух лет носил титул "согдийский царь, самаркандский правитель". Этот титул представлен в двух датированных мугских документах, в том числе, что особенно важно, в юридическом документе В-4.²¹⁾ Этот же титул фигурирует в нескольких мугских письмах, не имеющих дат; так титулуют Деваштича и в письме I.I, продиктованном эмиром 'Абд ар-Рахмāном б. Субҳом, доверенным лицом наместника Хорасана (имя последнего в письме не упоминается).²²⁾

Однако нет никаких доказательств тому, что Деваштич действительно был царем Согда - одновременно с Гураком ("двоевластие") или сменив его на какое-то время. Показательно, что среди многочисленных находок самаркандских монет нет ни одной с именем Деваштича. Можно поэтому полагать, что титул "согдийский царь, самаркандский правитель" был не более чем претензией Деваштича, разделявшейся в определенные годы не только его пенджикентским окружением (а также, вероятно, другими согдийцами, недовольными политикой Гурака), но и арабской администрацией (письмо I.I).

3.2. Датированные мугские документы показывают, что Деваштич был правителем Пенджикента не менее 14 лет. Если считать 14-й год последним годом его жизни, то начало его правления следует относить к 709 г. (Деваштич погиб летом 722 г.). Остается

неясным, входят ли в эти 14 лет по меньшей мере два года, когда его титуловали "согдийский царь, самаркандский правитель". Особенно много споров вызывает вопрос о том, к какому периоду следует относить эти два (?) "царских" года.²³⁾

Попытки относить письмо I.I к 720 или 721 г. на основе упоминания в нем 'Абд ар=Рахмāна б.Субхā, который в хронике ат=Табарī впервые появляется под 720/721 г. (102 г.х.), не кажутся убедительными, поскольку это лицо могло действовать в Согде и раньше.²⁴⁾ Значение письма I.I не было до сих пор оценено должным образом. Из этого письма выясняется, во=первых, что 'Абд ар=Рахмāн был уполномочен наместником Хорасана следить за действиями Деваштича, а потому находился в пределах Самаркандского Согда (скорее всего - в Самарканде). Во=вторых, что "согдийский царь, самаркандский правитель" Деваштич был обязан в случае отправки писем наместнику Хорасана незамедлительно отправлять их копии 'Абд ар=Рахмāну, что указывает, очевидно, на недоверие, которое питала арабская администрация к Деваштичу и, одновременно, на явно унижительный контроль над ним. Наконец, в=третьих, что обстановка в Согде в период составления этого письма была настолько беспокойной и сложной для арабов, что сам эмир Хорасана предпочел прибегнуть к услугам двух согдийских жрецов - как сказано в письме, "искренних друзей эмира", - чтобы передать через них устное послание Деваштичу. Но надежной даты это письмо все же не имеет.

3.3. Более перспективным представляется мне уточнение времени составления письма A-I4 - донесения "согдийскому царю, самаркандскому правителю" Деваштичу от его посла.²⁵⁾ В этом письме содержатся упоминания о посланиях Деваштича, адресованных правителям Чача, ферганскому царю и тюркскому кагану, а также сведения о положении в соседних с Чачем областях, где, как явствует из письма, арабы потерпели поражение и вынуждены были заплатить выкуп.

В издании этого письма я предположительно отнес его к периоду между концом 712 и началом 715 гг., полагая, что речь в нем идет о походах Кутейбы в Чач и Фергану.²⁶⁾ О.И.Смирнова, основываясь прежде всего на том, что Деваштич в письме A-I4 носит тот же титул, что и в письме I.I, датирует его периодом между 719-722 гг.²⁷⁾

Обращение к "Китāб футūх ал=булдāн" ал=Балāзурī позволяет более надежно датировать письмо A-I4. По сообщению ал=Балāзурī,

наместник Хорасана ал-Джаррāх б. Абдаллах "послал Абдаллаха б. Ма'мара ал-Йашкурī в Мавераннахр, тот углубился во вражескую страну и думал вступить в Китай, [но] его окружили турки, он заплатил им выкуп, спасся и прибыл в Шаш".²⁸⁾ Наместничество ал-Джаррāха приходится на конец 717 - апрель 719 гг.; поход, о котором сообщает ал-Балāзури, можно отнести скорее всего к 718 или к началу 719 г.²⁹⁾

Если письмо А-14 датировать 718 г. и считать, что Деваштич носил титул "согдийский царь, самаркандский правитель" только в течение двух лет, то эти годы будут приходиться либо на 718-719 (или 717/18-718/19), либо на 717-718 (соответственно 716/17-717/18).

3.4. Можно полагать, что арабы решили поддерживать претензии Деваштича на царский престол после того, как им стало известно о письме Гурака китайскому императору с просьбой о военной помощи против арабов. Это письмо было написано в 718 г. (вероятно, во второй половине года), между 24 февраля и 25 марта 719 г. оно было доставлено в Китай.³⁰⁾ Настроения Гурака не могли оставаться тайной для местной арабской администрации - о превосходно организованной осведомительной службе у арабов, как, впрочем, и у всех сторон, участвовавших в дипломатической и военной борьбе этого периода, можно судить и по арабским источникам, и по мугским документам.

Времена грозного Кутейбы миновали: в 718-719 гг. арабы не решились свергнуть Гурака с престола. Естественным поэтому было их стремление заручиться союзом с Деваштичем, соперником Гурака, и поддержать его "царские" претензии.³¹⁾ Но этот союз не мог быть прочным. Деваштич вряд ли годился на роль главы арабофильской партии согдийской аристократии. В течение нескольких лет он, как можно судить по мугскому письму В-17,³²⁾ поддерживал тесные связи с турками - основной силой, которая в конце второго десятилетия УШ в. могла противостоять арабам в Средней Азии. Из письма А-14 выясняется, что и после принятия царского титула Деваштич продолжал вести переговоры с каганом, ферганским царем и чачским государем.

В 720-722 гг. Гурак не решился поддержать восставших согдийцев. Искусная дипломатия арабов и на этот раз позволила им одержать победу. Одной из жертв этих событий оказался Деваштич. Он не был руководителем восстания и не участвовал в переселении согдийцев в Ферганскую долину - центральном эпизоде этого вос-

стания. С группой пенджикентцев Деваштич ушел на восток и укрылся в принадлежавшем ему горном замке Апаргар (ныне Қал'а-и Мур). Участие бухарцев и хорезмийцев в отряде Сулеймāна б. Абӯ-с=Сарри,³³⁾ осадившем последнее убежище Деваштича, красноречиво свидетельствует о главной причине неудачи движения 720-722 гг. - отсутствии единства. История повторилась вновь: Деваштич с полным правом мог бы адресовать Сулеймāну слова Гурака, так разгневавшие десятью годами раньше Кутейбу: "Ты сражаешься со мной с помощью моих братьев и людей моего дома - не=арабов (المسلم)".³⁴⁾

3.5. Среди многих загадок, связанных с Деваштичем, одна из наиболее примечательных - отсутствие монет с его именем, не только самаркандских, но и выпускавшихся в Пенджикенте. Помимо монет Гамаукйана и Бильги к эмиссиям правителей Пенджикента принадлежат еще только монеты, имеющие надпись $\text{pncu nnd}\beta\text{'m}rnh$, вариант (более частый) $\text{pncu nnd}\beta\text{'p}rnh$. В первых публикациях этих монет О.И.Смирнова избрала чтения $\text{pncu 'd}\beta\text{'m}rnh$ "Панча верховная царица" и $\text{pncu 'd}\beta\text{'p}rnh$ "Панча верховная госпожа" (или "Панча превосходительная госпожа госпож", "Панча старшая супруга") и относила монеты к выпускам двух безымянных "цариц", которые, по ее мнению, могли править в Пенджикенте либо после Деваштича (после 722 г.), либо еще до Деваштича.³⁵⁾ Позднее О.И.Смирнова уточнила чтение надписей, предложила понимать $\text{pncu nnd}\beta\text{'m}rnh$, $\text{pncu nnd}\beta\text{'p}rnh$ как "Панча госпожа Нана", а сами монеты считала храмовыми, отражающими культ богини Наны (Анахиты), почитаемой в Пенджикенте.³⁶⁾ Сходное толкование этих монет предлагал В.Б.Хеннинг, который сопоставил $\text{nnd}\beta\text{'m}rnh$ с $\text{Nnd}\beta\text{'mbn}$ "Нана госпожа" - обозначением богини Наны в одном согдийско=маньчжурском фрагменте.³⁷⁾

Стратиграфия монетных находок на городище Пенджикент показывает, что рассматриваемые монеты выпускались непосредственно после монет Бильги,³⁸⁾ а потому должны относиться к правлению Деваштича. Предположение о выпуске храмовых монет в Пенджикенте кажется весьма странным: такие монеты в Согде, как и вообще в Средней Азии, а также в Иране, неизвестны. Весьма сомнительны и гипотезы о Нане как богине города Пенджикента.

Более вероятным представляется толкование надписи $\text{pncu nnd}\beta\text{'m}rnh/\text{nnd}\beta\text{'p}rnh$ "Нана госпожа Панча" как обозначение имени и титула старшей жены правителя Пенджикентского владения. Деваштич, вероятно, не хотел выпускать пенджикентские монеты со своим именем - он претендовал на самаркандский трон, а скромный

титул "правитель Панча" на его монетах мог бы быть понят как отказ от этих претензий. Выход был найден в выпуске монет с именем и титулом его старшей жены.

4. Если согласиться с соображениями, изложенными выше, то таблица правителей Пенджикентского владения будет выглядеть так: 39)

	Монеты	Мугские документы	Даты
Гамаукийан	рпсу MR'Y ʒ'm'- wky'n "Правитель Панча ʒāmāikuān"	—	≈ до 694
Чекин=чур Бильге	рпсу MR'Y βyлк'' ʒwβ "Правитель Панча государь Bilgä"	βʒтык MLK' рпсу MR'Y ск'yn swr βyлк'' "Багдский царь, правитель Панча Çekin=çur Bilgä"	≈ 694-708
Деваштич	рпсу nn δβ 'mрnh/ nn δβ'pnpwh "Нана госпожа Панча" (имя и ти- тул старшей жены)	рпсу MR'Y δyw'- ʒтыс "Правитель Панча Δēwāʒtič" (не менее двух лет - 718-719 ? - носил титул ʒwδyк MLK' sm'rkndc MR'Y "согдийский царь, самаркандский правитель")	≈ 709 - лето 722

1) В.А.Крачковская и акад. И.Ю.Крачковский, Древнейший арабский документ из Средней Азии. "Согдийский сборник", Л., 1934, с. 52-90.

2) О.И.Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949-1956 гг.), М., 1963.

3) В качестве вариантов чтения имени предлагались также 'm'wky'n, sm'wky'n, см. Каталог, с. 12, 91, а также О.И.Смирнова, Монеты древнего Пенджикента, - МИА, 66, М.-Л., 1958, с. 248. Сомнения в чтении 'm'wky'n (согласно О.И.Смирновой,

из скр. amogha= "непогрешимый" и согд. =уān "милость") см. уже у W.B.Henning, A Sogdian god, - BSOAS, XXVIII, 1965, с. 252, прим.68.

4) См. В.А.Лившиц, Согдийские документы с горы Муг. Вып.П: Юридические документы и письма, М., 1962 (далее в сокращении: СДГМ П), с.50. Вариант МГУ' является чисто графической деформацией идеограммы MR'Y (арам. mr'yu "мой господин"). В согдийской надписи IV в. на серебряном блюде из собрания Гос.Эрмитажа (Я.И.Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл.ХХУ, № 53) представлен еще один вариант этой идеограммы: МУ'R š'w c's'nn'βс Ш Ш Ш ХХ Х стук "Государь Шав (šaw) чачский, [Вес] 39 статов". Надпись впервые устанавливает раннюю дату согдийских поселений в Ташкентском оазисе (с's'nn'βс, букв. "относящийся к народу Чача", композит или, скорее, слитное написание сочетания - резчик надписи был не в ладах с согдийской орфографией, о чем свидетельствует также необычный порядок цифровых знаков). О прежних попытках чтения этой надписи см. В.А.Лившиц, В.Г.Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, - ВДИ, 1964, № 3, с. 170-172.

5) Менее вероятным кажется толковать это имя как Gāmaikuān "богатый дар", ср. согд. γ'm= "богатство" в γ'mkyn "богатый" (для типа сложения Gāmaikuān - суффиксальное прилагательное + существительное - ср., например, 'srn'yunkwsk "имеющий железный клюв"; о суффиксе прилагательных =āuk см. I.Gershevitch, GMS §§ 386, 1076-1077). О согдийских именах с =уān, имеющих в первой части прилагательное, см. D.Weber, Zur sogdischen Personennamengebung, - IF, 77, 1972, Ss.200-203.

6) Каталог, с. 12, 16-17, 102.

7) СДГМ П, с. 45-53. Ср. новое издание этого документа: I.Gershevitch, Sogdians on a Frogplain. "Mélanges linguistics offerts à E.Benveniste", Paris, 1975, с. 195-211.

8) Парижский текст Р 3, строки 179-180: ZY /z/Kw 'sp'ytk cntn'yun'k k'p βδ'uz'k s'št 'krty "и на шаблоне (k'p = тюрк. кер) из белого сандала нужно сделать орнамент" (ср. также строки 195-196). В издании (E.Benveniste, TSP, с. 67-68, 197-198) значения слов k'p и βδ'uz'k остались непонятыми; ср. также SCE, изд. D.N.MacKenzie, с. 39.

9) СДГМ П, с. 49; ср. также О.И.Смирнова, Очерки из истории Согда, М., 1970, с. 109.

10) I.Gershevitch, Sogdians on a Frogplain, p.206.

11) Истахрӣ (BGA I), 326, 343; Ибн Ҳауқаль (BGA II), 379, 404; Муваддасӣ (BGA III), 265.

12) Ал-Истахрӣ, Масълик ва мамълик, изд. Ирадх Афшара, Тегеран, 1340/1962, с. 253¹³⁻¹⁵; BGA I, 323, прим. b; BGA II, 373, прим. p ; ср. также С.Волин, К вопросу о замке на горе Муг, - "Труды Тадж. базы АН СССР", IX, М.-Л., 1940, с. 32, прим. 2 . Ирадх Афшар в издании персидской версии ал-Истахрӣ исправляет рукописей на **بغان** (Yaḡān), однако такая конъектура более чем сомнительна: она основывается лишь на сопоставлении с названием горы **بغان** на северо-восточных границах Иштихана, упоминаемой в стамбульской рукописи текста Ибн Ҳауқалья (в лейденской рук. - **بعاث**), см. BGA², I-II (Ибн Ҳауқаль, изд. J.Н.Крамers), с. 500.

13) Al masalek wal mamalek by Istakhry re-edited by Muh. G. Abd al Aal el Hini, Cairo, 1961, с. 171, прим. 4.

14) СДГМ II, с. 56-57, 59.

15) Ср. О.И.Смирнова, Каталог, с. 16.

16) Сведения источников о доме Микаля детально исследованы в работах: М. Shafi^c, The Sons of Míkál, - "Proceedings of the Idárá-i-ma'árif-i-islámia", Lahore, 1 st Session, 1933, с. 107-168; С.Нафиси, Комментарий к изданию "Та'рих-и Мас'ӯдӣ" Байхақӣ, т. III, Тегеран, 1332/1963, с. 969-1008 (на перс. яз.).

17) W. B. Henning, A Sogdian god, с. 253 сл.

18) Tādǰ al-ʿArūs, т. III, Каир, 1306 г. х., с. 319.

19) Так читать вместо 'wǰ'rk MLK' у О.И.Смирновой, Каталог, с. 74.

20) А.А.Фрейман, Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, - "Труды ИВ АН СССР", ХУП, Л., 1936, с. 137-165; ср. также СДГМ II, с. 63-64.

21) СДГМ II, с. 53-63.

22) Издания письма: СДГМ II, с. 108-114; М.Н.Боголюбов, О.И.Смирнова, Согдийские документы I.1 и 36.A.14 мугской коллекции, - "Вестник ЛГУ", № 20, вып. 4, 1963, с. 113-116; О.И.Смирнова, Очерки из истории Согда, с. 222-224. В строке 17 этого письма сочетание ZKn **удур sytt** означает "волнения эмира", а не "у эмира Са'ида" (так в последних двух изданиях); араб. Са'ид закономерно передавалось в согдийской письменности через S'ytt, см. СДГМ II, с. 221.

23) Обзор гипотез, выдвигавшихся по этому поводу до 1961г., см. в СДГМ II, с. 64-67; дальнейшая дискуссия: А.Джалилов, Согд

накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в., Сталинабад, 1961, с. 142-146; Д.Якубов, К вопросу о времени «правления» Девалтича Согдом, - ИООН АН Тадж.ССР, 1968, № I (51), с. 77-83; О.И.Смирнова, Очерки из истории Согда, с. 212-213, 227, 230-235.

24) СДГМ П, с. 110; ср. О.И.Смирнова, Очерки из истории Согда, с. 221 и прим.40, где 'Абд ар-Рахмāн б. Субх спутан с его тезкой 'Абд ар-Рахмāном б.Субх ар-Рāвй, упомянутым у ат-Табарй (П, 109-110) под 50 г.х. (670 г.).

25) СДГМ П, с. 77-91; М.Н.Боголюбов, О.И.Смирнова, Согдийские документы I.1 и 36.А I4, с. 117-118; О.И.Смирнова, Очерки из истории Согда, с. 228-239.

26) СДГМ, П, с. 90-91.

27) О.И.Смирнова, Очерки из истории Согда, с. 235.

28) Ал-Балāзурй, 426 (перевод С.Волина, МИТТ I, с. 76). Об этом неудачном походе арабов упоминается, вероятно, в предании, сохраненном в "Мулхаџат ас-сурџх" Джемāля Карри, см. В.В.Бартольд, Туркестан, ч.1: Тексты, СПб., 1898, с. 148 и Сочинения, т.1, с. 216; Н.А.В.Gibb, The Arab conquests in Central Asia, London, 1923, с. 54; В.А.Крачковская и И.Ю.Крачковский, Древнейший арабский документ, с. 59-60.

29) К 718 г. отнесен этот поход у L.Caetani, Chronographia islamica, Paris, 1912-1923, с. 1220.

30) E.Chavannes, Documents, с. 204-205; В.В.Бартольд, К истории арабских завоеваний в Средней Азии, Сочинения, т.П/2, М., 1964, с. 380-387.

31) Ср. В.А.Крачковская, И.Ю.Крачковский, Древнейший арабский документ, с. 56; Д.Якубов, К вопросу о времени «правления», с. 81-82.

32) СДГМ П, с. 115-123.

33) Табарй, П, 1447.

34) Табарй, П, 1244.

35) О.И.Смирнова, О двух группах монет владетелей Согда VIII вв., - ИООН АН Тадж.ССР, № I4, 1957, с. 118-119, 122-127; она же, Монеты древнего Пенджикента, с. 223 и слл; она же, Каталог, с. 13-14, 16-17, 92-102.

36) О.И.Смирнова, Нумизматические заметки, - ЭВ ХУШ, 1967, с. 34-36.

37) W.V.Henning, A Sogdian god, с. 252, прим.67-68.

38) В.И.Распопова, Отливка монет в мастерских Пенджикента

рубежа УП-УШ веков, - "Краткие сообщения Института археологии АН СССР", № 147, 1976, с. 43-47.

39) Ср. О.И.Смирнова, Каталог..., с. 16-17.

О.Б.Фролова

ЗАГАДОЧНЫЕ "АЛИФ, ЛАМ, АЛИФ" В РАЗДЕЛЕ ОБ АМУ-ДАРЬЕ
"КОСМОГРАФИИ" ЗАКАРИЙИ ал-ҚАЗВИНИ

В 1960 г. в Бейруте издательство "Сәдер" выпустило в свет новое издание второй части "Космографии" Закарийи ал-Қазвини "Асфар ал-билад ва ахбар ал-ибад".¹⁾ Очень часто восточные издания основываются на какой-либо одной рукописи; по-видимому, так было и в данном случае - предисловие об этом ничего не говорит. Один раздел этого сочинения под названием "Хуваризм" содержит описание реки Джейхун (Аму-Дарья). Оно начинается словами:

بها نهر جيحون : قال الاعمود : نهر جيحون يعرف بجريان يشرح من حدود
بخشان ،

"Там река Джейхун. Говорит ал-А^смуд: река Джейхун, известная под названием "Джарйан", выходит из границ Бадахшана...".²⁾

В этом тексте удивляет, во-первых, почему Джейхун (Аму-Дарья) называется как Джарйан, и, во-вторых, появление имени какого-то неизвестного лица, выступающего в качестве источника ал-Қазвини - ал-А^смуд.

О названии "Джарйан"

Обратившись к изданию "Космографии" Закарийи ал-Қазвини, сделанному Ф.Вистенфельдом (Геттинген, т. I, 1849 и т. II, 1848),³⁾ обнаруживаем, что название реки Пяндж, которая у средневековых арабских географов считается главным истоком Джейхуна (Аму-Дарья), приводится в двух формах - "Джарбоб" (т. I, 177) и "Джарйан" (т. II, 353). В сочинении ал-Истахри - источнике труда Закарийи ал-Қазвини для данных разделов - эта река называется Джарйаб,⁴⁾ также как и в географическом словаре Йакута⁵⁾ и в других трудах арабских средневековых географов.

Одна из старейших рукописей второй части "Космографии" Закарийи ал-Қазвини, копия с автографа, находящаяся в рукописном фонде Института востоковедения АН СССР, под шифром D 174, подтверждает чтение этих названий с буквой "ба" на конце, т.е. как "Джарйаб" - ее остов виден очень ясно, хотя диакритические точки отсутствуют (л. 182).

В такой же форме эти названия были приняты в научной литературе, например, в статье об Аму-Дарье В.В.Бартольда в "Энциклопедии ислама".⁶⁾

Несмотря на накопившуюся с середины прошлого века научную литературу, неправильное чтение, принятое в тот период Ф.Вустенфельдом, повторяется и в новом издании второй части "Космографии" Закарйи ал-Қазвйни, осуществленном в Бейруте в 1960 г.

Принимая во внимание изложенное выше, правильное чтение для названия истока Аму-Дарьи Пянджа должно быть "Джарйаб".

Не меняет вопроса о чтении этого названия и замечание В.Ф.Минорского, который, исследуя "Худуд ал-Сәлем", где вместо "Джарйаб" стоит "Харнәб", пришел к выводу, что под этим следует понимать Мургаб и что ал-Истахрй в данном случае путает два основных истока Аму-Дарьи.⁷⁾

О буквах "алиф, ләм, алиф"

Во второй части "Космографии" Закарйи ал-Қазвйни имя информатора этого автора об Аму-Дарье и ее притоках в издании Ф.Вустенфельда отсутствует⁸⁾; сказано просто "говорит он", в бейрутском издании 1960 г. оно, как мы видели, приводится в странной форме "ал-А^Смүд", явно ошибочной, где неправильно слиты буквы "алиф, ләм, алиф" и следующее слово "Самүд" - "исток". В названной рукописи Института востоковедения АН СССР эти буквы "алиф, ләм, алиф" присутствуют (л.182). Мы предлагаем конъектуру этого слова, как имя собственное "ал-Истахрй", которое Закарйи ал-Қазвйни привел в сокращении. Основания для такого предположения у нас следующие:

1) В первой части труда Закарйи ал-Қазвйни ал-Истахрй назван как источник сведений об Аму-Дарье.⁸⁾

2) Сравнение текстов Закарйи ал-Қазвйни и ал-Истахрй для данного раздела свидетельствует о несомненной связи между ними.

3) Непонятные буквы "алиф, ләм, алиф", опущенные в издании Ф.Вустенфельда и сохраненные в ряде рукописей, в том числе ленинградской - D 174, л.182 - и рукописи, положенной в основу бейрутского издания, представляют часть какого-то слова и совпадают с началом имени ал-Истахрй, которое, по-видимому, не было дописано и приведено в сокращенном виде.

В связи с этими частными замечаниями и исправлениями текста изданий сочинения Закарйи ал-Қазвйни можно сделать и некоторые общие выводы:

1) И.Ю.Крачковский, касаясь вопросов, связанных с изданием "Космографии" ал-Қазвини, осуществленным Ф.Вустенфельдом, писал, что "критическое издание ее еще впереди".¹⁰⁾ Приведенные в этой статье данные подтверждают слова И.Ю.Крачковского.

2) Как видно из материалов рукописей "Космографии" Закарїи ал-Қазвини, хранящихся в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде, эти рукописи имеют важное значение для осуществления нового издания этого известного сочинения.

3) Еще одним общим выводом может быть постановка вопроса о сокращениях в арабском языке, особенно, имен собственных. Вопрос этот еще не подвергался исследованию. Однако уже Нельдеке, при попытке разгадать загадочные буквы Корана, высказывал предположение, что это - сокращения имен собственных, так "алиф, лам, ра" он толковал как "алиф, лам, за" и как имя собственное "аз-Зубейр", "алиф, лам, мим" - как имя собственное "ал-Мугїра". Как показывает приведенный текст Закарїи ал-Қазвини, этот автор тоже прибегал к сокращениям, и притом очень сходным с теми, которые имеются в Коране. Возможно, дальнейшие наблюдения смогут привести к новым результатам.

---

1) Закарїи' ал-Қазвини, Āsār al-bilād wa aḥbār al-'ibād, Dār Ṣādir, Бейрут, 1380/1960.

2) Там же, с.525.

3) Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Hrsg. von F.Wüstenfeld. Erster Theil, Die Wunder der Schöpfung, Göttingen, 1849. Zweiter Theil. Die Denkmäler der Länder, Göttingen, 1848.

4) Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishāk al-Fārisī al-Istakhrī. Ed. M.J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, BGA, I, s.296.

5) Yacut's geographisches Wörterbuch..., hrsg. von F.Wüstenfeld, Bd.2, Leipzig, 1867, s.171.

6) В.В.Бартольд, Аму-Дарья. - Акад. В.В.Бартольд. Соч., т.Ш, М., 1965, с.319-325. Статья из "Энциклопедии ислама". ЕИ, I, с.356-359.

7) Ḥudūd al-'Ālam. The Regions of the World. A Persian Geography 373 A.H. - 982 A.D.Transl. and explained by V.Minorsky with the Preface by V.V.Barthold. London, 1937, S.208.

8) З. ал-Қазвини, Космография, ч.II, изд. Вустенфельда, с.353.

9) Там же, часть I, с.177.

10) И.Ю.Крачковский, Арабская географическая литература. - Акад. И.Ю.Крачковский. Избр.соч., М.-Л., 1957, т.IV, с.361.

И.Б.Михайлова

"РУСУМ ДАР АД-ХИЛАФА" ХИЛАЛА АС-САБИ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

К.Иностранцев в предисловии к своей работе "Торжественный въезд фатимидских халифов"¹⁾ отмечал, что "история внешнего быта и искусства мусульманского мира - один из важнейших отделов общей истории культуры этой части человечества - до недавнего времени привлекала к себе весьма мало внимания. Некоторые части ее, так или иначе связанные с теми областями научного востоковедения, которые считались более важными, находили, разумеется, интересовавшихся и занимавшихся ими, но эти занятия носили, по преимуществу, случайный характер". Хотя со времени публикации монографии Иностранцева прошло почти семьдесят лет, хотя интерес к проблемам истории быта значительно вырос, особенно в последние десятилетия - нельзя не признать, что исследования в этой области по-прежнему носят случайный характер.

Аббасидский церемониал почти не известен науке. Французские специалисты по истории культуры аббасидского халифата М.Ианар²⁾ и Д.Сурдель³⁾ считают, что для этого периода материалов слишком мало, чтобы всерьез заниматься исследованием бытовой культуры и церемониала. Исследователь располагает лишь скудными сведениями в исторических хрониках да небольшим количеством археологических документов.

Вполне понятно, поэтому, что выход в свет в 1964 г. критического издания "Русум дар ад-хилафа"⁴⁾ (Установления и обычаи двора халифов) привлек внимание востоковедов в разных странах. В 1969 г. был опубликован перевод "Русум дар ад-хилафа" на персидский язык, с переводом предисловия и комментариев издателя.⁵⁾ Есть сведения, что готовится перевод на немецкий и английский языки. Нами подготовлен перевод на русский язык с предисловием и примечаниями.

Текст сочинения издан по единственной сохранившейся рукописи, которая является копией с авторского списка, выполненной в 455/1063 г. неизвестным переписчиком. Рукопись дефектна.⁷⁾ Мно-

гие листы повреждены, изъедены червем, местами испорчен текст. Первые листы, содержащие название сочинения и начало авторского предисловия, отсутствуют. Они заменены одним листом, написанным другим почерком в более позднее время.⁸⁾

Дата написания сочинения прямо не указана. Она приходится на четверть века между началом правления халифа ал-Ка'има (1031 г.), которому оно посвящено, и 1056 г. (год смерти автора).

"Русум дар ал-хилафа" относится к тому широко распространенному в X-XI вв. жанру воспитательно-назидательной литературы и наставлений, который получил название "адаб". Среди адабных сочинений можно найти и тематические подборки исторических анекдотов, призванные дать примеры поступков, достойных подражания или осуждения, и деловые наставления чиновникам. Рассматриваемое сочинение содержит многие черты адабного жанра. Это, с одной стороны, мемуары многоопытного чиновника, с другой - назидательная антология и руководство для секретарей - с третьей. "Русум дар ал-хилафа" - многоплановое произведение, подчиненное, однако, одной главной теме: бытописанию жизни аббасидских халифов.

Оно содержит разнообразные сведения, главным образом, по истории обычаев и внешних проявлений жизни при аббасидском дворе. Это - живое слово современника. Хилал ас-Саби, написавший "Русум" на склоне лет, имел богатый опыт службы при дворе. Но он опирался не только на личные впечатления и собственный опыт. Он широко использовал семейное предание. В роду ас-Саби, представители которого занимали высокие посты в халифате и были близки ко двору, из поколения в поколение передавались рассказы об Аббасидах.

Хилал ас-Саби в юности обучался канцелярскому делу у своего знаменитого деда Ибрахима б. Хилала, автора известной "Китаб ат-таджи".⁹⁾ От него он почерпнул много подробностей о придворной жизни и на его рассказах построил большую часть книги. Хилал ссылается на него 15 раз, особенно часто - по вопросам придворного этикета.

Помимо семейного предания и личных впечатлений Хилал ас-Саби слушал рассказы придворного катиба Абд ал-Азиза б. Хаджиба ан-Ну'мана, информация которого представляла особую ценность: Ибн Хаджиб ан-Ну'ман был на секретарской службе при халифах ат-Та'и' и ал-Кадире на протяжении 40 лет. Ему-то уж придворная жизнь была знакома во всех деталях и подробностях. На него автор ссылается 8 раз, чаще всего там, где речь идет о реалиях: одежда придворных, описание церемонии назначения Адуд ад-даулы прави-

телем и пожалования ему титула "тадж ал-милла" и т.п.

И, наконец, существенным источником информации для Хилала ас-Саби служили документы и письма, которые он широко цитирует и пересказывает.

"Русум дар ал-хилафа" состоит из двадцати разделов, распа-дающихся на две неравные части. Разделы I-УШ и XVI-XIX - посвя-щены описанию различных внешних сторон жизни двора; главы IX-ХУ - правилам составления официальных посланий. Книга предваряет-ся авторским предисловием, в котором Хилал ас-Саби говорит о на-мерении запечатлеть на бумаге все, что касается церемониала и обычаев, предписаний и установлений придворного быта, формировав-шихся на протяжении почти 300 лет, в назидание потомкам.

I глава открывается описанием халифской резиденции в правле-ние ал-Муктафи (902-908 гг.). Затем приводятся описания различ-ных церемоний: торжественного выезда начальника полиции Назука, прием халифом ал-Муктадиром византийского посла в 917 г., церемо-нии приема в честь Варды Склира в 987 г., устроенного буйдом Сам-сам ад-даулей. Эту церемонию Хилал ас-Саби наблюдал лично. Далее автор приводит обширную цитату из сочинения Йазаджирда ибн Махбандара ал-Фариси "Диковины Багдада Иракского" (написано в кон-це IX в. и впервые переведено Хилалем ас-Саби с персидского на арабский). В этом отрывке говорится о численности населения Баг-дада в правление ал-Му'таида (892-902 гг.) и о методе (фантасти-ческом) подсчете населения в то время. Следом за этим подробно разбирается бюджет двора 306/918-919 гг., составленный везирем 'Али б. 'Исой и приводятся сравнительные данные по суммам доходов в более ранние и более поздние времена.

II глава посвящена вопросам придворного этикета. Она занима-ет центральное место в сочинении и по объему, и по содержанию, и составлена в стиле адабных антологий. Это - собрание наставле-ний придворному с многочисленными примерами из области гумани-тарных наук: истории, географии, изящной словесности и поэзии. Описание правил приличия, служебного церемониала автор иллюстри-рует примерами из жизни халифов, везирей, придворной знати, ис-торическими анекдотами и притчами, стихами и изречениями из Ко-рана.

В III главе Хилал ас-Саби повествует об институте хаджибов, роль которых с середины X в. значительно возросла. Хаджиб, безу-словно, одна из центральных фигур в жизни двора, представляется в его описании как хранитель покоев повелителя и знаток правил

и обычаев, принятых при дворе. Автор подробно излагает правила и предписания службы хаджиров, завершая главу описанием протокола халифского приема и роли хаджиба в этом приеме как церемониймейстера.

Иллюстрацией к этой главе является следующий раздел, в котором подробно описываются детали церемонии назначения на пост правителя. Речь здесь идет об одном из поворотных событий в истории аббасидского халифата – о передаче халифом ат-Та'и' всей власти (гражданской и военной) в руки буида 'Адуд ад-дауду. Краткое изложение этого факта уже известно по Ибн ал-Джаузи.¹⁰)

У глава повествует об установлениях, связанных с торжественными въездами халифа. Далее говорится об основном правиле этикета при дворе повелителя – молчаливости и сдержанности. Поскольку логически этот текст не соответствует заглавию и содержанию главы, возможно, здесь переставлены листы, или имеется пропуск в тексте.

Разделы УІ–УІІ посвящены описанию атрибутов халифских приемов: платья халифа и свиты, парадных одежд и аксессуаров различных категорий придворного общества и военных чинов, инсигний власти, почетных даров и благовоний.

Следующие семь глав ІХ–ХУ – руководство по официальной переписке. Подробно излагаются правила составления посланий от имени халифа и ответов ему. Разбирается структура письма: его начало, концовка, адрес, благопожелательные формулы. Упоминаются сорта бумаги, употреблявшиеся в официальной переписке, способы упаковки и опечатывания писем. В качестве образца высокого эпистолярного стиля Хилал ас-Саби приводит письмо халифа ат-Та'и' буиду 'Адуд ад-дауде. Послание было составлено дедом автора Ибрахимом б. Хилалем, который считался непревзойденным авторитетом в этой области.

В четырех последних главах, небольших по объему, говорится о некоторых обрядах и обычаях, связанных с жизнью двора. В разделе о титулатуре Хилал ас-Саби пытается проследить историю обычая давать почетные прозвища с доисламских времен до своих дней, когда пышность титулов стала чрезмерной, а их количество перешло все границы здравого смысла. В разделе о хутбе – праздничной проповеди, – изложены правила ее построения. Отдельная небольшая глава посвящена обычаю бить в барабан перед домом властителя во время пятничного богослужения как одной из инсигний власти. В другом разделе речь идет о правилах составления брачного договора. В качестве примера приводится договор между халифом ат-

Та'и' и дочерью 'Адуд ад-даулы, составленный кади ат-Танухи, знаменитым литератором своего времени.

В заключительной главе автор обращается со словословиями к правящему халифу ал-Ка'иму и всей династии Аббасидов.

Для исследования экономики аббасидского халифата ценный материал дает I глава сочинения. Здесь впервые приводится подробный перечень расходов на двор из бюджета 306/918-919 гг., часть которого, касающаяся доходов, была в свое время исследована А. Кремером. II)

Для социально-политической истории этого периода очень важны описания приема римского посольства, приема в честь Варды Склира, посвящения в сая 'Адуд ад-даулы, исчисления населения Багдада, описание резиденции. "Русум дар ал-хилафа" - самый ранний по времени написания источник, приводящий эти сведения. Другие источники, известные нам, либо коротко передают суть дела, либо опираются на сведения, сообщенные Хилалем ас-Саби.

Богатый материал для исследования эпистолярного мастерства при Аббасидах дают главы, посвященные письмоводству.

Разделы о титулах и институте мавла могут оказаться весьма полезными при изучении сословной иерархии, до сих пор слабо исследованной.

Это сочинение тем не менее осталось неизвестным современникам. Впервые оно упоминается почти через 300 лет после его завершения у ас-Сафади.¹²⁾ Второе упоминание о нем - еще через полтора столетия - у ас-Суйути.¹³⁾ Биографические данные о семье ас-Саби очень скудны, и почерпнуть из них хоть какое-то объяснение этому невозможно. Весьма беглое описание самой рукописи, которое дает издатель, позволяет, однако, сделать кое-какие предположения.

Среди сочинений адабной литературы периода халифата не встречается произведений, озаглавленных "Русум". Возможно, сочинение носило совсем другое название, поскольку титульный лист и предисловие, как уже говорилось выше, более позднего происхождения, чем сама рукопись.

Скорее всего, оригинал "Русум дар ал-хилафа" остался неизвестным, а уникальная рукопись-копия после нашествия монголов на Багдад, попала в Каир, где в XIY-XV вв. были добавлены титульный лист и начало предисловия взамен утраченных. Вероятно, именно этот экземпляр видели ас-Сафади и ас-Суйути.

С другой стороны, может быть, "Русум дар ал-хилафа" иденти-

чно одному из не дошедших до нас сочинений Хилала ас-Саби. Ведь из десяти его произведений - шесть утрачены.

Как бы там ни было, среди немногих источников по истории культуры и быта халифата времен Аббасидов "Русум дар ал-хилафа" занимает особое место как надежный исторический источник и как оригинальное по форме и содержанию произведение художественной прозы.

-
- 1) К.Иностранцев, Торжественный въезд фатимидских халифов.- ЗВОРАО, 1906, т.17, с.1.
  - 2) M.Canard, Le cérémonial-fatimite et le cérémonial byzantin. - Byzantion, 1951, t.21, p.355-420.
  - 3) D.Sourdel, Questions de cérémonial abbaside. - REI, 1960, t.28, p.121.
  - 4) Русум дар ал-хилафа, та'лиф Аби-л-Хусайн Хилал ибн ал-Мухассин ас-Саби /359-448 г.х./, унияи битахкики ва-т-та'лиф 'алайхи ва наврихи Миха'ил 'Аввад, матба'ат ал-'ани - Багдад, 1383/1964, 75 + 206 с.
  - 5) Русум дар ал-хилафа, та'лиф Абу-л-Хусайн Хилал ибн ал-Мухассин Саби, тасхих ва таваши-и Миха'ил 'Аввад, тарджама-и Мухаммад Рида Шафи'и Гургани, интишарат-и бунйад-и фарханг-и Иран, 23.
  - 6) Багдадская газета, "ал-Ахбар", 4 канун ал-аувад, 1938 г.
  - 7) См. "Русум дар ал-хилафа", издание, предисловие, с.41.
  - 8) См. там же, предисловие, с.41.
  - 9) "Китаб ат-таджи" - история династии Буидов, до наших дней не сохранилась, но известна по многочисленным цитатам современников.
  - 10) Ибн ал-Джаузи, Мунтазам, т.7, с.99-100.
  - 11) A.Kremer, Einnahmebudget des Abbasiden-Reiches von Jahre 306 H. (918-919), Wien, 1887.
  - 12) Ас-Сафиди, ал-Вафи би-л-вафайат. Это цитируется в предисловии к изданию "Тухфат ал-умара фи та рих ал-вузара, изд. Амедроза, Бейрут, 1904, с.11-22.
  - 13) ас-Су'ути, ал-Васа' ил ила масамират ал-ава'ил, Багдад, 1950, с.83-84. См.: Тухфат ал-умара', с.11-22.

ОБ АРАБСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЭПИГРАММЕ

1. Сатирическая поэзия арабов представляется наименее затронутой учеными областью арабской поэзии.^Ж Несмотря на отдельные экскурсы исследователей, она еще и сегодня предстает перед нами, как и перед средневековыми арабскими теоретиками, как единый жанр, обозначаемый общим термином хиджа'.

2. В то же время существующий в литературе небольшой и разрозненный материал об этом жанре с большей или меньшей определенностью предполагает неоднородность сатирической поэзии арабов. Отражением этого являются, в частности, обозначения, используемые для характеристики хиджа'; называются: пошления, сатиры, пасквили, эпиграммы и др. Высказанные, но не подкрепленные соответствующими исследованиями, эти обозначения не приобрели терминологической определенности и носят оценочный характер, определяя тем самым необходимость дальнейших разработок.

3. Упоминания арабской эпиграммы в литературе немногочисленны и беглы; содержание самого термина не раскрывается. Анализ относящихся к этому случаю высказываний показывает, что речь идет либо о коротких отрывках из сатирических произведений, которые исследователю не терминологически, а стилистически удобно было назвать эпиграммой (2; с.29), либо о коротких пьесах вовсе не сатирического (а, например, дескриптивного) характера (4; 7, с.223), либо просто об эпиграммах в составе хиджа', ничем точнее не определяемых авторами (3, с.134; 5, с.261; 6, с.417-425; 8, с.363), что не дает возможности вообще судить о содержании этого термина. Им обозначались любые короткие стихотворения независимо от их содержания или иных особенностей (по аналогии с греческой классической эпиграммой). Новейшие исследования (4; 5) продолжают и фактически закрепляют в науке такое понимание арабской эпиграммы, превращая европейский термин просто в дубль арабского "хиджа'а". Таким образом, всякие упоминания эпиграммы в составе хиджа' имеют в виду просто короткие стихотворные пьесы сатирического характера, не дифференцированные по какому-либо другому признаку.

---

^Ж "Index islamicus" Дж.Пирсона не дает как будто бы ни одной статьи о сатирической арабской поэзии за 1905-1965 гг.

4. Между тем материалы "Йатимат ад-дахр" ас-Са'алиби (антология арабской поэзии X - начала XI вв.) позволяют, как нам кажется, поставить на обсуждение вопрос о существовании в составе хиджа³ эпиграммы как особой жанровой формы сатиры. Под эпиграммой понимается такая сатирическая стихотворная миниатюра, признаками которой являются "конкретность..., краткость, сатиричность... Основной композиционный прием... - противоположность экспозиции и заключительной краткой "остроты"... в форме авторского комментария к рассказу, обращения к герою, ответа на риторический вопрос и пр. (противоположность "ожидания" и "неожиданности", в терминологии Г.Э.Лессинга)" (I, с.914).

В упомянутой антологии мы находим довольно много двухбейтовых сатирических куплетов, отвечающих приведенным выше признакам.

(١) لو طبخت قدر بمطمورة × بالروم أو أقصى حدود الثخور
وأنت بالصين لوافيتها × يا عالم الغيب بما في القدور

Где б ни кипел котел: на кухнях Византии
Иль на окраине, далекой и глухой, -
О сущий бог котлов! Ты даже из Китая
Поспеешь к трапезе, ругаясь головой.*

(Абу Мухаммад ас-Сулами)

(٢) إذا استقلت أو أبغضت خلقا × و سرك بعده حتى القناد
فشرده بقرض دريهمات × فأن القرض داعية البعاد

Если ты тяготишься ближним,
Был бы рад его век не видеть,
Одолжи ему пару дирхемов -
Сам он станет тебя избегать.

(ал-Хаббаз ал-Балади)

---

* Попытка стихотворной передачи текста оригинала вызвана тем, что прозаический подстрочник плохо передает своеобразие жанра.

(۳)   ان ابا طالبنا   ×   له فم كالمعده
          بهضم ما يمضغه   ×   من غير ان يزدده

У нашего Абу Талиба особенный рот.
 Рот утробу ему заменяет:
 Он в нем переваривает то, что жует,
 И прожеванного не глотает.

(ал-Матрани)

Из приведенных примеров и из приложенных в конце образцов арабской эпиграммы видно, что жанровые законы соблюдаются в ней с должной скрупулезностью. Присутствуют и элемент ожидания, занимающий в эпиграмме обычно два-три первых мисра (полустишия), и элемент неожиданности (третий-четвертый мисра) с пуантом в последнем полустишии. Удачная концовка эпиграммы – пуант – делает дальнейшее развитие сюжета в эпиграмме невозможным.

5. Таким образом, арабскую сатирическую эпиграмму характеризует не только краткость (по-видимому 2-3 бейта), но и замкнутая композиция, тогда как другие виды хиджа' отличает более свободная или более открытая композиция, делающая сатирическое стихотворение теоретически сколь угодно большим. Благодаря особому композиционному строению и сатирический эффект в эпиграмме достигается иным путем, чем в других разновидностях сатирической поэзии – например, не номинативным способом (прямолинейным и одноплановым перечислением отрицательных качеств), а путем создания художественными средствами сатирической или юмористической ситуации.

6. Эпиграммы из антологии ас-Са'алиби предстают перед нами как произведения цельные, не фрагментарные, созданные именно в той форме, в которой дошли до нашего времени.

Очевидно, был и другой путь рождения эпиграммы. В "Китаб ал-агани" Абу-л-Фараджа ал-Исфахани (ум. в 967 г.) мы встречаем, например, отчетливо выраженную эпиграмму на Башшара ибн Бурда (П, т. XIV с. 330):

(۴)   نهاره أخبث من ليله   ×   ويومه أخبث من أمسه
          ليس بالمقلع عن غيبه   ×   حتى يوارى في ثرى رمسه

Он днем несноснее, чем ночью,
 Сегодня злее, чем вчера.

И быть ему таким доколе
Его не съест земля сыра.

(Хаммад 'Аджрад)

Однако в более ранней "Китаб ал-хайван" ал-Джахиза (ум. в 869 г.) эпиграмма эта обнаруживается как составная часть большого стихотворения (9, с. II4). Можно предположить, что выделена она была из всего стихотворения при последующей передаче и записи как композиционно самостоятельная часть стихотворения, и ко времени записи в "Китаб ал-агани" (т. е. к середине X в.) существовала уже в виде отдельного двустишия. Интересно отметить, что при этом она подверглась небольшой обработке, благодаря которой утратилась ее связь с окружающими бейтами этого стихотворения, и выделенное двустишие приобрело самостоятельный характер.

Другой пример указывает на существование эпиграммы в еще более раннюю эпоху. Это — эпиграмма доисламского поэта 'Урвы ибн ал-Варда (см. Приложение, № 14), находящаяся в шархе Ибн ас-Сиккита (ум. в 859 г.) на его диван (10, с. 101). Если эта эпиграмма и является фрагментом утраченного стихотворения большего объема, как это произошло с эпиграммой Хаммада 'Аджрада, то к моменту записи в шархе Ибн ас-Сиккита она уже имела самостоятельную эпиграмматическую форму.

Сказанное выше дает нам в какой-то степени хронологические рамки существования эпиграммы. Однако вопрос о распространенности этой формы сатиры, ее происхождении, времени появления и месте в арабской поэзии остается открытым и требует дальнейшего исследования.

---

1) М.Л.Гаспаров, Эпиграмма. — Краткая Литературная Энциклопедия, т.8, М., 1975.

2) И.Ю.Крачковский, Поэтическое творчество Абу-л-'Атахи. — Избр.соч., т.2. М.-Л., 1956.

3) Б.Я.Шидфар, Образная система арабской классической литературы (VI-XII вв.). М., 1974.

4) A.A. Ambros, J.W.Weil, 22 Rätsel-Epigramme aus der Gedichtsammlung Alf Gariya wa-gariya. — Orientalia Hispanica sive studia F.M.Pareja octogenario dicata. Edende curavit J.M.Barral. Vol.I, pars prior. Leiden, 1974.

5) J.E.Bencheikh, Un outrageur politique au IIIe/IXe siècle Ibn Bassam al- Abarta'i (m. vers 302 h.). — Arabica,

t.XX, fasc.3, 1973, p.261.

6) R.Blachère, Histoire de la littérature arabe des origines à la fin du XVe siècle de J.-C. /Fasc.2/. Paris, 1964, p.417-425.

7) J.Chr.Bürgel, Die ekphrastischen Epigramme des Abu Talib al-Ma'muni. Literaturkundliche Studie über einen arabischen Conceptisten. - Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, I. Philologisch-historische Klasse. Jahrgang 1965, N 14, S.271-322.

8) Ch.Pellat, Hidja'. - EI², vol. III, p.363.

9) ал-Джахиз, ал-Хайаван. т.I, Каир, 1907.

10) Диван 'Урва б. ал-Вард. Шарх Ибн ас-Сикит. Дамаск, б.г.

11) ал-Исфахани, Китаб ал-агани. т.I4, Булак, 1285 г.х.

ПРИЛОЖЕНИЕ[§]

(5) في الكذب أنت أبا الفوارس فارس × وعن الفوارس في الصناعة راجل
فتصابق الادباء في ميدانهم × واهو الفوارس خلفهم متحاجل
(ابو النصر الهزيمي)

(6) قال ابو جعفر محمد بن الحسين القي في معقل وكان بندار نيسابور :
يا أيها الشيخ الكبير المفضل × اقبض يديه فمعقل لا يعقل
ظلموه اذ ودعوا دواة عنده × ولديه يوضع منجل او معول

(7) قال اللحام في ابي مازن لما صرف عن الديوان وفي ابي بكر محمد بن سباع :
مضى ابو مازن لا ضير وارتفعت × تهبّ لابن سباع ريح اقبال
كذلك الدهر في تصرفه عجب × ما زال يبدل أندالا بأندال

(8) حضر ابو عبدالله الحسين بن احمد بن الحجاج في دعوة ، وآخر الطعام ...
ونظر الى صاحب البيت يذهب ويجي في داره فقال :

يا زاهبا في داره جائيا × بخير معنى وبلا فائده
قد جنّ أضيافك من جوعهم × فاقراً عليهم سورة المائده

(9) سيرة الشيخ سيرة مذكوره × وأياديه بيننا مشكوره
اذ لديه محلّ كل كريم × كمحل الكلاب في المقصوره

(ابو الفتح احمد بن محمد بن يوسف الكاتب)

[§] Приведена лишь часть встречающихся у ас-Са'алиби эпиграмм.

قال ابو الحسن علي بن الحسن اللطام لما صرف عن يهد الترمذ باين مطران :

(١٠) قد صرفنا وكل من * كان من قبلنا صرف
وصرفنا بشاعر * نعته ليس ينصرف

قال العاصب ابن عباد في رجل كثير الشرب بطى* السكر :

(١١) يقال : لماذا ليس بمسكر بعدما * توالت عليه من نداهم قرقف
فقلت : سهل الخمر ان تنقص الحجي * فان لم تجد عقلا فماذا تحي

(١٢) يا قوم أروني أسماعكم * حتى أؤدى واجب الفرض
أشهد حقا أن سلطانكم * ليس بظل الله في الارض

(ابو الفتح الهستي الكاتب)

في ابي سعيد بن ملة :

(١٣) أرى لك أفعالا تناقض أمرها * على أنها في القبح والعار واحد
نبيذك ذا حلو، ووجهك حامض * وماؤك ذا سخن ، وفعلك بارد

(ابو بكر محمد بن العباس الخوارزمي)

(١٤) فراشي فراش الضيف والبيت بيته * ولم يلهني عنه غزال مقنن
أحدثه أن الحديث من القرى * وتعلم نفسي أنه سوف يهجع

(عروة بن الورد)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД 12-й МАКАМЫ АЛ-ХАРИРИ

Рассказывал аль-Харис ибн Хаммам:

Раз из Ирака отправился я в Дамасскую Гуту: снял с верблюдиц породистых крепкие путы, навьючил на них тюки с поклажей богатой, нагрузил свой кошель звонким золотом — словно вымя, полное молока — чтоб в дороге от скудости не сжималась рука. На пути много трудностей мы претерпели; устали наши верблюдицы и ослабели. Но я увидел, что справедлив о Гуте людской рассказ: все вокруг веселило душу и тешило глаз. Благодарный судьбе за ниспосланные улады, сломал я страстей преграды и в их бесконечном кружении собирал повсюду плоды наслаждения, пока мои спутники не замыслили возвращение. И тогда я от ослепленья очнулся, родину вспомнил и сердцем к ней потянулся. Свернул я палатку разлуки и узду возвращения взял я в руки. Все были готовы, меж собой стоворились, но пуститься в путь не решились: нам нужен был сторож и проводник, что к трудным путям в пустыне привык. Мы по всем племенам его искали, тысячи хитростей употребляли, но напрасны были наши старания и ухищрения — скоро нас охватили сомнения: а найдется ли среди живых такой, кто сможет в пути сохранить нам покой? И вот мы сошлись у дамасских ворот, чтобы решить, как дальше дело пойдет. И весы наших мнений то опускались, то поднимались, узлы решений то затягивались, то распускались. Наконец наши доводы все иссякли и не осталось надежды ни капли. А против нас сидел на камнях человек в капюшоне, по виду — монах, четки ходили проворно в его руках. Он следил за нами пристальным взором и явно прислушивался к разговорам. Наши волнения он уловил и когда мы решили расстаться, вдруг с нами заговорил. Сказал он: "О путники! Мне вас жаль! Пусть успокоятся ваши души и пусть растает печаль! Я готов рассеять вашу боязнь, с караваном пойти, чтоб охранять его по пути".

Говорит рассказчик:

Обещав ему высокую плату, мы пожелали узнать, в его ли силах караван охранять. Он ответил: "Во сне мне ниспосланы были слова такие, что отводят любые козни — и джинновские, и людские". Услышав это, мы переглянулись, меж собой перемигнулись. А ему стало ясно по недоверчивым лицам, что нам кажется, будто он в сторожа не годится. Тогда он сказал: "Зря вы золото считае-

те сором, а мои серьезные речи - вздором. Аллах свидетель, объездил я многие страны, из страшных опасностей выводил свои караваны, и ниспосланных слов чудесная сила без стрел и без стражников меня хранила. Я уничтожу ваши сомнения и в пути по пустыне рассею все опасения. Обо мне вы сами рассудите здраво, когда я проведу вас до ас-Самавы. Коль окажутся правдой мои слова, вы меня за труд хорошо наградите; коль окажутся ложью мои слова, накажите меня, как хотите: хотите - колите позора копьем, хотите - рубите острым мечом".

Говорит аль-Харис ибн Хаммам:

Так заставил он нас поверить в его сновидение и без спора принять его предложение, разорвав решимость петли сомнения. Мы подумали: теперь нам не страшен ни разбойник, ни злой путник, и кинули жребий - на чьем верблюде пойдет наш проводник. Вот подвязаны седла, готов караван в дорогу, но мы задержались еще немного: попросить, чтобы слова заветные были и нам открыты - тогда мы будем в любое время под надежной защитой. Проводник ответил: "О друзья, услышьте меня! Дважды в сутки, на грани ночи и дня, каждый из вас пусть Фатиху тихо прочтет и такую молитву смиренно произнесет:

О Аллах, оживляющий истлевшие кости! О господь, избавляющий от скрытой злости! От беды любой охраняющий, от щедрот своих награждающий! О прибежище жадующих спасения! О владыка прощения и снисхождения! Своего посланника благослови, достойного почестей и любви, и его родных пресветлые лики, и его сподвижников - мужей великих! Спаси меня от наущений шайтана, от угнетений султана, от притеснений тирана, от гонений гонителя, от преследований притеснителя, от вражды ненавистника, от злобы завистника, от нападения подавляющих, от подавления нападающих, от козней хитрецов, от обмана лжецов! Спаси от соседейседающих, от заступников наступающих, от друзей удручающих! Из бездны выведи, куда ввергнуты скверные, и под кущи введи, где рабы твои верные! О Аллах! Сбереги меня в доме родном и в крае чужом, при отправлении и при возвращении, в дальней дороге и на отчем пороге, в делах утруждающих, в досугах улаждающих, в трудностях и превратностях, в радостях и приятностях! Сохрани души моей чистоту и мощны полноту! Сохрани мою честь и добро, которое в доме есть, и семью мою, и родных, и долю мою от благ земных, и силу, и бодрое состояние, и богатство, и щедрое достояние! Не готовь пере-

мен мне от счастья к несчастью, злодею не дай надо мною власти и пошли мне помощника от всех напастей! О Аллах! Моим охранителем и покровителем будь, в благодеяниях меня не забудь! Ко благу веди меня по пути благому и не поручай попечителю другому! Даруй мне здоровье завидное и благоденствие благовидное! От бедствия бедности меня избавь и заступника праведного ко мне направь! Не дай погубить меня когтям врагов — ты ведь внимлешь молитвам твоих рабов!"

Кончив речь, старец очи вниз опустил и замолчал, словно лишился сознания и сил. То ли был он тайной мыслью томим, то ли страх пред Аллахом сделал его немым. Затем он голову поднял и стал глубоко вздыхать, прежде чем новую речь начать. Наконец он сказал:

"Клянусь созвездиями в небесных мирах, клянусь дорогами в земных краях, и солнцем, сияющим в вышине, и волной, разливающейся в глубине! Клянусь морями бурливыми и ветрами шумливыми — это самый надежный амулет и вернее его защиты нет. Тот, кто им от угрозы ограждается, в оружьи и войске не нуждается. Ты на рассвете эту молитву прочтешь — и весь день в безопасности проведешь. А прочтешь ее перед тьмой ночной — до утра не бойся беды никакой!"

Говорит рассказчик:

Мы стали молитву повторять, чтобы в памяти удержать, и друг за другом ее твердили, пока наизусть не заучили. наших верблюдиц теперь не погонщики погоняли, а слова молитвы, что мы от старца узнали, и охраняли наш караван не воины храбрые, а его талисман. А старец следил, чтобы мы выполняли свой долг на рассвете и на закате, и словно не помышлял о плате. Но как только вдали города Аны забрезжили очертания, он потребовал обещанного воздаяния. Мы ему показали, все с собой увезенное и все сбереженное, и все потаенное, и предложили дружно: "Выбирай, что тебе из этого нужно". Так раскрыв наши души, словно ключом, из бедняка он стал богачем: выбрал то, что поменьше величиной, но подороже ценой. Как вор обобрал нас этот хитрец и вдруг ускользнул, как ловкий беглец. Разлука с другом нас огорчила, исчезновение его удивило. И заблудшего спрашивали мы о нем, и того, кто идет прямым путем. А потом нам сказали, что с минуты прихода в Ану в винной лавке кутит он неустанно. Я подумал, что это — явная клевета, но все же рискнул пойти туда, хоть прежде в таких местах не бывал, заветы веры не нарушал. Переодетый, с прикрытым лицом,

ночью в винную лавку пришел я тайком и вижу: наш друг в одеянии
цветном сидит среди сосудов с вином; красавицы-девы вино ему под-
ливают, яркие свечи кругом мерцают, меж сосудов цветы благоухают,
флейта и лютня слух убажуют. А он то губами к сосуду прильнет,
то по струнам беглой рукой проведет, то ароматы цветов вдыхает,
то красавица ласкает. Увидав, что вчерашний аскет нынче бессты-
ден и пьян, донял я его низкий обман и воскликнул: "Аллах тебя
проклянет! Иль не помнишь, как ты сидел у дамасских ворот?" А
старик засмеялся, подмигнул, и песню мне в ответ затянул:

Я в разные страны
Водил караваны
В пустынях песчаных
Без пищи и сна,
Скитался в морях я,
Скакал на конях я,
Бродяжил в степях я,
А цель все одна -
Не богу молиться,
А страстью упиться,
Кутить, веселиться,
Напиться вина!
Для чувств многоводья
Спустивши поводья,
И дом и угодыя
Я пропил до дна.
И ради стремленья
Ловить наслажденья
Испил униженья
Я чашу сполна,
Но в хитрых уловках
Добыл я сноровку:
Дурачу всех ловко
И пью допьяна!
Не будь ты жестоким,
Оставь все упреки,
Морали уроки -
Ведь правда ясна:
Вино исцеляет
И дух укрепляет,
Печаль изгоняет,

Как зиме весна.
Коль старец почтенный
Грешит откровенно -
Пусть будет блаженна
Его седина!
Влюбленный и страстный,
Ты имя прекрасной
Скрываешь напрасно -
Пусть тайна видна!
И пламя в бокале
Зажечь не пора ли,
Коль светом печали
Душа зажжена?
Тоска твоя сгинет,
Уныние минет
И горе отхлынет
За кубком вина.
Тот кубок вечерний
Серебряной черни
Нальет виночерпий
С лицом как луна.
Мелодия песни
Звонит все чудесней,
Веселия вестник
Для сердца она.
Послушай совета:
На старость не сетуй,
Целуй до рассвета
Красавица спьяна.
В безумном влеченьи
Отбрось угрызенья -

Любовь к наслаждениям
Нам свыше дана.
Оплошность приметив,
Раскидывай сети —
Любому на свете

Добыча нужна!
Будь ласков с друзьями,
Осыпь их дарами,
Пусть жизнь их благами
До края полна!

Со скрягой не знайся,
До смерти не кайся,
Копить не старайся —
Ведь жадность бедна!

Я сказал: "Прекрасны твои стихи, зато ужасны твои грехи!
Ради Аллаха скажи, какого ты роду и племени — у меня об этом
гадать нет ни умения, ни времени". Он ответил: "Тайну свою я не
хочу открывать, могу о себе я только намеком сказать:

Узнай — я чудо всех времен,
Дивятся мне со всех сторон.
Средь мусульман и христиан
Творить я хитрости рожден.
Но я — оборванный бедняк.
Семьей большой обременен.
Я сын злосчастья и нужды,
Судьбой гоним и утеснен.
Меня ли можно упрекать,
Когда хитрить я принужден?

Говорит рассказчик:

Тут я понял, что предо мной Абу Зейд, грешник и искуситель,
благородных седин чернитель. Огорчило меня его порочное поведе-
ние, и я сказал языком презрения: "О шейх! Позорно твое безрас-
судство! Не пора ли бросить такое беспутство?" Он что-то сердито
проворчал, слегка призадумался, потом сказал: "Не для попреков
нам ночь дана, а для веселия и вина! Давай, до утра отложим спо-
ры, тогда я послушаю твои укоры". Я решил, что с пьяным не стоит
вадорить — лучше уйти и не спорить. Не надеясь, что Абу Зейд вы-
полнит обещание, провел я ночь, надев одежды раскаянья: видно,
входить мне было не надо в обитель детища винограда! И я Аллаху
пообещал стопы туда больше не направлять — хотя бы за это мне
предложили халифом стать! Я поклялся ни разу больше не видеть
вина и как его пьют — даже если за это мне юность мою вернут!
Затем мы пустились в путь на верблюдах утром рано и оставили
Абу Зейда в объятьях найтана.

АРХИВ АКАДЕМИКА И.Ю.КРАЧКОВСКОГО

Рукописные материалы И.Ю.Крачковского поступили в Архив АН СССР по завещанию его жены В.А.Крачковской после ее смерти 4 января 1974 г. Эти материалы структурно делятся на два больших фонда, один из которых принадлежит научной и организационной деятельности И.Ю.Крачковского, другой образует личный архив его жены В.А.Крачковской, востоковеда, доктора исторических наук, и характеризует ее научную и педагогическую деятельность.

Предварительная разработка материалов в течение 1975-1976гг. позволила подготовить общий обзор поступивших материалов.

Научное наследие И.Ю.Крачковского представлено рукописями по арабской филологии, языковедению и другим отраслям арабистики, и включает как самые ранние работы, относящиеся к периоду подготовки магистерской диссертации (1907 г.), так и работы последних лет жизни (1950 г.); часть работ опубликована, часть представляет автографы незавершенных трудов.

Среди работ раннего периода по истории арабской средневековой художественной литературы сохранились автограф монографии "Ал-Вава Дамасский", предисловие к рукописи "Чудеса Михаила" с приложением копии рукописи на арабском языке (1907 г.), ряд статей "Христианско-арабская литература и ее значение", с отзывом акад. В.Р.Розена (1907 г.), "Поэзия по определению арабских критиков" (1909 г.), а также доклады "Язид ибн-Му'авия", читанный в Бейруте в 1909 г., "Общие соображения о плане истории арабской литературы (1940 г.) и др.

Большой интерес представляют рукописи лекций по истории средневековой художественной литературы; среди них имеются отдельные курсы "Семинарий по методологии истории арабской литературы (1935-1947 г.) и "Христианско-арабская литература" (1913-1915 г.).

Мировую известность ученому принесли его труды по истории арабской географической литературы. Из сохранившихся рукописей работ в этой области можно указать наиболее известные статьи "Турецкий первоисточник Ибрахим Мутафаррика и его работы по географии" (1945 г.), "Ал-Бируни и его роль в истории арабской географии" (1946 г.), "Математическая география у арабов (от ал-Хорезми до Улугбека)" (1947 г.), "Два турецких географа ХУП в." (1950 г.), "Географические сочинения ал-Мас'уди (1951 г.),

"Морская география в XV-XVI веке у арабов и турок" (1950 г.) и доклад "Новое издание записки Ибрагима ибн-Якуба о славянах" (1948 г.). К исследованиям об арабских географах относится группа подготовительных материалов, послужившая созданию монографии "Географы". Сохранились рукописи глав монографии, картотека с заметками и выписками о географах, указатели и библиография (1941-1948 гг.).

Ценным дополнением к исследованиям по арабской историко-географической литературе служат курсы и конспекты лекций, часть из них сохранилась в записях студентов (1935-1944 г.).

Вопросы изучения новой арабской литературы отражены в статьях "Исторический роман в современной арабской литературе" (1929-1930 г.), "Арабская литература в Америке (1895-1915)" (1926-1927 г.), "Изучение новой арабской литературы, методы и современные задачи" (1926-1930 г.), "Современные настроения арабской литературы в Египте" (1947 г.), "Новый сборник стихов ливанского поэта Йусуфа Гасуба" (1948 г.) и "Сборник стихов Мухаммеда Махди ал-Джавахери". К этой статье приложены переводы стихотворений, примечания, заметки, выписки на арабском языке (1950 г.).

Ряд работ, посвященных исследованию литературной деятельности бейрутского журнала "Ат-Тарик" сохраняют и теперь научное значение. Это статьи Бейрутский журнал "Ат-Тарик" в 1942 г. (1943 г.), Журнал "Ат-Тарик" во второй половине 1943 г. и СССР (1944 г.), Приветствие арабистов СССР журналу "Ат-Тарик" с новым годом (1950 г.), сохранился текст вступительного сообщения Первые годы "Ат-Тарика", прочитанного на заседании группы арабистов сектора восточных рукописей Института востоковедения АН СССР, которое было посвящено награждению ливанского журнала золотой медалью мира (13 декабря 1950 г.). В этом же разделе имеются небольшие статьи в виде заметок "Арабский писатель Мухаммед Теймур" (1925 г.), "Арабские страны Ближнего Востока и Африки" (1947-1948 г.), "Две новые хрестоматии по современной арабской литературе" (1950 г.) и небольшая заметка об арабской прессе (1950 г.). Из лекционных курсов сохранились лишь фрагменты лекций по новой арабской литературе XIX-XX вв.; заметки и выписки об эмиграции арабских литераторов в Европу, Америку и Бразилию. Биографические и библиографические сведения об арабских писателях и журналистах сосредоточены в составленных И.Ю. Крачковским картотеках, помимо того, им собрана картотека материалов для библиографии по истории арабской журналистики (1907-1950 г.).

В исследованиях И.Ю.Крачковского нашли свое место работы по изучению других восточных литератур. В фонде хранятся автографы статьи "Абиссинские хроники XIV-XVI века", заметок для очерка о сирийской и коптской литературе (1919-1920 г.) и рукописи курсов лекций "Введение в эфиопскую филологию" и "Литература Абиссинии" (1918-1919 г.).

Интересную страницу научного творчества И.Ю.Крачковского составляют его переводы произведений арабской прозы и поэзии. Наиболее ранними переводами являются "Арабы. Литература эмигрантов в Америке (1895-1915 г.)", Материалы для тома переводов: "Евангелие детства и "Книга Иосифа плотника" с предисловиями (1919-1920 г.); к неопубликованным переводам по новой арабской литературе принадлежит Таха Хусейн и его хроника "Дни" , Часть I-II. (1931-1940 г.), "Тауфик ал-Хаким. Из башни слоновой кости (Кипр 1941)" (1947 г.).

Вопросы арабского языкознания находят свое отражение в сохранившихся курсах лекций по истории развития арабского языка, стенограмме лекции "Арабский язык в его прошлом", в лекциях по сабестике (1908-1950 г.). По исследованию разговорного арабского языка имеются рукописные словари бытовых разговорных выражений (1908-1940 г.), арабских слов в русском языке и картотека русско-арабского словаря (1947-1949 г.). Аналогичной теме посвящена серия докладов "Реформа преподавания арабского языка во Франции" (1951 г.), "Образчик арабского канцелярского стиля 80-х годов XIX в. на Северном Кавказе" (1943 г.), "Новые материалы для переиздания арабско-русского словаря профессора Х.К.Баранова" (1950 г.) и "Языковедческая дискуссия и работа над арабским словарем" (1950 г.).

Много времени, творческих сил и внимания отдавал ученый работе по определению и описанию арабских рукописей. Все его труды основаны на исключительном знании источников и глубокой эрудиции. Об этих его занятиях свидетельствует группа заметок, к сожалению, сохранившихся в небольшом числе, к описанию арабских рукописей собрания патриархов Порфирия, Григория IV Антиохийского (1910-1920 гг.), не менее интересны заметки об арабских рукописях в СССР (1930-1933 г.), отдельные статьи - "Юлиус Альтман и арабские рукописи (Комментарий к одному письму И.А.Шляпкина)" (1922 г.), К истории "Корпуса семитических надписей" и "Репертуара семитической эпиграфики" (1949 г.), доклад "Новая находка арамейских документов ахеменидского Египта" (1948 г.). Вопросы

истории арабской культуры затронуты в целом ряде заметок об арабских библиотеках, отдельно о библиотеке св. Иосифа, об Арабской Академии наук (1908-1925 г.); истории шахмат посвящена статья "Лучше поздно, чем никогда" (1946 г.). По этой теме сохранились рукописи лекций, подготовленных в дореволюционное время, курсы лекций об основных элементах арабско-мусульманской культуры и арабской культуры в Испании, написанные в течение 1935-1947 гг. Представление о собрании материалов по библиографии дает карточка библиографии по истории мусульманского и семитского Востока, переводов с арабского языка (1758-1824), "сабейской библиографии", "общей библиографии по арабистике", а также доклад "Неизвестные страницы Библиографии М. Миансарова" (1948 г.).

История арабистики и востоковедения составляет самый обширный раздел научных трудов И. Ю. Крачковского. Проблемам истории развития арабистики посвящены общие очерки "Арабистика в СССР за 25 лет" (1917-1942), "Очерк истории арабистики в России и СССР", "Востоковедение в Академии наук за 220 лет", "Востоковедение в письмах П. Я. Петрова Белинскому" (1942-1948 г.), доклады "Судьба рукописного отдела (о рукописном фонде Института востоковедения АН СССР) (1941 г.), "Задачи арабистики в Крыму" (1924 г.), "Рукописный отдел в истории востоковедения" (1945 г.), автограф выступления в Высшей дипломатической школе по книге "Над арабскими рукописями" (1946 г.); тому же сюжету посвящены курсы лекций "Введение в арабистику. Семитология в университете" (1947-1948 г.).

Большую ценность представляют автографы статей о научной деятельности арабистов, которые "являются живой летописью востоковедной жизни, написанной человеком, умевшим не только видеть, но тонко и изящно изображать виденное"¹.

Его перу принадлежат рукописи, которые представляют бесценный источник биографических и научных сведений об отдельных деятелях арабистики: "Италийский Андрей Яковлевич" (1950 г.), "О фонде Кастаньи" (1926 г.), "Заочный учитель" (Из речи на товарищеском ужине в связи с 70-летием со дня рождения А. Е. Крымского) (1941 г.), "Автограф М. И. Самцова" (1947 г.), "Памяти востоковеда С. Б. Стагоржинского" (1934 г.), "Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков" (1939 г.). Характеристика научной деятельности содержится в ряде статей об академике Н. Я. Марре и его сыне востоковеде Д. Н. Марре.

Среди работ, посвященных научным трудам и востоковедному пути С.Ф.Ольденбурга имеются: автограф речи, произнесенной по поводу 70-летия со дня рождения и 50-летия научной деятельности, конспект доклада "Письма С.Ф.Ольденбурга барону В.Р.Розену" (1934 г.) и статья "С.Ф.Ольденбург. Культура Индии. Посмертные лекции и сообщения под редакцией И.Ю.Крачковского" (1934 г.).

Сохранились доклады, посвященные характеристике научных трудов и деятельности академика В.Р.Розена; один из них написан в 1947 г. в связи с памятной датой - 40-летием со дня смерти основателя новой школы русского востоковедения и другой "О ненапечатанных работах В.Р.Розена" (1917 г.). К этим работам примыкают по содержанию некрологи, посвященные памяти выдающихся востоковедов В.В.Бартольда (1930 г.), И.П.Кузьмина (1922 г.), Мохаммеда Али-Форуги (1943 г.) и др.

Многие работы написаны по личным воспоминаниям, встречам и наблюдениям и носят мемуарный характер. К ним относятся статьи "Выдающиеся историки Востока (по личным воспоминаниям)", "Мои учителя", "Из воспоминаний гимназического товарища М.О.Штейнберга" (1944-1947 г.). Ценным источником по истории арабистики служат картотеки с биографическими и библиографическими сведениями о русских и иностранных исследователях арабского Востока (1930-1950 г.).

По исламоведению сохранилось немного работ, в основном, заметки о "Культуре ислама", статья "Перевод Корана Д.Н.Богуславского" (1937 г.) и др.

Кроме перечисленных работ в фонде хранятся рукописи опубликованных работ, подготовительный материал к статьям в виде заметок, выписок, указателей, библиографии по арабской средневековой художественной литературе, по арабскому языкованию; не вошли в данное обозрение работы о литературных связях Запада и Востока, об арабских материалах по истории народов СССР и истории арабской науки и культуры.

Характеризуя в целом собрание материалов, необходимо отметить, что полнота фактических сведений, содержащихся в документах, позволяет воссоздать обаятельный образ человека, педагога и ученого. Биографические документы подробно освещают летопись личной жизни ученого, начиная с гимназических лет жизни (1893-1951 г.). Личные документы представлены дипломами об избрании академиком по Отделению исторических наук и филологии (1945 г.), доктора филологических наук (1945 г.), лауреата Государственной

премии (1952 г.), аттестат профессора по кафедре "Арабская филология" (1945 г.). Интересную страницу его биографии составляют извещения и дипломы об избрании И.Ю.Крачковского почетным, действительным, членом-корреспондентом и иностранным членом - Иранской Академии наук (1944 г.), Королевского Азиатского общества (1946 г.), Польской Академии наук, Фламандской Академии литературы и искусств (1946 г.), Азиатского института в Нью-Йорке (1947 г.), Московского общества испытателей природы (1916 г.) и Географического общества (1926-1950 г.).

Большое познавательное значение имеют личные дневники И.Ю.Крачковского, которые он начал писать еще в гимназические годы и продолжал вести с перерывом до 1947 г. (1897-1917, 1906, 1908-1910, 1914-1928, 1947 гг.). Интересный справочный материал можно получить из автобиографических заметок и выступлений "Как я стал ученым" (1941-1950 г.), "Справка о количестве языков, нужных среднему филологу" (1938 г.); "Испытание временем. Мысли к 45-летию научной работы" (1948-1949 г.). Из сохранившихся благодарственных писем Государственной Публичной Библиотеки, Библиотеки АН СССР, Пушкинского дома (ИРЛИ АН СССР), Государственной Археографической комиссии выясняется, что И.Ю.Крачковский передавал в дар книги и рукописи из собственной библиотеки и библиотеки своего отца. В разделе биографических материалов включены стихи разных авторов, востоковедов и поэтов, которые посвящались И.Ю.Крачковскому. Сохранились автографы стихов В.М.Алексеева, Б.А.Васильева, Д.К.Щуцкого, стихи Н.С.Куракиной на картины Рериха.

В фонде сложилась значительная группа семейных материалов - его отца Ю.Ф.Крачковского и сестры Ю.Ю.Снитко (ур.Крачковской). Сестра Юлия Юлиановна обладала поэтическим даром и оставила несколько тетрадей своих стихов и переводов. Большое значение сохраняют написанные ею воспоминания о семье Крачковских, к сожалению, неоконченных, ввиду ее смерти во время блокады Ленинграда в 1942 г.

Материалы по научно-организационной деятельности полно и разноотсторонне отражают многогранную деятельность И.Ю.Крачковского. Вся научная жизнь его была связана с Азиатским музеем, впоследствии Институтом востоковедения АН СССР, и отложившиеся в фонде документы характеризуют подробно научную деятельность в этом учреждении (1919-1951 г.). Сохранились документы о научной работе И.Ю.Крачковского в Российской Академии материальной куль-

туры и в Союзных академиях наук (1919—1950 г.).

Обширный и ценный материал составляет деятельность ученого в обществах и ассоциациях (1919—1950 г.): в Российском палестинском обществе (1909—1950 г.), Обществе русских ориенталистов в С.-Петербурге (1910 г.), Русском археологическом обществе (1920—1922 г.), Таврическом обществе истории, археологии и этнографии (быв. Таврической ученой архивной комиссии) (1924—1926 г.), Всесоюзном Географическом обществе (1928—1950 г.), Немецком обществе стран Востока (1934—1945 г.), Киевском филиале Всеукраинской научной ассоциации (1925—1928 г.), Ассоциации по исследованиям ислама (1935—1950 г.).

Одновременно И.Ю.Крачковский вел большую педагогическую работу в высших учебных заведениях, среди которых ведущее место принадлежало Ленинградскому университету им. А.А.Жданова. Материалы о преподавании И.Ю.Крачковского в университете охватывают период деятельности начиная с 1915 по 1950 г. и содержат подробную информацию об организации учебного процесса на Восточном факультете. Значительная по объему, группа документов освещает преподавательскую работу в Институте живых восточных языков им. А.С.Буюкидзе (1924—1935 г.) и в Ленинградском государственном историко-лингвистическом институте (1929—1931 г.).

Переписка по научным вопросам с иностранными учреждениями освещает международные научные связи И.Ю.Крачковского. Эпистолярная часть фонда очень обширна и включает письма корреспондентов к И.Ю.Крачковскому и семейную переписку. Разборка писем еще только начата и работа по систематизации писем и уточнению корреспондентов находится в черновом виде.

В фонде отложились научные материалы, принадлежащие другим лицам. Среди них особое место занимают материалы, принадлежащие востоковеду В.А.Эберману (1917—1933 г.). И.Ю.Крачковский бережно сохранил не только его научные материалы, студенческие записи лекций, но и небольшую группу биографических документов. Научные материалы включают лекции, заметки, выписки, статьи по истории средневековой арабской художественной литературы, востоковедению, истории арабов, Ирана, Средней Азии, по истории арабской культуры и науки, арабскому языкознанию (1917—1933 г.).

По-видимому, рукописные и биографические материалы В.А.Эбермана будут выделены из фонда И.Ю.Крачковского и оформятся в самостоятельный фонд.

В фонде много фотографий, которые систематической разработке

и описанию тоже еще не подвергались. Между тем, при визуальном просмотре оказалось, что среди фотографий имеются фотопортреты И.Ю.Крачковского за разные годы жизни, его производственные портреты — за работой в кабинетах учреждений, на лекциях, во время научных конференций и сессий, серия семейных фотопортретов и группа портретов ученых, в основном, арабистов, друзей и знакомых.

Вторая часть материалов относится к личному фонду В.А.Крачковской, востоковеда, доктора исторических наук. По содержанию материалы фонда разносторонне отражают ее научную и педагогическую деятельность.

В составе фонда имеются рукописи научных трудов В.А.Крачковской, биографические документы, материалы по научно-организационной и педагогической деятельности, переписка, рисунки и этюды В.А.Крачковской, научные труды других лиц.

Среди научных трудов значительное место занимают работы по эпиграфике, истории материальной культуры Ирана, истории восточной архитектуры, палеографии папирусов (1925—1970 г.).

Биографические материалы состоят из личных документов (диплом доктора исторических наук, аттестат профессора и др.), автобиографий, списков научных трудов, семейных документов родителей, фотографий и альбомов с видами городов и художественными открытиями.

Большой интерес вызывает воспоминания В.А.Крачковской из семейной хроники и мемуары о совместной жизни с И.Ю.Крачковским. Из них особенно ценны воспоминания о встречах И.Ю.Крачковского с венгерским ученым И.Гольдциэром (1908—1914 г.).

Значительная группа материалов разносторонне раскрывает ее научную и педагогическую деятельность во многих учреждениях и вузах, из которых прежде всего следует упомянуть Всесоюзную Академию художеств, Академию архитектуры СССР, Ленинградский государственный университет и др. (1925—1953 г.).

Обзор рукописного наследия И.Ю.Крачковского и параллельно В.А.Крачковской носит предварительный характер, ибо описание материалов далеко еще не закончено и разборка обоих фондов находится в настоящее время в стадии активной научно-технической обработки. По окончании всех работ по составлению описей, ценные материалы ученого, возглавлявшего до самой смерти советскую арабистику, будут введены в научный оборот и явятся бесценным источником для истории востоковедения.

---

1) Б.Н.Заходер, Предисловие. Избранные сочинения И.Ю.Крачковского, т.У, М.-Л., 1958, с.3.

А.А.Долинина

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ АРАБСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В АРХИВЕ И.Ю.КРАЧКОВСКОГО

"Вы, господа ориенталисты, удивительнейшие люди: вы ближе всех к той божественной силе, которая оживляет кости, даже когда они истлели", - писал И.Ю.Крачковскому Амин ар-Рейхани, получив от него издание "Послания об ангелах" Абу-ль-Ала с русским переводом. По словам ар-Рейхани, "горячее дыхание с севера", коснувшись этого послания, вдохнуло в него "земную жизнь", так что оно заговорило "вторично, людской речью на языке арабов с перлами русского языка в промежутках".¹⁾

Эта свойственная большому ученому "божественная сила" побуждала И.Ю.Крачковского не только к изданию и исследованию, но и к переводу памятников арабской литературы на протяжении всей его жизни. Здесь нет нужды перечислять все переводы, которые он публиковал отдельно или включал в тексты своих научных статей, и переводы, которые вышли под его редакцией или были предприняты по его инициативе. Все они хорошо известны.

После кончины И.Ю.Крачковского в его архиве, в числе большого количества неопубликованных трудов, оставалось и немало переводов разного уровня завершенности и подготовленности к печати. Среди них были материалы из арабской средневековой литературы, в том числе стихи доисламских поэтов, Коран, "Книга о новом" Ибн аль-Мутазза и др., а также - из новой литературы: произведения Таха Хусейна, Тауфика аль-Хакима, писателей сиро-американской школы и др.

Первая возможность хоть частично издать это наследие представилась в середине 50-х годов, когда под влиянием изменений в международной обстановке наши культурные связи с Арабским Востоком стали оживляться и укрепляться.

По заказу Издательства художественной литературы В.И.Беляев начал составление сборника "Арабская проза". Он обратился к В.А.Крачковской с просьбой предоставить неопубликованные переводы И.Ю.Крачковского. В сборник должны были войти художественные

произведения малых форм, поэтому выбор пал на стихотворения в прозе и эссе писателей сиро-американской школы — Амина ар-Рейхани и Джебрана.

В сборнике "Арабская проза", изданном московским отделением Гослитиздата в 1956 г., впервые увидели свет неопубликованные переводы И.Ю.Крачковского: три эссе Амина ар-Рейхани ("В такой день мила и геенна!", "Два стиха аль-Мутанабби", "Утешение в несчастье и несчастье в утешении") и десять стихотворений в прозе Джебрана Халиля Джебрана. Эти произведения были вполне подготовлены самим И.Ю. к печати и редакторская правка была минимальной. В 1961 г. весь этот материал, за исключением эссе "Два стиха аль-Мутанабби", вошел в состав сборника "Современная арабская проза", выпущенного ленинградским отделением Гослитиздата.

Вслед за ар-Рейхани и Джебраном удалось опубликовать в Издательстве "Художественная литература" и все переведенные И.Ю.Крачковским отрывки из произведения Тауфика аль-Хакима "Из башни слоновой кости", содержащего размышления писателя о жизни и о литературе. Эти отрывки, также полностью подготовленные переводчиком к печати, были опубликованы в № I "Восточного альманаха" в 1957 г. Издательская редакция их не коснулась: они публиковались как архивный материал.

Тому же издательству было предложено тогда еще три рукописи И.Ю.Крачковского: "Древняя арабская поэзия", "Путешествие Финьянуса" Шукри аль-Хури и "Дни" Таха Хусейна (часть II, ранее не публиковавшаяся; теперь предполагалось также печатать обе части вместе).

Выполненные И.Ю.Крачковским переводы древней поэзии заинтересовали издательство только как подстрочник. В.А.Крачковская не согласилась на подобное использование переводов И.Ю., и рукопись была возвращена.

"Путешествие Финьянуса" и "Дни", по мнению издательства, нуждались в коренной редакторской правке, с которой не были согласны ни В.А.Крачковская, ни В.И.Беляев, которому предстояло быть ответственным редактором издания. В конечном итоге вопрос о публикации всех этих трех рукописей был тогда снят.

В скором времени перевод "Дней" был предложен Издательству восточной литературы АН СССР (ныне — Главная редакция восточной литературы изд-ва "Наука"), и обе части "Дней" вышли отдельной книгой в 1958 г. к съезду писателей стран Азии и Африки. Текст ч. II был подготовлен к печати А.Б.Халидовым; им же была добавле-

на глава к предисловию И.Ю.Крачковского, написанному к изданию ч. I в 1934 г.

Следует упомянуть еще две публикации из архива И.Ю.: перевод "Книги о новом" Ибн аль-Мутаза, вошедший в т. VI "Избранных сочинений" (М., 1960 г.); текст был подготовлен мною, редактор тома - В.И.Беляев; и Коран (М., 1963 г.), подготовленный к печати В.А.Крачковской и П.А.Грязневичем, также под редакцией В.И.Беляева. Перевод обоих памятников опубликован в том виде, в каком он был оставлен И.Ю.Крачковским.

Что же еще осталось в архиве И.Ю.Крачковского? Старая арабская литература представлена прежде всего переводами из древней арабской поэзии, о которых упоминалось выше. Это - автограф объемом не менее 8 п.л.; приблизительно половина материала имеется и в машинописной копии (100 м/п стр.). Перевод сделан прозой, в том же духе, что и знаменитая "Песнь пустыни" аш-Шанфары (см. Избранные сочинения, т. II, с. 240-244). Рукопись содержит перевод 9 муаллака, стихов Тааббата Шарран, Имруулькайса, Альхамы, Абида б. аль-Абраса, Каба б. Зухейра, Хассана б. Сабита, ас-Самауваля, Саламы б. Джандаля, аль-Хансы и др. Всего - 67 стихотворений 32 поэтов. В рукописи имеется перевод нескольких стихотворений омейядского поэта аль-Ахталя. К тексту сделаны примечания: указания на источники перевода, уточнения значений слов, ссылки на словари, параллельные источники и т.п. Большая часть переводов датирована 1921 г., несколько - 1918 и 1922 гг. Очевидно, они предназначались для публикации издательством "Всемирная литература".

Я полагаю, что необходимо изыскать возможности для издания этого материала отдельной книгой, как издан был Коран - с предисловием, примечаниями И.Ю. и необходимым аппаратом. Текст должен быть сохранен в том виде, в каком он оставлен автором, чтобы и эти его переводы могли послужить "надежной основой для дальнейшей углубленной работы"²⁾ по изучению классической арабской литературы, как это мыслилось при издании перевода Корана.

В то же время эти переводы могут послужить "надежной основой" и для поэта, который пожелал бы обратиться к наследию древней арабской поэзии. Такое использование их предусматривалось, кстати, и самим автором. В предисловии к изданию "Песни пустыни" в 1924 г. И.Ю.Крачковский писал: "Филологический перевод не претендует на самостоятельное художественное значение, прежде всего потому, что он исполнен прозой и ни в какой мере не передает

форму оригинала... Переводчик хотел бы надеяться, что его работа послужит опорой для поэта, который пожелает воплотить Песнь пустыни в русских стихах".³⁾ Но - добавим мы - здесь для успеха необходимо содружество серьезного поэта и арабиста-филолога.

Другой памятник старой литературы, переведенный И.Ю.Крачковским - это апокрифические евангельские книги - "История Иосифа плотника" и "Евангелие детства", над которыми И.Ю. работал в апреле 1919 г. Переводы сохранились как в чистовом автографе, так и в машинописи. Объем - 51 стр. (соответственно 19 и 32). Выполнены они по Утрехтскому изданию Сайка (1697 г.). Имеются небольшие предисловия переводчика (в черновике): общее (9 рукоп. стр.) и специально к "Истории Иосифа плотника" (6 рукоп. стр.). Мне кажется, подобным материалом мог бы заинтересоваться, например, такой орган, как "Византийский временник".

Из переводов новой литературы первое место занимает подборка материалов, связанных с сиро-американской школой. Эта подборка состоит из трех частей:

ч. I. Статьи, речи и стихотворения в прозе Амина ар-Рейхани (из тт. I-II "ар-Рейханиййат"). Это - 146 рукописных страниц, переписанных рукой В.А.Крачковской с вложением листков из № I журнала "Восток", где были напечатаны "Революция" и "Ветка розы"; очевидно, И.Ю. мыслил их в составе этого цикла. Всего, включая эти два стихотворения, - 18 произведений; 3 из них, как было упомянуто, вошли в сборник "Арабская проза".

ч. II. Введение, заключение и стихотворения в прозе Джебрана Халиля Джебрана из книги "Слеза и улыбка", всего числом 36, включая десять опубликованных в "Арабской прозе". В этот раздел входят также небольшие отрывки из рассказов Джебрана "Безумный Иван", "Безбожник Халиль" и глава из "Сломанных крыльев" ("Между Астартой и Христом"). Эта часть сохранилась в машинописи с незначительной правкой И.Ю.; объем - 84 больших печатных страницы (= 98 обычных); 4 страницы утеряно (начало главы из "Сломанных крыльев").

ч. III. "Арабы об эмиграции и литература эмигрантов в Америке", содержит материал публицистический: главу "Конституция и эмиграция" из книги Сулеймана аль-Бустани "Наставление и напоминание", отъезды Л.Шейхо о первой и второй частях "ар-Рейханиййат", предисловие Амина аль-Греймба к сборнику рассказов Джебрана "Мятельные души" и предисловие Насиба Ариды к сборнику "Слеза и улыбка". Эта часть занимает 54 страницы, переписанных рукой В.А.Крачков-

ской. Общий объем всей подборки около 10 п.л.

Другой неопубликованный большой перевод из новой литературы также связан с арабской эмиграцией – это упоминавшееся уже "Путешествие Финьянуса" Шукри аль-Хури – юмористическое произведение, рисующее быт и нравы ливанцев на родине и в Бразилии на рубеже XIX–XX веков. Перевод сохранился и в рукописи (частично – рукой В.А.Крачковской, частично – автограф) и в машинописи, занимающей 88 стр., т.е. около 4 п.л.; автограф перевода датирован сентябрем–декабром 1933 г. Думаю, что "Путешествие Финьянуса" вместе с переводами из ар-Рейхани, Джебрана и других сиро-американцев, снабженные обстоятельным предисловием, могли бы составить единую книжку "Литература арабской эмиграции в переводах И.Ю.Крачковского", которая была бы интересна как специалисту, так и широкому читателю.

Помимо всего этого, в архиве хранится еще один небольшой перевод из Таха Хусейна под названием "Моя жена" – интервью писателя журналисту Ахмеду ас-Сави Мухаммеду ("аль-Хиляль", август 1928 г.). Этот перевод сохранился в трех копиях: автограф, помеченный ноябрем 1934 г.; копия рукой В.А.Крачковской и машинопись, занимающая 7 стр. Материал любопытный; можно пожалеть, что в свое время он не был опубликован как приложение к "Дням" или в составе "Арабской прозы". Надо думать, этот перевод подошел бы для "Восточного альманаха" или журнальной публикации.

В автографе, помеченном маем 1944 г., сохранился перевод касыды Раифа Хури (72 стиха) из журнала "ат-Тарик", № 18–19 за 1943 г. На мой взгляд, касыда по содержанию своему представляет интерес только для специалистов.

Заканчивая обзор переводов из арабской литературы в архиве И.Ю.Крачковского, я хочу еще раз подчеркнуть, что почти все они требуют скорейшей публикации, тем более, что интерес к арабской литературе растет и переводчики обращаются иной раз к тем же произведениям, что и И.Ю., и переводят их с куда меньшим искусством, как это произошло, например, со стихотворениями в прозе Джебрана в книге "Сломанные крылья" (М., 1962, переводчик В.Волосатов).

В заключение я хочу выразить мою благодарность сотруднице Архива АН СССР Г.Н.Чеботаревой, которая помогла мне ознакомиться с архивом И.Ю.Крачковского.

---

1) И.Ю.Крачковский, Избранные сочинения, т. I, с. 48.

2) Коран. Перевод и комментарий И.Ю.Крачковского. М., 1963, с.10.

3) "Восток", кн.4, 1924, с.59 (=Избр. соч., т.П, с.240).

Д.Е.Бертельс

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА
ХРИСТИАНА ДАНИЛОВИЧА ФРЕНА

О Х.Д.Френе, первом директоре Азиатского музея, написано довольно много,¹⁾ но все увидавшее свет носит характер библиографический или мемуарный и не дает полного портрета его как ученого и человека. Попытку в общих чертах охарактеризовать его как человека предпринял, пожалуй, лишь П.Савельев в вводной части своей статьи о нем (с.9-12). Однако, в кратком предисловии он предупреждал читателя, что его статья "не имеет притязаний на биографическую полноту, для чего надобно было иметь под руками все оставшиеся после Френа бумаги и его переписку" (подчеркнуто мною, - Д.Б.). И далее: "Это лишь очерк ученой деятельности знаменитого нашего ориенталиста=нумизмата, который еще ожидает себе биографа".

Ожидание это продолжается и по сей день!

Много внимания уделил Х.Д.Френу и И.Ю.Крачковский в своих "Очерках",²⁾ также упомянув о письмах, хранящихся в архиве Френа.³⁾

Преждевременным и несправедливым будет суждение, что о жизни и деятельности Френа все уже изучено и известно. Начать хотя бы с того, что архив Френа до сих пор еще должным образом не упорядочен, что отчасти объясняется тем, что почерк Френа читается с трудом - он писал очень мелко, по-немецки или по-латыни, да к тому же еще готическим шрифтом. Нет еще данных о наличии материалов самого Френа и о нем в других хранилищах. Так, например, автор этих строк, работая в ЦГИА СССР (Ленинград) обнаружил большое количество материалов о жизни и деятельности Френа в фондах Сената - III Департамент, Департамент народного просвещения и др. Рукописи работ Френа были обнаружены в Отделе рукописей Гос. библиотеки им. В.И.Ленина (ф.178), в Гос.историческом музее (Москва).

В небольшой статье И.Ю.Крачковского о переписке В.Р.Розена⁴⁾ сказано, что переписка В.Р.Розена может сравниться по

своему значению только с перепиской Френа. Его переписка блестяще характеризует I-ю пол. XIX в. в истории востоковедения, а переписка Розена – последнюю четверть его и начало XX в.

В архиве Френа находится его переписка с учеными, писателями, государственными деятелями, насчитывающая свыше 2700 писем. Остановлюсь лишь на переписке с двумя корреспондентами, тем более, что в данном случае мы имеем оба ее конца, что, к сожалению, далеко не всегда возможно, особенно, в переписке с зарубежными учеными.

Большой интерес представляют письма к Френу Н.П.Румянцеву⁵⁾ – 75 писем на 110 лл., 1815–1825 г. Письма Френа к Румянцеву хранятся в Отд. рукописей Гос.библиотеки СССР им. В.И.Ленина – 13 писем за 1818–1823 гг. (ф.255, к.10, № 40).

Среди корреспондентов Френа был и С.С.Уваров, а поскольку его письма к Френу касались вопросов востоковедения в России, Азиатского музея, то возникла необходимость ознакомиться с письмами Френа к нему.

Фонд президента⁶⁾ Академии наук С.С.Уварова, как это не странно, оказался не в Архиве АН СССР, а в Гос. историческом музее (Москва, ф.17). Писем Френа в нем около двух десятков с 1815 по 1837 г. на 70 с лишним лл.⁷⁾ Первое письмо Френа Уварову датировано 8 марта 1815 г., в котором он благодарит его за присылку "Проекта Восточной академии". "Ваши идеи о восточной академии, – писал Френ, – разбудили во мне разносторонние интересы. Пусть же не будут общие исследования Востока в России находиться в слабых руках пары одиноко стоящих ученых, пусть же станут они в ближайшем будущем предметом разработки целой группы ученых, объединенных рвением и силой. Пусть и на этой ниве Россия будет соревноваться с Англией, Австрией и Францией".

В письме от 11 декабря 1816 г., являющегося ответом на предложение Уварова занять пост главы имеющего быть созданным Азиатского музея, Френ писал, что такое государство как Россия, которая имеет возможность учить востоковедов у себя, не должна посылать своих молодых ученых за границу, не должна приглашать иностранцев, чтобы они учили молодых людей. В качестве примера будущего ученого и учителя он называет своего ученика Януария Ярцова.⁸⁾

Таким образом, к моменту приезда Френа в Петербург он уже довольно хорошо заочно был знаком с Уваровым – более 2-х лет переписки.

Этим знакомством и следует, пожалуй, объяснить довольно откровенный характер его письма к Уварову, озаглавленное им "Мои пожелания".

Читая то, что написано о Френе, можно думать, что когда он приехал в Петербург, то сразу же все пошло по латинской пословице: "Пришел, увидел, победил" и на него, как из рога Фортуны, посыпались блага земные. Однако, было это далеко не так. Вот некоторые отрывки из упомянутого выше письма.

"Уже много лет, - писал он Уварову, - придал я моим студиям такое направление, которое со временем, быть может, окажется в состоянии принести науке некоторую пользу. Особо направил я их на арабскую лингвистику и критику, а равно и на мусульманскую археологию. Из отраслей, которые многим представлялись мертвыми полями и степями, сумел я добыть кое-какую жизнь, извлечь кое-какую пользу, ибо я долго трудился на этих нивах и неуспешно жил только ими. Тем самым сумел я озарить неким светом те или иные темные точки древности, осветить в некоей степени до сей поры не объясненные те или иные языковые феномены. Внутри страны и за рубежом, в чьих голосах я должен быть заинтересован, мои устремления и опыты были сочтены как не бесполезные. Таким образом, я прежде всего возлюбил эти нивы и мне будет простительно, если я не смогу расстаться со студиями, на которых я 10-12 лет концентрировал мои скудные силы и в коих мои предварительные работы достигли такого объема, который обеспечивает мне возможность будущих обобщений. Ими я вполне смогу жить на предложенном мне в Ростокe месте. Они избавят меня почти полностью от какого бы то ни было преподавания... Они обеспечат мне при сем достаточный доход чрез жалованье в 800 рейхсталеров, ... к чему я сверх того могу еще рассчитывать на 200 рейхсталеров, которые мне могут устроить тамошние профессора, связанные с *Emolumente* (т.е. побочные доходы), - Д.Б.), как, напр., сотрудничество в литературных газетах Германии. Так что я буду иметь около 1000 рейхсталеров в год, чем я вполне могу обойтись.

Должность, на которой я ныне нахожусь - академик по разряду восточных древностей⁹⁾ - также вполне соответствует моим склонностям. И в этой должности я имею возможность направить мои студии по мирному пути, смогу жить привычными научными исследованиями... Однако она лишена того преимущества, которое связано с местом в Ростокe, ибо она не обеспечивает мне необходимых средств к существованию.

Я - отец семейства (жена и трое детей, - Д.Б.) и семья моя умножается. С нынешним доходом в 2200 руб., жалованием академика, мне невозможно свести концы с концами, даже если я продолжу, как и нынче, ограничивать всю мою прислугу одной служанкой. Двое моих детей должны пойти в школу. Самый дешевый пенсион (т.е. содержание - Д.Б.) для двоих будет стоить по меньшей мере 600 руб. О прочем говорить не буду. Благодаря принятию побочных должностей, сколько они только могут заполучить, большинство членов Академии повышают свои доходы до 4-6000 руб. в год. Я же слишком люблю мою науку, чтобы время, которое я на нее трачу, непроизводительно расходовать на мешающие мне побочные занятия. Я слишком честный человек, чтобы буде я смогу взять побочные должности, я сам или время, которое я смог бы им уделять, были бы недостаточны.

...Я требую, быть может, меньше, когда я хочу иметь сумму эквивалентную моему доходу в Ростове приблизительно в 1000 рейх-сталеров.

За это я охотно возьму на себя одновременно и надзирание над всем или частью восточного минц=кабинета, более того - я сердечно желаю последнее, чтобы я без помех мог бы пользоваться эту коллекцию, мог бы продолжить ее объяснение и всеми силами смог бы содействовать ее совершенствованию. Этому музею, который не смог бы достичь такого богатства без многочисленных дарений покровителей и друзей науки, который затем долгие годы, как кажется, был предан забвению, я вновь наружу покровителей и друзей. Невероятное количество дублетов не должно лежать мертвым грузом. Посредством обмена академическая коллекция может быть доведена до такой степени совершенства, которое я ей гарантирую, как и первое место среди восточных минц=кабинетов".

О том, как Френ работал, свидетельствует такой документ - 22 августа 1817 г. непрменный секретарь Академии Н.И.Фус писал исправляющему должность министра просвещения А.Голицыну, что Френ "в течение четырех недель ежедневно с шестого часа по полуночи до вечера занимался очисткой, разобраньем, классификацией, расположением, выбором и отметкой около 4500 монет, однако он с трудом мог окончить сей предуготовительный только труд едва над четвертой частью всего собрания, содержащего около 20.000 восточный монет". 10)

Когда Академия избрала Френа академиком, исполняющий должность министра просвещения Осип Козодавлев доложил об этом царю обстоятельной запиской, в которой между прочим писал, что Ака-

демия признает "сего ученого мужа единственным средством для того, чтобы знатное собрание монет и редкостей сделать полезным чрез описание оного и приведения в систематический порядок". 19 октября 1817 г. Александр I начертил на этой записке "Быть по сему. Москва",¹¹⁾ иными словами утвердил его в должности академика.

В § 4 письма Френа идет также речь о крайне остром не только в те годы вопросе — о казенной квартире, которая полагалась ему как академику. С момента прибытия в Петербург Френ с семьей жил в двух комнатах, любезно предоставленных ему академиком Ф.И.Кругом в своей квартире.¹²⁾ Френ долгое время не получал квартиры, как он пишет, из-за "неоднократно направленных против меня маневров смотрителя милицейского кабинета", т.е. академика Ф.И.Шуберта. В конце концов, следуя совету Круга, он самовольно занял одну из пустующих квартир в академическом доме и был рад, что так поступил, ибо разрешения Академии на нее он так и не получил. Однако, это была мало пригодная для жилья квартира, а тем паче для работы, так как рабочий кабинет Френа примыкал к комнате, являющейся одновременно гостиной, жилой комнатой, детской и спальней". "И там я работал при таких разнообразных помехах, при которых, я уверен, не работает ни один из всех прочих академиков...".

Вот так началась жизнь ученого в столице!

Со временем, правда, жизнь Френа начала налаживаться в чем, вероятно, немаловажную роль сыграл, быть может, такой документ:

"Князь Александр Николаевич!¹³⁾ Императорской Академии наук ординарному академику Френу, во уважение отличных познаний его по своей части и усердия к службе, всемилостивейше повелеваю производить в пенсионе, сверх получаемых им окладов жалованья по разным занимаемым им должностям, по 1500 руб. в год из экономических сумм оной Академии. Пребываю Вам всегда благосклонный Александр. В С.Петербурге, 25-го апреля 1820 г."¹⁴⁾

Не говоря уже о том, что письмо "Мои пожелания" не подтверждает мнение о якобы посыпавшихся на Френа благах тотчас же по его прибытии в Петербург, оно позволяет получить более яркое представление о нем, как о человеке и как ученом. Имея возможность более благополучно устроить свою жизнь в Ростове, он тем не менее предпочел связать свою жизнь с Россией, с русской наукой. Фактически почти без крова, испытывая серьезные материаль-

ные затруднения, Френ с раннего утра до глубокой ночи работал в Азиатском музее над коллекцией восточных монет. Это был человек, для которого интересны науки, сама наука стояли превыше всего.

---

1) Назовем лишь несколько: Справочный энциклопедический словарь Крайя, т. II, 1848, с. 413-416; Б. Дорн, Академик Френ и его ученая деятельность, - УЗАН, т. 3, вып. 3, 1855, с. 434-454; широко известная статья П. Савельева, О жизни и ученых трудах Френа, СПб., 1855. Наиболее полно литература о Френе собрана в неопубликованном словаре Г. Гульбина, лл. 556-564 и в "Биобиблиографическом словаре отечественных тюркологов", М., 1974, с. 279-281.

2) И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, - Избранные сочинения, т. V.

3) Архив Френа хранится в ЛО Архива АН СССР (ф. 778).

4) "Русские письма академика В. Р. Розена в Азиатском музее АН СССР", - ДАН, 1929, с. 228-236. В настоящее время архив В. Р. Розена хранится в ЛО Архива АН СССР (ф. 777).

5) Н. П. Румянцев (1754-1826) - с 1807 г. канцлер, в 1814 г. ушел в отставку и занялся сбором материалов по русской истории.

6) Президентом Академии Уваров стал 12 янв. 1818 г., а в то время - попечитель С.-Петербургского учебн. округа с 1811 г.

7) Переписка велась на немецком языке. Переводы мюн.

8) Я. О. Ярцов (1792-1861) - ученик Френа по Казанскому университету; вслед за Френом переехал в Петербург, где в 1818 г. был избран адъюнктом АН по восточным языкам, но в 1819 г. перешел на службу в МИД. Подробнее о нем см.: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, с. 296.

9) Френ был избран ординарным академиком 24 сентября 1817 г.

10) ЦГА СССР, ф. 733, оп. 12, № 163, лл. 5-8. Все дело, к которому подшиты еще 3 дела, посвящено исключительно Френу и содержит его "Послужной список" (лл. 35-38 и 47-50 - чистовик), составленный 19 сентября 1817 г. Самый полный "Формулярный список о службе..." составленный в августе 1851 г., после смерти Френа, имеется в деле № 218^б, лл. 124-139, из которого явствует, что Френ принял присягу на подданство в Российской империи 11 марта 1840 г., перечислены все научные учреждения и общества, членом которых был Френ с указанием точных дат избрания и т. п.

II) ЦГА СССР, ф. 744, оп. 1, № 8, лл. 104-108.

12) С Ф.И.Кругом Френ переписывался с февраля 1814 г., см. ЛО Архива АН СССР, ф.778, оп.2, № 160, а также ф.88, оп.1.

13) Министр духовных дел и народного просвещения кн.

А.Н.Голицын.

14) ЦГА А СССР, ф.744, оп.1, № II, л.55.

А.И.Михайлова

НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ ЛЕНИНГРАДСКИХ АРАБИСТОВ
В АРХИВЕ ВОСТОКОВЕДОВ ЛО ИВ АН СССР

В фонде Архива востоковедов ЛО ИВ АН СССР материалы отечественных арабистов занимают значительное место. Они являются главным источником для изучения истории развития арабистических исследований в нашей стране. Поэтому подготовка полного обзора всех материалов арабского фонда имеет первостепенное научное значение.

Важность этой задачи усугубляется тем, что многие материалы заслуживают внимания не только с точки зрения истории науки. Среди них есть труды — монографии и статьи, сохраняющие и сегодня свою научную значимость. Одни из них вполне закончены, подготовлены к печати и могут быть переданы в Издательство без какого-либо вмешательства в текст. Другие требуют некоторых корректив и дополнений с учетом современного состояния проблемы, которой посвящена работа. Наконец, некоторые материалы могут быть обнаружены в виде реферата и т.п.

Я бы хотела подчеркнуть в этой связи, что публикация архивных работ — в той или иной форме — была бы не только выполнением нашего долга в отношении безвременно ушедших из жизни тружеников науки и не только восстановлением преемственной связи в научном исследовании, без чего не может быть полноценного развития самой науки. Издание такого рода архивных материалов будет реальным вкладом в развитие нашей науки сегодня. Оно позволит избежать повторения уже проделанной работы, сэкономит время и силы

сегодняшних ученых для разработки новых проблем, и это будет ощутимым содействием научному прогрессу.

В своем сообщении я ограничусь обзором архивных материалов, относящихся, главным образом, к научной деятельности Арабского кабинета ИВ АН СССР в предвоенные годы.

Арабский кабинет ИВ АН СССР был организован в 1930 г. В предвоенные годы он состоял из пяти сотрудников и двух аспирантов, все они были учениками И.Ю.Крачковского. С ними были связаны его надежды на осуществление задуманных им научных планов. Однако пять из них не дожили до конца Великой Отечественной войны.

Летом 1939 г. в возрасте 37 лет скончался выдающийся арабист-лингвист Я.С.Виленчик. Это была тяжелая утрата для Арабского кабинета и для отечественной арабистики. Он умер в начале своего научного пути, самые крупные его труды остались неизданными и хранятся в нашем архиве.

Главным трудом всей жизни Я.С.Виленчика было составление фундаментального словаря сиро-палестинского наречия живого арабского языка. Картотека этого словаря находится в Архиве; в конце 50-х - начале 60-х гг. была начата подготовка словаря к изданию, однако работа приостановилась. Сам автор оставил словарь в черновом виде, обработка собранного им материала нуждается в труде арабиста диалектолога высокой квалификации, не уступающей квалификации самого Я.С.Виленчика. К сожалению, такого специалиста в Ленинграде сейчас, по-видимому, нет.

В процессе работы над словарем возникли другие работы Я.С.Виленчика, на которые я и хотела бы обратить внимание арабистов:

1. "Названия пород арабских лошадей. Этим по языку бедуинов Сирийской пустыни". Это - законченное и подписанное в 1937 г. академиком А.Н.Самойловичем к печати монографическое лингвистическое и фольклорное исследование на немецком языке (введение на русском языке) под редакцией И.Ю.Крачковского; в работе около 10 а.л. - 199 машинописных страниц плюс 18 страниц большого формата в рукописи. (Шифр - р.1, оп.8, № 37).

2. Вторая монография Я.С.Виленчика на русском языке - "Происхождение арабского определенного члена "ал". Этим по исторической грамматике арабских диалектов Переднего Востока". Работа была подготовлена к печати в 1938 г.; объем ок. 6 а.л. - 119 листов. (Шифр - р.1, оп.8, № 38).

3. На карточках (4500 шт.) осталась еще одна работа Я.С.Ви-

ленчика "Зоологические термины арабских диалектов". Картотека в полном порядке; тексты, однако, транскрибированы по той особой системе Я.С.Виленчика, как и большой его словарь. (Шифр - р.І, оп.8, № 36).

Работы лингвиста такого высокого класса, как Я.С.Виленчик, должны быть опубликованы - например, как архивный материал, ротапринтным способом.

После смерти в 1939 г. известного арабиста историка-исламоведа А.Э.Шмидта остался и хранится в нашем Архиве востоковедов выполненный им критический, комментированный перевод одного из старейших и важнейших источников для социально-экономической истории халифата Уш-ІХ вв. "Китаб ал-харадж" ("Книги о налогах") Абу Йусуфа Йа'куба (ум. 182/798 г.). Эта работа была начата по инициативе Арабского кабинета ИВ АН СССР и выполнялась по договору. В работе более 450 машинописных страниц (к сожалению, из них 40 страниц оказались утраченными). Примечания к переводу составлены арабистом-историком А.М.Шами, указатели составлены О.А.Крауш. (Шифр - р.І, оп.8, № 47, 48, 49).

Эта архивная работа давно уже широко используется востоковедами, и это не удивительно. Из трех дошедших до нас "Книг о налоге" - Абу Йусуфа, Йахьи ибн Адама и Кудама ибн Джа'фара - "Китаб ал-харадж" Абу Йусуфа наиболее важный труд. Его автор Абу Йусуф - первый верховный кади (кади-л-кудат) Багдада, занимал этот пост в правление трех аббасидских халифов - ал-Махди, ал-Хади и Харуна ар-Рашида. По поручению последнего он и составил это руководство по управлению государством и его финансами. Сочинение касается почти всех вопросов государственного управления эпохи раннего феодализма на Востоке: законы войны, распределение добычи и обращение с военнопленными, ленное и государственное землевладение и т.п. Вводная часть к переводу отсутствует, также как и предисловие И.Ю.Крачковского, оговоренное в макете титульного листа перевода.

В связи с окончанием этой работы А.Э.Шмидта в Арабском кабинете возникла мысль организовать серию переводов аналогичных источников по социально-экономической истории халифата. Сотрудница кабинета, к тому времени Ученый его секретарь, О.А.Крауш, взяла темой своей кандидатской диссертации перевод и исследование "Китаб ал-харадж" современника Абу Йусуфа - Йахьи ибн Адама ал-Кураши (ум. 203/818-19 г.). В мае 1941 г. О.А.Крауш представила на обсуждение выполненную ею работу. Она включала вступительную часть -

рукопись в 19 страниц большого формата, писанную убористым почерком. В этой части О.А.Крауш изложила добытые ею сведения об авторе и его труде, охарактеризовала значение и содержание памятника, историю его изучения. К этому вступлению с припиской "одобрено" прилагается 90 машинописных страниц перевода всего сочинения (с пропусками иснадов). Перевод был просмотрен И.Ю.Крачковским. Однако работа не была завершена. В тексте есть карандашная правка рукой О.А.Крауш, сохранились подготовительные материалы к комментарию и исследованию, переводы из других сочинений, различные выписки, библиографические заметки и т.п. (Шифр - р.1, оп.8, № 104).

Третьей "Книгой о налоге" является труд Кудамы ибн Джа^б фара (первая пол. X в.), дошедший, правда, частично. Видимо и это сочинение предполагалось к переводу. Во всяком случае научное значение этих памятников таково, что есть все основания призвать наших арабистов к завершению этого замечательного начинания.

О.А.Крауш умерла в 1942 г. во время блокады Ленинграда, едва достигнув 40 лет. Тяжелые испытания Отечественной войны не щадили и других сотрудников Арабского кабинета: в конце 1941 г. в 35 лет погиб на фронте А.М.Барабанов, после мытарств в 1941-м году в Ленинграде умер Г.Г.Гульбин, в эвакуации в Ташкенте в 1942 г. умерла совсем молодой С.М.Богданова-Березовская, в эвакуации же в 1943-м году умерла Е.А.Разумовская, а в этом же году в возрасте 37 лет в Ленинграде скончался Д.В.Семенов.

В Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР хранятся уцелевшие после войны работы этих ученых, о которых я и хотела бы упомянуть.

Так, у нас хранится отпечатанная и выправленная монография Д.В.Семенова "Относительные предложения в современном арабском литературном языке"; в ней 104 машинописных страниц. (Шифр - р.1, оп.8, № 53).

Для изучения этнографии арабских народов представляет интерес еще одна работа Д.В.Семенова - "Арабская рукопись шейха Тантави о народных праздниках Египта в первой пол. XIX в.". Это - этнографическое исследование объемом в 60 машинописных страниц, содержащее также русский перевод сочинения шейха ат-Тантави. Эта работа готова к печати. (Шифр - р.1, оп.8, № 54).

В 1934-1938 годах в Арабском кабинете осуществлялся перевод истории Абу Ханифы ад-Динавари "Китаб ал-ахбар ат-тивал" по изданию В.Ф.Гиргаса. К переводу была привлечена группа арабистов, было решено использовать также переводы, сделанные Н.А.Меднико-

вым к его "Палестине" и переводы его студентов. Перевод, однако, не был закончен. В Архиве имеется более 300 машинописных страниц и около 40 страниц в рукописи перевода, выполненного С.М.Березовской, Г.Г.Гульбиным, В.Д.Семеновым, А.М.Беленицким и Лыткиным. Из сочинения, имеющего в издании немногим более 400 страниц арабского текста, остались не переведенными первые 40 страниц - ранняя история и роман об Александре, которые должен был перевести М.А.Салье, стр.230-255 - хариджитское движение и стр.278-395, которые значатся в распределительном листке как уже переведенные ранее студентами Н.А.Медникова. Однако в фонде Н.А.Медникова упомянутых на листе тетрадей с переводами нет. Возможно, что эти тетради окажутся в архиве И.Ю.Крачковского, который редактировал перевод.

В 1964 г. у П.А.Грязневича возникла мысль вернуться к переводу сочинения ад-Динавари, и уже были найдены исполнители, но работа, едва начавшись, приостановилась в связи с его отъездом в заграничную командировку.

Следует назвать еще одну архивную работу, которой рано или поздно придется заниматься всерьез. Это - известный "Био-библиографический словарь русских и советских арабистов" в 2-х томах, выполненный в 1940 г. Г.Г.Гульбиным под редакцией И.Ю.Крачковского.

Начавшаяся война и смерть Г.Г.Гульбина помешали изданию словаря. Позднее неоднократно предпринимались попытки подготовить его к печати: требовалась унификация библиографического аппарата и восполнение некоторых особенно существенных пропусков и т.п. Но по разным причинам словарь не издан и по сей день. Сегодня же он нуждается не просто в больших дополнениях словника, но и в коренной переработке текста с учетом обширных архивных источников, лишь в малой степени использованных Г.Г.Гульбиным. Работа предстоит большая, но я убеждена, что ее необходимо проделать.

Я не имела в виду перечислить все работы арабистов, хранящиеся в нашем Архиве. Мне хотелось, упомянув лишь несколько из них, привлечь внимание к материалам Архива востоковедов. Многие из них еще не утратили своей научной ценности, они еще могут принести пользу науке. -И я выражаю надежду, что совместными усилиями архивных работников и арабистов мы выполним этот наш поистине святой долг.

Подписано к печати 15/IX-1977 г. А-02961
Объем 10,25 п.л. Уч.-изд. л. 9,48. Тир. 250 экз.
Зак. 332. Цена 95 коп.

Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

